

Pro et Contra

№ 3 (49), май — июнь 2010

Том 14

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Издается с августа 1996 г.

Выходит шесть раз в год

Главный редактор

Мария Липман

Заместитель

главного редактора

Александр Стариков

Редактор

Наталия Марголис

Ответственный

секретарь

Татьяна Барабанова

Консультационный совет

Владимир Барановский

Борис Дубин

Фарид Закария

Томас Карозерс

Эндрю Качинс

Анатолий Ливен

Мари Мендрас

Вадим Радаев

Кирилл Рогов

Дмитрий Тренин

Лилия Шевцова

Константин фон Эггерт

Евгений Ясин

Дизайн

Лидия Левина

Верстка

Никита Очагов

Учредитель

Фонд Карнеги

за Международный Мир

(Carnegie Endowment

for International Peace)

Проверка и корректура

Ольга Иванова

Издание осуществляется

при материальной

поддержке

Фонда Макартуров

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, Московский Центр Карнеги

Телефон: (495) 935-8904. Факс: (495) 935-8906. E-mail: editor@carnegie.ru

Электронные версии: <http://www.carnegie.ru/proetcontra/>

ISSN 1560-8913. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28240 от 18 мая 2007 г.

Распространяется бесплатно. Подписано в печать 13 августа 2010 года. Формат 60х90¹/₈. Усл. печ. л. 8. Тираж 2 000 экз.

Издательство «ARTCODEX». Москва, ул. Андроньевская Б., д.25/33. Типография ОАО ИПО «Лев Толстой». Тула, ул. Ф. Энгельса, 70. Заказ № 2964

© Carnegie Endowment for International Peace, 2010

Мало в чем отличие российского высшего образования от западного так очевидно, как в устройстве аспирантуры. Если говорить о лучших западных образцах — как правило, речь идет о главных американских университетах, — годы аспирантуры здесь требуют от человека почти монашеского отречения. Чтобы из выпускника университета превратиться в ученого, а

именно таково предназначение аспирантуры, гуманитарии приходится в течение нескольких лет еженедельно прочитывать по многу толстых томов и самостоятельно осмысливать интеллектуальное наследие прошлого.

В естественных науках к чтению прибавляется проведение серьезных и самостоятельных экспериментальных исследований. Интенсивность аспирантского курса оставляет минимум времени на остальное — развлечения, каникулы, личную жизнь.

По сравнению со своими западными сверстниками отечественные аспиранты особенно не надрываются. За редкими исключениями им незнакома обстановка напряженной интеллектуальной конкуренции, в которую погружены их американские коллеги уже на ранних подступах к научной карьере.

Конкуренция, составляющая самую основу американской культуры, в академической жизни присутствует не в меньшей степени, чем в бизнесе. Тому, кто одолел аспирантскую премудрость, написал диссертацию, получил гордое звание *PhD* и право обучать студентов, предстоит острая борьба за место на рынке академического труда, причем вожаемая преподавательская вакансия нередко требует разрыва личных связей и переезда совсем не туда, где хотелось бы жить. Дальнейшая жизнь тоже исполнена самоотречения: молодому преподавателю приходится доказывать, что он достоин профессорского звания. Он должен вести исследовательскую работу, писать статьи и книги, которые выносятся

на строгий анонимный суд авторитетных коллег. И разумеется, читать университетские курсы, добиваясь популярности у студентов — вкупе с личными научными достижениями это является важным требованием для получения *tenure*, постоянной штатной работы в университете.

Для того, чтобы добровольно согласиться на все эти тяготы, нужна преданная любовь к науке. Профессор зарабатывает неплохо, но не стремление к высокому заработку влечет человека к академической карьере. Высокие интеллектуальные способности и умение перерабатывать огромные объемы сложной информации можно употребить с куда большей выгодой. Не случайно аспирантов лучших университетов пытаются сманить и в финансовую сферу, и в инновационный бизнес. Недоучившемуся аспиранту-историку могут предложить в Силиконовой долине куда больше денег, чем ему стали бы платить в университете, даже после получения заветного *tenure*.

Помимо собственно научного призвания, стимулом для академической карьеры служит ее особый престиж. Ученый не соревнуется ни с бизнесменом, ни с политиком, ни с юристом. Хотя, разумеется, не всех ждет успех и слава, тем не менее в обществе с устоявшимися ценностями и долей идеализма каждый профессионал вправе считать, что занимается достойным делом. Достоинство профессора — в принадлежности к той части нации, которая зовется интеллектуалами и чьи профессиональные, научные познания пользуются авторитетом.

В России, разумеется, не иссякла любовь к научным занятиям и по-прежнему находится немало людей, бескорыстно преданных науке. Но это дело индивидуальное, в то время как престиж и авторитет ученых формируется в социальной среде. А вот с этим в сегодняшней России неблагополучно. Свидетельством тому — распространение антинаучных теорий и изобретателей шарлатанов, вроде историка Фоменко или автора «чудодейственных» фильтров Петрика. Проблема тут не в самом существовании лжеученых (их хватает в любой стране), а именно

в официальном признании и государственном покровительстве — в случае с Петриком, несмотря на категорически отрицательное заключение ученых из Академии наук. При этом спикер парламента, чье невежество иной раз просто поражает воображение, объявляет академических критиков «мракобесами».

Социальный статус ученого в России существенно подорван, а академические занятия не слишком престижны. Конечно, в какой-то мере уважение к ученой степени еще сохраняется — иначе чем объяснить, что достигшие больших карьерных высот на государственной службе в массовом порядке становятся кандидатами и докторами наук? Исследование, проведенное порталом slon.ru, показало, что полторы сотни федеральных чиновников защитили диссертации в последнее десятилетие! Но, используя академическую табель о рангах в качестве подпорки для собственного статуса, чиновники тем самым еще больше дискредитируют институт ученой степени, да и научную деятельность как таковую. Разумеется, каждому понятно, чего стоит диссертация, защищенная «без отрыва от производства», тем более такого хлопотного, как государственное управление, так что престиж получается дутый. (Напомним, что в известной работе американского ученого Клиффорда Гэдди было убедительно продемонстрировано, что, к примеру, диссертация Владимира Путина является продуктом плагиата.) В результате оказывается, что почти никакой вид деятельности не считается общественно признанной ценностью, любой статус шаток, а авторитет сомнителен.

Там, где в России принимают решения, как будто укоренилось представление, что систему высшего образования и науки необходимо реформировать, причем ориентируясь именно на западные образцы. Но даже самые лучшие

программы и проекты даже при самом щедром финансировании не могут быть успешны в отсутствие у общества ясных ценностей и ориентиров.

Чтобы реформировать систему образования, недостаточно изменить структуру университетов и характер подготовки вузовских преподавателей, а также укрепить связь вузов с наукой, хотя все перечисленное уже и так требует поистине революционных преобразований. Для того, чтобы университетское образование способствовало эффективному развитию России и закреплению ее места среди ведущих держав, потребуется куда большее: модернизационный сдвиг в мироощущении россиян, в их системе ценностей. Впрочем, между тем и другим существует неразрывная связь, и сдвиг в мировосприятии невозможен без реформы образования.

Нынешний номер *Pro et Contra* посвящен российской реформе образования. **Вадим Радаев** предлагает вниманию читателя основные принципы построения современного университета в России; частично эти принципы уже воплощаются на практике в Высшей школе экономики, проректором которой является автор. **Игорь Федюкин** и **Исак Фрумин** анализируют состояние дел в тех российских вузах, которые выделены в группу флагманов реформы. **Борис Дубин** рассуждает об общественном восприятии самого института высшего образования. В статье **Харли Балзера** проводится сравнение вузовской реформы в России и в Китае. **Тимоти О'Коннор** пишет о проблемах, связанных с перенесением на российскую почву американских образовательных моделей. За пределами главной темы мы публикуем материал **Нatalьи Зубаревич**, основанный на данных за 2009 год, о том, как отразился кризис на экономике российских регионов. **Олег Подвинцев** обсуждает перспективы «Единой России» на муниципальном уровне.

Мария Липман, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

6 Пять принципов построения нового университета

ВАДИМ РАДАЕВ

«Нынешние дискуссии о модернизации и инновациях страдают характерным недостатком: все разговоры начинаются с того, что необходимо найти субъект преобразований, но тут же сводятся к обсуждению общих процессов, еще через минуту утыкаясь в проблемы политической власти и недееспособных чиновников, то есть почти сразу заходят в тупик. Мы же будем исходить из того, что объектом деятельности лучше всего сделать самого себя (свою организацию), а уже изменяя себя, пытаться влиять на более общие процессы».

19 Российские вузы-флагманы

ИГОРЬ ФЕДЮКИН, ИСАК ФРУМИН

«За последние несколько лет особым статусом в России были наделены почти четыре десятка университетов. Помимо находящихся в уникальном положении МГУ и СПбГУ, к вузам-флагманам относятся теперь 7 федеральных и 29 национальных исследовательских университетов. В целом круг университетов, на развитие которых делают ставку федеральные власти, обозначен, и сегодня можно попытаться оценить как саму программу формирования вузов-флагманов, так и ее вероятные последствия».

32 Качество или диплом?

БОРИС ДУБИН

«Основной ценностью и вместе с тем ценностным дефицитом нынешнего российского общества в высказываниях практически всех опрошенных социальных групп выступают деньги. Такова «плата» за слишком большой и скоростной разрыв — между богатыми и бедными группами населения; социально-статусными верхами и низами; социокультурными центрами российского общества и его гигантской по географическому масштабу и по объему населения периферией; между

15–20 процентами взрослых россиян, составляющих более успешные фракции общества, и массами “лузеров”, возрастным, образовательным, статусным большинством».

52 Обучение инновациям в России и в Китае

ХАРЛИ БАЛЗЕР

«Сегодня и Россия, и Китай стремятся создать в своих странах исследовательские университеты мирового класса. Для руководителей обеих стран желанным проектом модернизации является построение высокотехнологичной инновационной экономики; соответственно, правительства считают, что для достижения этой цели необходимы инвестиции в человеческий капитал. И те и другие сталкиваются с одной и той же проблемой: как построить конкурентоспособную инновационную экономику на развалинах системы советского типа».

72 Российское высшее образование: составление с США

ТИМОТИ О'КОННОР

«Следует отметить, что не существует некоего универсального образовательного образца. Речь идет об адекватности системы образования страны тем задачам, которые она перед собой ставит. К тому же необходимо помнить, что модернизация высшего образования невозможна без изменения структуры и системы средней школы. Школьное обучение создает некий плацдарм для высшего образования, так что абитуриент, окончивший школу советского образца, не сможет успешно адаптироваться к чужой для его страны образовательной системе».

СТАТЬИ

81 Стабилизация без модернизации

НАТАЛЬЯ ЗУБАРЕВИЧ

«В развитых экономиках кризисы модернизируют рынки труда, сокращая неэффективную занятость. Это болезненный процесс, требующий масштабной поддержки высвобождаемых со стороны государства, но без такой санации модерни-

зация занятости невозможна. Россия продемонстрировала особый путь адаптации — не через стандартное для других стран высвобождение работников, а через распределение кризисных издержек на всех занятых в виде снижения зарплат. Изменился ли этот тренд в ходе нового кризиса?»

97 «Глиняные ноги» партии власти ОЛЕГ ПОДВИНЦЕВ

«Итоги избирательных кампаний с осени 2008-го по весну 2010 года позволяют сделать вывод о нарастании у «Единой России» проблем на выборах глав муниципалитетов. При этом не стоит недооценивать значимость выборов глав муниципальных образований, зачастую они имеют принципиальное значение. Явка избирателей на них, как прави-

ло, уступает явке на федеральные выборы, в том числе на выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ, но у общественно активной части населения они вызывают, возможно, даже больший интерес».

РЕЦЕНЗИИ

106 *Ronald D. Asmus. A Little War that Shook the World: Georgia, Russia, and the Future of the West*
ТОМАС ДЕ ВААЛ

114 *Gholam Reza Afkhami. The Life and Times of the Shah*
КОНСТАНТИН ФОН ЭГЕРТ

123 Наши авторы

124 Contents and Summaries

Пять принципов построения нового университета

Каким должен быть современный передовой университет, соответствующий новым критериям, и в каких направлениях он должен развиваться | **ВАДИМ РАДАЕВ**

Большинство из нас — людей, работающих в образовательном сообществе, — давно согласилось (или смирилось) с мыслью, что привычная модель университета себя изжила. Причем речь идет не просто о модели университета, фактически сложившейся в советской России, но и о кризисе бытовавших ранее идеальных представлений о том, каким должен быть современный (читай «западный») университет. Эти представления, по крайней мере на европейском континенте, основывались на принципах гумбольдтовского университета как центра универсального знания. Именно они сегодня и подлежат фундаментальному пересмотру¹ на фоне стремительной дифференциации университетов и возникновения их новых разновидностей, в том числе глобальной модели исследовательского университета².

В России последнего десятилетия содержательные поиски нового типа университета получали дополнительный стимул благодаря попыткам государства перейти к иному способу финансирования вузовской системы. Эти попытки обосновывались тем, что госу-

дарство не может и впредь «размазывать» ограниченные ресурсы по более чем тысяче вузов, часть которых откровенно имитирует процесс образования. Был поставлен вопрос о концентрации ресурсов и приоритетном финансировании передовой группы университетов, способных обеспечить прорыв в международное образовательное сообщество и выполнить высокую миссию форпоста преобразований российской образовательной системы в целом.

Фактически речь шла о воспроизведении опыта Китая, который реализовал подобные программы еще в 1990-е годы (см. статью Х. Балзера на с. 52–71). В отличие от китайцев, мы оказались менее решительными и последовательными, поэтому первые шаги были провальными или половинчатыми.

Первая систематическая попытка выделить передовой отряд российских вузов была предпринята еще в 2002-м (тогда это называлось «выделение ведущих вузов»). Продолжительная работа специальной комиссии Министерства образования РФ в тот раз закончилась ничем: был лишь поставлен важный вопрос о необходимости дифференцированного подхода к вузовской системе и о накоплении определенного опыта его проработки.

ДАННАЯ СТАТЬЯ ЯВЛЯЕТСЯ РАЗВЕРНУТЫМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ВЫСТУПЛЕНИЯ АВТОРА НА КРАСНОЯРСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФОРУМЕ 13 ФЕВРАЛЯ 2010 ГОДА, НА СЕКЦИИ «УНИВЕРСИТЕТЫ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ». МЫ БЛАГОДАРИМ И.Д. ФРУМИНА ЗА ПОЛЕЗНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПЕРВОМУ ВАРИАНТУ РАБОТЫ

Более решительно, как казалось поначалу, приступили к делу в 2006 году в рамках национального проекта «Образование». Впервые был проведен настоящий конкурс, в результате которого были отобраны 57 российских вузов (17 в 2006-м и 40 в 2007 году) для реализации их собственных инновационных образовательных программ. Сами же вузы теперь назывались «инновационными». Принципиально важным обстоятельством казалось то, что, как заявляло руководство страны, речь шла не просто о раздаче денежных средств, а о создании нового механизма проектного финансирования программ, направленных на развитие лучших университетов. К сожалению, эти заявления не полностью подтвердились на практике: по прошествии двух лет, отведенных для реализации инновационных образовательных программ, национальный проект был вдруг приостановлен, а финансирование программ прекращено. Выяснилось, что никакого механизма не появилось. Причина этого заключалась отнюдь не в наступившем финансовом кризисе, а в отсутствии самой содержательной идеи, как продолжить проект. Подобное прекращение нацпроекта породило не только разочарования, но и поставило вузопобедители в сложные условия: многие создали новые исследовательские и образовательные центры, которые теперь нужно было либо закрывать, либо поддерживать из собственных средств.

Впрочем, опыт национального проекта был по-своему ценен и, несомненно, использовался при планировании очередного шага в 2009-м — конкурса национальных исследовательских университетов, в результате которого были выделены 12 лучших вузов (не считая федеральных университетов)³. Программа не лишена некоторых странностей (например, национальным исследовательским университетам было запрещено использовать выделенные средства собствен-

но на исследования), но в целом она стала не только логическим продолжением ранее обозначенной политической линии, но и некоторым шагом вперед: программа рассчитана уже не на два года, а на пять лет.

Обсуждение статуса и миссии сначала ведущих, затем инновационных, а позднее исследовательских и федеральных университетов (в дискуссиях используются также термины «университеты мирового класса»⁴ и «университеты нового поколения») не дало ответа на главный вопрос: каким должен быть современный передовой университет, соответствующий новым критериям, и в каких направлениях он должен развиваться, чтобы оправдать то или иное высокое наименование.

Именно этому вопросу и будут посвящены наши дальнейшие рассуждения. В данном случае речь пойдет не об университетской системе в целом и не о реформах «сверху», а о принципах построения нового исследовательского университета с точки зрения его собственной университетской политики. Мы полагаем, что нынешние дискуссии о модернизации и инновациях страдают характерным недостатком: все разговоры начинаются с того, что необходимо найти субъект преобразований, но тут же сводятся к обсуждению общих процессов, еще через минуту утыкаясь в проблемы политической власти и недееспособных чиновников, то есть почти сразу заходят в тупик. Мы же будем исходить из того, что объектом деятельности лучше всего сделать самого себя (свою организацию), а уже изменяя себя, пытаться влиять на более общие процессы.

Говоря о *принципах* построения нового университета, мы будем иметь в виду не общие ценности (идеальные стандарты), но основные установки внутренней политики университета, императивы к практическому действию (ранее это определялось нами как «принципы действия»). В отличие от идеаль-

ных моделей, они в гораздо большей степени соответствуют понятию «*векторные стратегии*», представляя собой пучок открытых направлений, по которым организуется целенаправленное продвижение. При разработке векторной стратегии задается не конечное состояние, которого необходимо достичь по завершении целенаправленных действий, а траектория первоначального движения, которая подвергается постоянной корректировке по мере продвижения вперед ⁵.

Итак, для того чтобы построить университет нового поколения, на наш взгляд, нужно последовательно реализовать как минимум пять ключевых принципов, которые определяют стратегические векторы развития университета и предполагают основательное изменение его организационных механизмов. Все они исходят из ключевой посылки, что университет должен превращаться из замкнутой профессиональной системы в разомкнутую, не только меняющую формы своей деятельности, но преобразующую собственное ядро и открывающуюся для других внешних сред, создавая дополнительные стимулы для своего развития. К данным принципам относятся:

- отказ от жестких образовательных стандартов в пользу непрерывных образовательных инноваций;
- преобразование учебного заведения в исследовательский университет;
- смещение приоритетов от поддержания функциональности к вложениям в человеческий капитал;
- переход от региональной замкнутости к включению в международные сетевые профессиональные сообщества;
- превращение «башни из слоновой кости» в центр притяжения разнородных внеуниверситетских сил.

Организационные формы реализации указанных принципов мы продемонстрируем на конкретном опыте Национального исследо-

вательского университета — Высшей школы экономики (НИУ-ВШЭ) ⁶. Причем речь пойдет не о будущих планах, а преимущественно о том, что уже практически делается с большим или меньшим успехом. Университет, несомненно, имеет свою специфику, развивая весь спектр экономических, социальных и отчасти математических и информационных направлений, но не имея естественных и технических наук. Тем не менее, обращаясь к конкретному опыту построения векторной стратегии, мы надеемся выйти и на некоторые общезначимые принципы действия.

От жестких стандартов к непрерывным образовательным инновациям

Этот принцип содержит в себе серьезное противоречие. Дело в том, что учебный процесс по своей сути достаточно ригидный или, по крайней мере, обладает большой инерцией. Его нельзя менять постоянно, если хочешь достичь какого-нибудь контролируемого результата. Добавим к этому естественные сложности любых инновационных процессов, неизбежные организационные трудности и нарастающую усталость коллектива от постоянных преобразований. И тем не менее образовательный процесс должен во все большей степени открываться для внутренних изменений.

Мы затронем несколько конкретных направлений, где применяется данный принцип, и начнем с проблемы образовательных стандартов. Национальным исследовательским и федеральным университетам официально дозволено разрабатывать собственные образовательные стандарты. Здесь кроется некий парадокс: только что завершена разработка Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) третьего поколения, они даже еще не введены, а уже от ведущих вузов ожидается их преобразование. Добавим, что именно ведущие вузы (как бы они ни назывались) и разрабатывали

эти стандарты, от которых они теперь могут (или должны?) отказаться.

Впрочем, данный парадокс во многом оказывается мнимым, если обратиться к сути ФГОС: они разрабатываются ведущими вузами, но преимущественно не для самих себя, а для тех, кто нуждается в некой планке, до которой необходимо дотянуться, чтобы пройти очередную комплексную проверку Рособнадзора. Самим же ведущим вузам вряд ли нужны такие стандарты, чтобы поддерживать качество образования, каковое и без того должно быть на достаточной высоте.

процесса. При подготовке новых учебных планов мы исходим из того, что число дисциплин должно уменьшаться, а их продолжительность — расти, чтобы предоставить студентам возможность для надлежащего разбега. В качестве ориентира желательно выйти на общую численность в 35–40 учебных дисциплин в бакалавриате и 12–14 учебных дисциплин в магистратуре. (Стоит добавить, что в магистратуре НИУ-ВШЭ этот рубеж уже достигнут.)

Второй недостаток наших рабочих учебных планов — их чрезмерная обязательность,

“Число дисциплин должно уменьшаться, а их продолжительность — расти, чтобы предоставить студентам возможность для надлежащего разбега”.

Что же может означать сегодня разработка вузом собственных образовательных стандартов? Официальных предписаний на сей счет пока не поступало, приходится думать самим. На наш взгляд, здесь следует реализовать следующие направления:

- укрупнение учебных дисциплин;
- индивидуализация учебных планов;
- изменение подхода к преподаванию непрофильных дисциплин;
- развитие исследовательской составляющей.

Кратко прокомментируем эти направления. Первая проблема заключается в том, что наши учебные планы по-прежнему избыточны дисциплинами малой продолжительности, которую пытаются компенсировать повышенной интенсивностью подачи материала. В результате студенты не успевают освоить (тем более осознать) содержание этих предметов, они перегружены отчетностью в рамках промежуточного и итогового контроля, пытаясь справиться с этой задачей путем списывания и плагиата, что дополнительно снижает конечную результативность

безальтернативность, вызванная слишком узким пониманием системы пререквизитов и чрезвычайно широким пониманием минимального набора знаний, которые совершенно необходимо «передать» студенту, чтобы вырастить из него высококвалифицированного специалиста. Здесь основным вектором следует считать *индивидуализацию учебных планов*, которая позволяет студенту самостоятельно выстраивать свою образовательную траекторию (при всех возможных издержках). Индивидуализация учебных планов предполагает:

- резкое сокращение числа обязательных дисциплин;
- выбор дисциплин не только из фиксированных альтернатив, но и из широкого пула элективных дисциплин;
- возможность выбора дисциплин из других программ и факультетов;
- переход к системе более гибких специализаций.

Сокращение числа обязательных дисциплин означает серьезный пересмотр того, что понимается под ядром данного направле-

ния. Сегодня к жесткому ядру (обязательно-му для всех студентов данного направления) готовы относить от полутора до двух десятков учебных предметов, и государственные стандарты третьего поколения в этом отношении продвинулись не слишком далеко. Последовательное проведение принципа индивидуализации означает, что многое из прежнего обязательного набора должно быть переведено в статус электива. А это связано с ломкой устоявшихся представлений о способах подготовки специалистов и о заведомо приниженном статусе

Зона студенческого выбора также может расширяться за счет дисциплин, взятых из других программ и других факультетов. Такая система уже введена в магистратуре НИУ ВШЭ, где определенное число кредитов, полученных за дисциплины других программ и других факультетов, засчитывается студентам в рамках основной программы.

Сложный вопрос связан с преподаванием *непрофильных/нетитульных дисциплин* (например, социальных и гуманитарных) на разных факультетах. Сейчас многие из этих дисциплин читаются на обязательной основе.

“Студентам вполне может быть позволено выбирать из **широкого пула дисциплин и самостоятельно выстраивать содержательные связи между ними”.**

элективных дисциплин, сопряженном с необходимостью бороться за студенческий контингент.

Кроме расширения свободы студенческого выбора, индивидуализация планов означает постоянную гибкую корректировку учебного процесса, связанную с тем, что какие-то учебные дисциплины периодически выпадают из поля выбора и замещаются новыми. В результате преподавательский состав также вынужден не стоять на месте.

Модели индивидуализации учебных планов могут быть разными. В рамках направлений, где более важную роль играет система пререквизитов (например, направления с повышенным содержанием математики), выбор в большей степени осуществляется из неких содержательных связей, или дисциплинарных линеек. Но в тех случаях, когда вопрос о пререквизитах стоит не столь остро (например, в социальных и гуманитарных науках), студентам вполне может быть позволено выбирать из широкого пула дисциплин и самостоятельно выстраивать подобные содержательные связи.

В большинстве случаев речь идет о «кратких курсах», неких общих введениях, не дающих целостного представления о предмете и лишенных инструментальной составляющей. В результате эти дисциплины крайне поверхностно осваиваются и быстро забываются. Как студенты, так и преподаватели взаимно не заинтересованы в подобных дисциплинах, а факультеты при случае стараются от них избавиться.

Мы полагаем, что любая университетская программа должна содержать широкий спектр социальных и гуманитарных предметов, преподаваемых в достаточно большом объеме. Однако принципы их организации могут быть изменены. Например, в НИУ-ВШЭ сегодня обсуждается следующая модель. Большая часть этих дисциплин переводится из обязательных в элективы, но при этом серьезно увеличивается их продолжительность (например, от стандартного семестра до полного учебного года). И главное, программы этих непрофильных дисциплин становятся комплексными, тем самым давая более целостное представление о предмете,

включая инструментальные составляющие. Это означает, что студентам предлагается не только общая теория, но и более частные разделы, связанные со спецификой данного направления обучения, а также исследовательские методы, что позволит если и не пользоваться ими профессионально, то по крайней мере понимать, как данная дисциплина производит свое особое знание.

Статус электива будет означать, что данную дисциплину прослушают не все, и многих это смущает. Зато на нее придут наиболее мотивированные студенты, которые сами ее выбрали, что, в свою очередь, повысит и мотивацию преподавателей. А конкуренция за лучших студентов заставит лучше адаптировать содержание дисциплин к потребностям данного факультета/отделения.

Наконец, должна расширяться *исследовательская составляющая* учебных планов. Причем не только в магистратуре, где она призвана стать стержнем всего образовательного процесса, но и в бакалавриате. Уже с первого курса здесь могут появляться профориентационные дисциплины, обучающие базовым навыкам академической и, шире, исследовательской работы — поиску и обработке разнородной информации, написанию текстов, презентации полученных результатов и т. п. В рабочих учебных планах должны появляться научно-исследовательские семинары — не только в виде ритуальной строки, а в виде регулярных аудиторных занятий, выстроенных по отдельным программам. Особую роль такие семинары призваны играть в магистратуре, где весь процесс ориентирован на подготовку магистерской диссертации — итоговой самостоятельной исследовательской работы студента.

И еще один пресловутый вопрос: как стимулировать инновации «снизу»? Поскольку без такого движения осуществляемые «сверху» реформы не находят достаточного подкрепления на университетском уровне,

а многие интересные начинания лучших преподавателей остаются неизвестными, не выходя за порог кафедры или даже аудитории.

Для *поддержки образовательных инноваций* требуются специальные механизмы. В НИУ-ВШЭ в качестве такого механизма используется долгосрочная программа «Фонд образовательных инноваций», где на конкурсной основе выявляются лучшие образовательные практики и стимулируются новые разработки и проекты. Их спектр весьма широк, включая разработку и реализацию новых методик научно-исследовательских семинаров и моделей организации самостоятельной работы студентов; нетрадиционные формы организации семинарских занятий и проектов дистанционной поддержки образовательных программ; преподавание учебных дисциплин на английском языке и обучение академическим навыкам; предложение концепций новых образовательных практикумов, предполагающих применение инструментальных методов в исследовательской и проектной работе, и организация видеозаписи учебных дисциплин для их публикации на корпоративном и образовательном порталах университета. К этому открытому списку периодически добавляются новые конкурсы, цель которых поддержать инновационную активность и распространить информацию о лучших практиках по всему университету.

От учебного заведения к исследовательскому университету

Статус исследовательского университета подразумевает в основе своей весьма простое (по формулировке, не по исполнению) условие: абсолютное большинство преподавателей университета должны систематически заниматься исследовательской или иной проектной работой. Это позволяет преподавателям не ограничиваться лишь традиционным занятием — передавать накопленные знания,

но постоянно вводить в учебный процесс результаты новых исследовательских разработок. С точки зрения организации учебного процесса это означает создание таких форм, которые расширяют исследовательские компоненты в работе каждого студента.

Заставить кого-либо заниматься исследованиями нельзя, но можно создать системы *селективных стимулов* для преподавателей, побуждающие отводить больше времени на такого рода занятия. При этом рассчитывать на внешние (западные и российские) фонды, как это делалось в 1990-е, уже практически не

исследовательскую деятельность преподавателей и предоставляет исследовательские гранты.

Среди самых простых, но в то же время массовых инструментов следует указать *академическую надбавку* первого уровня, которая выдается преподавателям автоматически (без дополнительных специальных решений) на двенадцать месяцев за наличие определенного числа публикаций (существует стандартная шкала балльной оценки этих публикаций). Здесь даже не оценивается качество и характер публикаций, достаточно самой публикационной активности.

“В научно-учебных лабораториях наряду с профессорами и доцентами работают студенты старших курсов как бакалавриата, так и магистратуры и аспиранты”.

приходится. Многие из них прекратили свою деятельность по поддержке исследователей, а масштаб деятельности оставшихся слишком далек от того, чтобы решить поставленную задачу. Вот почему, продолжая работу по привлечению внешних средств из благотворительных фондов, университет должен формировать собственные фонды и реализовывать собственную политику.

Например, в Высшей школе экономики на этом направлении создано две крупные программы. Первая из них связана с реализацией (начиная с 2008 года) правительственной программы фундаментальных исследований. Из соответствующего фонда Центра фундаментальных исследований выделяются средства на проекты научных институтов и лабораторий, работающих по приоритетной и перспективной тематике. Число этих тем в масштабах всего университета приближается к ста наименованиям.

Параллельно существует созданная еще в 2004-м на основе внебюджетных средств университета программа «Научный фонд», которая обеспечивает академические надбавки за

Размер вознаграждения и срок его выплаты удваиваются при академической надбавке второго уровня, которая присваивается за вклад в научную репутацию университета. В этом случае речь идет уже не о количестве, а о качестве публикаций, которое оценивается независимыми экспертами. Такую же надбавку с 2010 года можно получить за публикацию статьи в международном реферируемом журнале определенного уровня.

Кроме того, из Научного фонда на конкурсной основе выдаются исследовательские гранты сроком на один год, которые позволяют самостоятельно работать над той или иной темой. Всячески поддерживается и одобряется также подача заявок в Российский фонд фундаментальных исследований и Российский гуманитарный научный фонд, поскольку подобная активность в настоящее время не слишком высока. При получении гранта из этих фондов университет может удвоить его сумму из собственных средств.

Важно стимулировать научные контакты и поездки на конференции и семинары. Для этого существуют специальные программы

travel-грантов, которые также финансируются на конкурсной основе из Научного фонда и из средств фондов факультетов.

Отдельный вопрос связан с вовлечением в исследовательскую деятельность *студентов и аспирантов*. Для этого проводится особый конкурс Научного фонда под названием «Учитель — ученики», в рамках которого выдаются двухлетние коллективные гранты на исследования, где в качестве обязательно условия участвуют студенты под научным руководством признанного специалиста. В университете также материально поощряются научные руководители успешно защитившихся аспирантов.

Возникают и более сложные организационные формы. С 2005-го в университете создаются научно-учебные лаборатории (есть уже 20 таких лабораторий), которые построены по принципу «неадминистративной вертикали», то есть наряду с профессорами и доцентами в них работают студенты старших курсов как бакалавриата, так и магистратуры и аспиранты. Причем молодежь используется не «на подхвате», а оформляется в качестве постоянных сотрудников, участвующих в коллективных исследовательских проектах или ведущих самостоятельные мини-проекты.

Само по себе выделение материальных ресурсов, разумеется, не может радикально изменить ситуацию в исследовательской области. Но специальные схемы их расходования, порождающие селективные стимулы, постепенно запускают механизм благоприятного отбора.

Добавим, что расширение возможностей для преподавателя-исследователя не отменяет необходимости предъявлять некие *базовые требования* ко всем преподавателям. С 2009 года в НИУ-ВШЭ требование ежегодных публикаций включено в стандартный трудовой договор преподавателя (за исключением военной кафедры и кафедры физического

воспитания), и этот параметр рассматривается как один из основных при выдвижении преподавателя на очередной конкурс.

Высшая школа экономики, как и другие вузы подобного профиля, не нуждается в сложном и дорогостоящем техническом оборудовании. Однако это не означает, что техническая составляющая здесь отсутствует. Принципиальную роль в области экономических и социальных исследований выполняют *информационные базы*. Их создание и развитие или закупка требуют солидных средств и изрядных усилий.

Так, по решению соответствующего совета из профильных специалистов Высшая школа экономики ежегодно закупает международные базы данных (*Bloomberg, Reuter* и др.). Исследовательские подразделения университета проводят собственную работу (в том числе с привлечением сторонних организаций), получая новые данные и осуществляя около десятка ежегодных мониторингов — поведения домохозяйств и предприятий, институтов гражданского общества. Среди прочего университет поддерживает единственную в России базу национальных панельных обследований домохозяйств, построенную по международным стандартам, — Российский мониторинг экономического поведения и здоровья населения (РМЭЗ).

В конце 2009-го в Высшую школу экономики переведен Единый архив социологических данных, созданный десятилетие назад Независимым институтом социальной политики. Теперь он представляет собой Единый архив экономических и социологических данных ВШЭ, цель которого накапливать эмпирические массивы и делать их доступными для широкого профессионального сообщества и обучающихся.

Высшая школа экономики занимает лидирующие позиции среди российских университетов по закупке *лицензионных электронных*

библиотечных баз (в корпоративном доступе их уже 37), позволяющих в режиме онлайн получить доступ практически ко всем ведущим периодическим изданиям.

Во всех этих случаях речь идет о конкретных инструментах и механизмах, призванных обеспечивать переход к исследовательскому университету, не ограничиваясь традиционными рассуждениями о необходимости органического соединения образования и науки.

От поддержания функциональности к вложениям в человеческий капитал

Сколько бы ни говорили о важности инфраструктурного обеспечения деятельности университета, его основной капитал, безусловно, составляют преподаватели и сотрудники. Именно поэтому наиболее эффективны в данном случае не инвестиции в здания и сооружения (каковые, конечно, тоже необходимы), но вложения в человеческий капитал.

Мы уже затрагивали эту тему в связи с селективными стимулами к исследовательской работе, но это лишь один из ее аспектов. Фундаментальная задача университетов — переход от базового контракта с преподавателем, создающего минимально необходимые условия для нормального исполнения служебных обязанностей, к так называемому *эффективному контракту*⁷, позволяющему не прибегать к работе по совместительству и сосредоточиться на основной профессиональной (образовательной и исследовательской) деятельности. Разумеется, это требует специальной политики по концентрации и расходованию университетских ресурсов.

Как альтернатива повышению оплаты труда рассматривается *снижение учебной нагрузки* преподавателей, что позволяет им уделять больше времени подготовке к занятиям и творческой исследовательской активности. Для этого в 2009 году в Высшей школе экономики введены творческие отпуска для

исследовательской работы с сохранением заработной платы. Чтобы помочь преподавателям вести учебные дисциплины, на курсовой основе привлекаются оплачиваемые ассистенты, которые освобождают ведущих преподавателей от большого количества рутинной работы. На одну четверть снижена нормативная учебная нагрузка определенных категорий молодых преподавателей, в наибольшей степени страдающих от чрезмерной аудиторной нагрузки. Все эти меры призваны хотя бы частично облегчить преподавательский труд и дополнить базовые и селективные материальные стимулы.

Одной из важных инвестиций в человеческий капитал выступает *повышение квалификации преподавателей и сотрудников*, что вряд ли требует дополнительных обоснований. В НИУ-ВШЭ создан особый Центр повышения квалификации, который реализует множество специальных программ. Среди них, помимо программ по отдельным профессиональным направлениям, упомянем следующие:

- использование электронных библиотечных ресурсов;
- развитие академических навыков: подготовка статьи для публикации в международном реферируемом журнале;
- работа с базами количественных и качественных данных;
- изучение иностранных языков;
- освоение различных компьютерных программ.

Спектр программ постоянно расширяется, позволяя преподавателям регулярно совершенствовать свои навыки и приобретать новые профессиональные компетенции.

Наконец, необходимо заботиться об *обновлении преподавательского состава*. Наиболее сложная проблема — это привлечь и удержать молодые кадры в условиях, когда рынок предлагает более благоприятные в материальном и карьерном отношении возможности.

В этих целях в Высшей школе экономики создана специальная программа кадрового резерва (формальное название — «группы высокого профессионального потенциала»), которая включает следующие категории молодых преподавателей:

- новые преподаватели, пришедшие на работу в университет на полную ставку;
- будущие профессора — молодые перспективные кандидаты наук;
- будущие преподаватели — старшие студенты и аспиранты, которые уже привлекаются для самостоятельной преподавательской деятельности или для ассистирования преподавателям.

Первые две категории преподавателей в течение двух лет получают поддержку в виде так называемых стартовых грантов, позволяющих им закрепиться в академической среде и выйти на новый профессиональный уровень, чтобы в дальнейшем успешно конкурировать со старшими и более титулованными коллегами. Для всех категорий устраиваются специальные тренинговые программы и курсы проектов.

Таким образом, говоря о вложениях в человеческий капитал, мы должны иметь в виду не столько повышение оплаты труда (что тоже необходимо), сколько селективные стимулы и механизмы, создающие условия для благоприятного кадрового отбора.

От региональной замкнутости к международным сетевым сообществам

Сегодня нельзя всерьез говорить об исследовательском университете или университете нового поколения, не ставя вопрос о последовательной *интернационализации образовательных программ* и о включении университета в глобальное образовательное и исследовательское пространство ⁸.

Несколько лет назад, обследовав 20 ведущих российских вузов и просчитав их дости-

жения по оригинальной методологии, мы пришли к заключению, что они находятся примерно на полпути к реализации базовых требований Болонского процесса. Так, магистерские программы разрабатывались по минимуму, а академическая мобильность студентов и преподавателей оставалась явно недостаточной ⁹. Про основную же часть вузов говорить не приходилось. Формально этот процесс ускорился с официальным введением двухуровневой системы высшего профессионального образования, которая предписывала формировать учебные программы, хотя бы по структуре сопоставимые с программами международных университетов, и позволяла достроить образовательные траектории российских студентов.

В Высшей школе экономики еще до введения в 2007 году нового закона о двухуровневом образовании активно разрабатывались *магистерские программы* (к 2010-му их число достигло 60). В 2010 году прием на бюджетные места в магистратуру университета в Москве сравняется с приемом на бюджетные места в бакалавриат. При этом около половины поступающих приходят из других российских вузов, а 30 проц. абитуриентов меняют направление обучения. Для поддержки упомянутых категорий открыто специальное бесплатное подготовительное отделение.

Тем не менее установить структурное соответствие учебных программ — не самая сложная задача на пути интернационализации, особенно если дело касается не выезда российских учащихся за рубеж, а приезда в Россию иностранных студентов. Второй шаг — это совместные с зарубежными университетами программы двойных дипломов. Однако он тоже в основном предназначен для импорта, а не экспорта образовательных услуг ¹⁰. Для того чтобы перенаправить в Россию часть глобального потока студентов, большинство из которых не знают и не будут знать русского языка, нет никакой альтерна-

тивы развитию образовательных программ, преподаваемых на английском языке.

Приступая к этому третьему шагу, можно решиться на создание специальных программ для иностранных студентов (пример такой успешной программы представлен, например, Европейским университетом в Санкт-Петербурге). Но более глубоким по своим последствиям для университета и для изменения его академической среды следует признать другой путь: когда иностранные студенты приезжают для получения диплома или для включенного обучения совместно с российскими студентами. Тем самым не создаются специальные анклавы для иностранцев, а переводятся на международные рельсы основные образовательные программы, содержание которых должно меняться, приближаясь к распространенным международным образцам.

Этот нелегкий и, безусловно, длительный процесс должен сопровождаться постепенным вхождением университета в международное профессиональное сообщество, что сопряжено не только с выполнением структурных требований международного стандарта, но и с существенным расширением масштабов академической мобильности — и студентов, и преподавателей. Необходимо не только проводить международные научные конференции, но и включать российских исследователей в международные сетевые проекты; не просто приглашать зарубежных ученых и преподавателей, чтобы они прочитали курс лекций, но нанимать их на длительные контракты или на постоянную работу.

В этой связи упомянем еще одну программу Высшей школы экономики, которая в течение четырех лет выходит на международный рынок труда, объявляя открытый конкурс по приглашению на постоянную работу экономистов с международной степенью *PhD*. После двухступенчатого отбора из десятков кандидатов со всего мира, ежегодно

в университет принимаются несколько человек на условиях особого контракта. Добавим, что с 2010 года эта практика распространилась на специалистов по социологии и менеджменту. То обстоятельство, что в университет приходят носители иного академического опыта, должно содействовать реальному процессу интернационализации.

От «башни из слоновой кости» к центру стратегических партнерств

Изначальная идея университета в классическом понимании представляет его как сообщество профессоров и центр неутилитарного знания. Университетское ядро составляет высокообразованное и в то же время относительно замкнутое сообщество с развитыми нормами академической этики и стандартными процедурами, которые в немалой степени выполняют охранительную функцию, защищая данное сообщество и представляемые им дисциплины от чужаков и неофитов.

Сегодня подобные представления во многом сохраняются в профессиональной среде, но привычная модель меняется на глазах, преодолевая узкопрофессиональные границы. Современный университет давно утратил функцию главного производителя знания и монополию на образовательные программы. Для того чтобы быть успешным в нынешней, очень динамичной ситуации, университет должен эффективно взаимодействовать с внешними, неакадемическими средами. Если же университет претендует на большее — на роль культурного центра, медиатора по отношению к этим внешним средам, интегрирующим их разные возможности, — он тем более должен быть *открытым* тому, что строится по иным, неуниверситетским правилам.

Это не означает, что университет утрачивает свою автономию, полностью переключается на производство утилитаристского знания «на потребу дня» и превращается в обслуживающий инструмент по отношению

к рынку труда, сфере новых технологий и т. д. Университет должен взаимодействовать с различными практическими сферами, не теряя собственной автономии. Подобное состояние было названо экономсоциологом Питером Эвансом «укорененной» или «встроенной» автономией (*embedded autonomy*)¹¹.

С организационной же точки зрения реализация такой программы, имеющей целью построение системы взаимодействия с внешними средами, означает формирование сложной гетерогенной структуры самого университета, втягивающего в себя элементы, изоморфные элементам этих сред¹². Такие структурные элементы должны формироваться в рамках *стратегических партнерств* с внешними организациями, заинтересованными в образовательных программах университета, в его исследовательских разработках и консультационных услугах.

Как подобная задача может быть решена на практике? Вновь приведем пример из опыта Высшей школы экономики, где на протяжении последних пяти лет на основе испытанной еще в советский период практики Московского физико-технического института (МФТИ) создаются так называемые *базовые кафедры* для привлечения в университет практиков. В отличие от МФТИ, речь идет не об академических институтах, а о ведущих хозяйственных корпорациях и органах государственной власти. В рамках базовых кафедр сотрудники корпораций и госучреждений вовлекаются в учебный процесс, читая регулярные курсы, проводя консультации и мастер-классы. Они также отбирают студентов для производственной практики, а лучшим из них предлагают участвовать в реальных практических проектах уже на своих площадках.

Новым шагом в этом направлении стало создание в НИУ-ВШЭ *проектно-учебных групп и лабораторий*, организованных, так же как и научно-учебные лаборатории, по принципу «неадминистративной иерархии» с обязательным участием студентов на постоянной основе. Отличие же их заключается в том, что они реализуют проекты более прикладного характера, по крайней мере часть которых имеет внешних заказчиков из другой, неакадемической, среды и софинансируется этими заказчиками. Подобная деятельность направлена на то, чтобы вовлекать преподавателей и студентов в практические проекты и создавать на площадках университета и партнерских площадках новые возможности, которые делают университет и его выпускников конкурентоспособными на самых разных рынках.

Наконец, университет должен стать организацией, активно производящей наряду с сугубо профессиональным предметным знанием новое знание для внешних сред. Для этого требуется активная аналитическая поддержка и экспертиза реформ, проводимых органами государственной власти разных уровней; развитие консультационных услуг, специальных образовательных и исследовательских программ для хозяйственных корпораций и деловых ассоциаций; опережающее развитие программ дополнительного профессионального образования, гибко подстраивающегося под платежеспособный спрос; организация многочисленных университетских площадок для публичных экспертных обсуждений. Все эти меры призваны сделать университет более открытым и превратить его из привычной «башни из слоновой кости» в сложный и гетерогенный центр множественных стратегических партнерств. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Строговецкая Е.В.* Идея и миссия современного университета // Вопросы образования. 2009. № 4. С. 67–81.

² *Mohrman K., Ma W., Baker D.* The Research University in Transition: The Emerging Global Model // Higher Education Policy. 2008. No. 21. P. 5–27.

³ Мы не рассматриваем здесь опыт создания федеральных университетов. Они выделяются на основе политико-территориальных принципов как своего рода головные вузы соответствующих регионов. В перспективе они, видимо, будут созданы в каждом субъекте Федерации, но никакого прорыва от них, за редкими исключениями, ждать не приходится, поскольку они создаются не как инновационные, а как территориально стабилизирующие институты. Единственная интрига здесь кроется в том, кого с кем в итоге объединят.

⁴ *Салми Д., Фруммин И.Д.* Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 5–45.

⁵ Подробнее о модельных и векторных стратегиях см.: *Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: ГУ-ВШЭ, 2008 (2005). Гл. 3.

⁶ Подробнее об инновациях в образовательном процессе Высшей школе экономики см., напр.: *Университетские инновации: Опыт Высшей школы экономики* / Под ред. Я.И. Кузьмина. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. С. 213–222; *Радаев В.В.* Новые формы организации учебного процесса (на примере ГУ-ВШЭ) // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 328–346; *Он же.* Высшая школа экономики —

университет с новым «генетическим кодом» // Вопросы статистики. 2008. № 10. С. 69–74.

⁷ *Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в будущее: Доклад Общественной палаты РФ.* М., 2007. В программе развития ВШЭ эффективный контракт подразумевает со стороны университета создание возможностей для получения сотрудником совокупного дохода в университете на уровне внешних конкурентных рынков труда, а также дополнительных компетенций, а со стороны сотрудника — активную исследовательскую работу или работу в практических проектах.

⁸ См.: «Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс. М.: Олма-Пресс, 2005.

⁹ Подробнее см.: *Муратова Ю.Р., Радаев В.В.* Оценка включенности группы российских вузов в Болонский процесс / Н.Л. Титова (отв. ред.). Стратегии развития российских вузов: Ответы на новые вызовы. М.: ГУ-ВШЭ, 2008. С. 119–161; *Он же.* На поддороге к будущему: оценка включенности группы российских вузов в Болонский процесс // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 178–198.

¹⁰ *Филиппов В.М.* Образование на экспорт, или Как завоевать глобальный рынок // Качество образования. 2010. № 1–2. С. 16–23.

¹¹ *Evans P. B.* Embedded Autonomy. Berkeley: Univ. of California Press, 1995.

¹² *Barnett R.* Realizing the University in an Age of Supercomplexity. Buckingham: Open Univ. Press, 1999. P. 97.

Российские вузы-флагманы

Российская программа создания федеральных и национальных исследовательских университетов может до некоторой степени способствовать изменению правил игры в отечественном высшем образовании | **ИГОРЬ ФЕДЮКИН, ИСАК ФРУМИН**

З авершив в конце апреля 2010 года второй конкурс по отбору «национальных исследовательских университетов», Министерство образования и науки РФ, насколько можно судить, тем самым определило группу «флагманских» вузов¹. Создание такой группы — давняя идея нынешнего руководства министерства. О необходимости сформировать в стране «высшую лигу» университетов министр Андрей Фурсенко неоднократно говорил еще в своих интервью 2004–2005 годов. По мнению министра, от 20 до 50 таких университетов должны представлять нашу страну на глобальной арене и обеспечивать кадрами 150–200 российских «системообразующих» университетов второго эшелона, призванных готовить квалифицированных специалистов для национальной экономики². Необходимость выделить такого рода «высшую лигу», где будут сосредоточены как исследовательская деятельность, так и подготовка профессорско-преподавательских кадров, обосновывалась потребностью сконцентрировать ограниченные финансовые и интеллектуальные ресурсы; в целом реструктурировать отрасль высшего образования с учетом неизбежного сокращения численности абитуриентов; признать объективно существующий огромный качественный разрыв между ведущими уни-

верситетами и основной массой российских вузов.

Практические мероприятия по выделению в России вузов-флагманов начались еще в 2006-м с создания в рамках нацпроекта «Образование» двух федеральных университетов (ФУ) — Сибирского (Красноярск) и Южного (Ростов-на-Дону)³. Предполагалось, что в течение 5–6 лет эти ФУ войдут в число десяти ведущих вузов России, а к 2020 году — в число ста лучших университетов мира⁴. В 2008 году был особо выделен статус МГУ и СПбГУ — указом Президента РФ они получили право самостоятельно устанавливать образовательные стандарты и требования для реализуемых ими образовательных программ⁵. Следующим шагом стало создание по указу Президента РФ «пилотных национальных исследовательских университетов» (НИУ): в 2008-м Московский институт стали и сплавов был переименован в Национальный технологический исследовательский университет «МИСиС», Московский инженерно-физический институт — в Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». В августе–октябре 2009 года состоялся конкурс, по итогам которого из 110 претендентов было отобрано 12 НИУ⁶. В конце года было объявлено о создании еще пяти ФУ (в Архангельске, Якутске, Влади-

востоке, Екатеринбурге и Казани), в начале 2010-го стало известно о предстоящем отборе второй партии НИУ⁷.

В итоге за последние несколько лет особым статусом в России были наделены почти четыре десятка университетов. Помимо находящихся в уникальном положении МГУ и СПбГУ, к вузам-флагманам относятся теперь 7 федеральных и 29 национальных исследовательских университетов (считая МИСиС и МИФИ). Создание еще одного федерального университета предполагается во вновь образованном Северо-Кавказском федеральном округе и, возможно, в Калининграде; с другой стороны, несколько НИУ, как заявил министр Фурсенко в апреле 2010 года, могут лишиться своего статуса за невыполнение взятых обязательств. В целом, однако, круг университетов, на развитие которых делают ставку федеральные власти, обозначен, и сегодня можно попытаться оценить как саму программу формирования вузов-флагманов (сопоставляя ее с аналогичными мерами, реализуемыми в других странах), так и ее вероятные последствия.

Мода на флагманов

Выделение университетов — национальных лидеров, которые призваны достичь конкурентоспособности на международном уровне, представляет собой широко распространенный подход к модернизации высшего образования. Перейти от уравнительного финансирования высшего образования к тому, чтобы определить группу лидеров, получающих значительные дополнительные ресурсы, пытались в последние годы столь разные страны, как Германия, Япония, Индия, Китай, Южная Корея и Франция⁸. Во всех этих странах инициатором данных программ выступало именно центральное правительство, которое стремилось «встряхнуть» систему высшего образования и придать ей извне импульс для модернизации.

Толчком к принятию подобных программ обычно становится осознание недостаточной конкурентоспособности национального высшего образования на глобальном рынке.

В Германии правительство начало действовать, когда стало ясно, что немецкое образование находится в кризисе⁹: вузы недофинансировались, а учебная нагрузка была крайне высокой¹⁰. Желание «встряхнуть» систему оформилось в Германии в «Инициативу превосходства», когда впервые в немецкой истории университеты стали соревноваться за громадные государственные гранты «на развитие». В результате восемь университетов получили особый статус и по несколько десятков миллионов евро на реализацию комплексной программы развития. Еще несколько десятков университетов получили значительные средства на поддержку своих проектов развития программ магистратуры и аспирантуры, а также на поддержку новых научных центров.

Японские университеты на протяжении многих лет занимали первые места в Азии¹¹, однако развитие высшего образования в Китае, на Тайване, в Сингапуре, Корее и других азиатских странах привело к утрате ими лидирующих позиций: в 2005 году Пекинский университет опередил в рейтинге *Times Higher Education* все японские вузы. Что же произошло в Китае? Еще в середине 1990-х специальным постановлением ЦК КПК были выделены несколько десятков университетов, перед которыми была поставлена задача достичь международной конкурентоспособности. Эти университеты получили гигантские средства на строительство новых кампусов и на приглашение ученых из-за рубежа (в первую очередь китайцев, уехавших туда учиться). Программа, имевшая целью определение и приоритетную поддержку ведущих университетов, стала элементом общей стратегии, направленной на то, чтобы Китай превратился в одного из глобальных лидеров¹².

(Подробнее о программе модернизации высшего образования в Китае см. статью Харли Балзера на с. 52–71.)

Из недавних подобных примеров — принятие в 2006 году во Франции программы *Réseau Thématique de Recherche Avancée (RTRA)*. Среди прочего создание во Франции научных центров нового типа было призвано приостановить и даже обратить вспять «утечку мозгов», вызывавшую все большее беспокойство в обществе и в конечном счете отражавшую недостаточную конкурентоспособность национальной академической системы.

“Протесты не могут обратить вспять очевидную тенденцию — стремление сформировать пояс национальных университетов, участвующих в глобальной конкуренции”.

Нетрудно заметить, что инициатором реформ во всех перечисленных случаях стало правительство, а не сами университеты. Системы же высшего образования и общество в целом, наоборот, зачастую сопротивлялись нововведениям. Как правило, неприятие вызывала именно сама идея сосредоточить финансирование в нескольких вузах-лидерах, которая воспринималась и как «несправедливая», ущемляющая интересы других вузов и вообще академических элит, и как контрпродуктивная. В результате общественного давления и лоббистских усилий программы нередко оказываются заметно более размытыми и охватывают большее число вузов. В Германии первоначально планировалось выбрать десять флагманов, но в итоге дополнительное финансирование в той или иной форме получают 37 вузов. В Японии поначалу собирались отобрать 30 ведущих университетов, но в итоге, под давлением общественного мнения, вовсе отказались от поддержки университетов как единой структуры и решили финанси-

ровать десятки и сотни отдельных кафедр и научных центров. В Китае первоначально предполагалось поддерживать приоритетное развитие только вузов центрального подчинения, но поддержку в итоге получили и ведущие региональные вузы. В Корее в конечном счете была оказана поддержка более чем 500 научным центрам и группам ученых. В Великобритании все громче раздаются голоса против системы, согласно которой на конкурсной основе только примерно два десятка университетов (из более чем сотни) получают поддержку для проведения фундаментальных исследований.

Однако все эти протесты и попытки сопротивления не могут обратить вспять очевидную тенденцию — стремление сформировать пояс национальных университетов, участвующих в глобальной академической конкуренции. Несмотря на серьезную специфику, мы видим, как набирает силу модель глобального исследовательского университета. Причем это происходит не только в крупных странах. Значительную дифференциацию университетов отмечает в недавнем докладе Европейская ассоциация университетов. В нем приводятся примеры ряда Скандинавских стран, Испании, Польши.

Для всех или большинства таких программ характерны одни и те же черты, а именно:

1) университеты-лидеры отбираются по итогам конкурса, на основе представленных вузами планов развития;

2) наряду с конкурсным отбором и финансированием университетов-лидеров в целом, как правило, реализуются параллельные программы конкурсного отбора и финансирования лидеров на уровне центров, институтов,

лабораторий и т. д., тем самым вводится дополнительный элемент соревновательности и создается поле перспективного рекрутирования ведущих университетов;

3) упор делается на постдипломное образование, то есть на ту сферу образования, которая наиболее тесно связана с научными исследованиями, что означает также инвестиции в подготовку следующего поколения исследовательских и преподавательских кадров;

4) отобранные университеты получают существенную автономию как в академической сфере, так и в использовании полученных средств. При этом от них требуется мак-

попытаться измерить их эффект, однако анализ самих программ позволяет выделить общие для них слабые места. Прежде всего, это ограниченность во времени выделяемого финансирования. Только в рамках программы *RTRA* во Франции были созданы фонды целевого капитала, обеспечивающие долгосрочное финансирование исследовательских центров. В остальных упоминавшихся странах финансирование выделялось сроком на несколько лет (от трех в «программе 985» в Китае до пяти в остальных программах) и после окончания программы могло быть сокращено или вовсе прекращено. Однако на деле оказывается, что государство продол-

“Само разделение на «федеральные» и «национальные исследовательские» вузы сложилось достаточно случайно и, во всяком случае, концептуально весьма шатко”.

симальная общественная прозрачность;

5) особое внимание уделяется повышению качества профессорско-преподавательского состава за счет:

- введения и/или более широкого использования формальных критериев оценки научного уровня специалистов;
- повышенного внимания к исследовательской деятельности преподавателей, к их публикационной и инновационной активности;
- реформирования системы найма преподавателей, повышенной оплаты труда научно активных преподавателей;
- стимулирования научной активности аспирантов и молодых ученых;
- широкого привлечения к сотрудничеству национальных научных диаспор и повышенного внимания к найму молодых ученых — граждан этих стран, получивших научные степени за рубежом.

Большинство подобных программ было запущено слишком недавно (в 2000-х), чтобы

жают в тех или иных формах поддерживать наиболее успешные университеты. Кроме того, почти все программы требуют от университетов не только повысить качество образования и исследований, но и изменить организационную структуру и механизмы управления. Так, немецкая программа поддержки магистерского образования и аспирантуры предусматривает создание новых структур — *graduate schools*. Предполагается, что они сохранятся и после завершения стартового финансирования.

Определенный скептицизм вызывает и размер финансирования. В Германии, например, высказывались сомнения по поводу того, что выделенные 1,9 млрд дол. сроком на пять лет смогут действительно приблизить немецкие университеты к мировому уровню. Бюджет Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана, в котором обучаются 44 тыс. студентов, составляет 380 млн евро. В рамках программы *EL* он будет увеличен всего на 10 процентов. В то же время

бюджет Гарварда в 2007/08 учебном году составлял 3,17 млрд дол., при этом студентов в Гарварде в два с лишним раза меньше. Гарвард, конечно, находится в исключительном положении, но в *Penn State University* обучается в два раза больше студентов, чем в Мюнхенском университете, однако его бюджет (3,6 млрд дол.) в 8 раз больше. Средства, выделяемые индийским университетам-лидерам (6,7 млн дол. сроком на пять лет каждому), тем более недостаточны для создания университета мирового уровня. Наибольший объем дополнительных средств одному университету был выделен в Китае: Пекинский университет и Университет Цинхуа дважды получали порядка 300 млн дол. каждый (не считая значительного финансирования в рамках иных программ). Другие университеты получили хотя и меньшие, но также весьма значительные суммы — от 112 до 150 млн долларов.

Программа без программы

Сравнение мер по поддержке университетов-флагманов с аналогичными мероприятиями, которые реализовывались в других странах, позволяет выявить ключевые черты российской программы. В первую очередь это отсутствие собственно программы как таковой. Хотя каждый федеральный и национальный исследовательский университет формулирует свою стратегию развития, единого документа, фиксирующего принципы и цели проводимой государством политики, не существует. «Концепция создания и государственной поддержки развития федеральных университетов» — это 10-страничный документ, не содержащий никаких целевых показателей, который появился спустя два года после создания первых ФУ. Применительно к НИУ не существует, насколько можно судить, даже и такого документа. Строго говоря, совершенно неясно, каково видение формирующейся сети национальных университетов

ни с точки зрения их территориального распределения, ни с точки зрения отраслевых приоритетов. Второй тур конкурса не прояснил ситуацию, озадачив многих экспертов в области высшего образования странным выбором победителей.

При отсутствии общей программы реализуемые меры разрабатывались рывками, методом проб и ошибок. «Назначение» первых двух федеральных (в Красноярске и Ростове-на-Дону) и двух национальных исследовательских (МИСиС и МИФИ) университетов проходило в порядке эксперимента. Однако собственно эксперимент не состоялся. По крайней мере, экспертам неизвестны какие-либо аналитические материалы по итогам этих «экспериментов», которые позволили бы уточнить исходные концепции и извлечь уроки.

В результате, например, опробованный в Красноярске и Ростове-на-Дону механизм создания федеральных университетов путем объединения группы вузов, неоднократно и аргументированно раскритикованный специалистами, вновь был использован еще в пяти городах. Не были извлечены уроки и из «кривой» схемы финансирования, заставляющей университеты судорожно тратить деньги в конце года и запрещающей финансировать собственно исследовательскую деятельность.

Само разделение на «федеральные» и «национальные исследовательские» вузы, как представляется, сложилось достаточно случайно и, во всяком случае, концептуально весьма шатко. Если задача, стоящая перед НИУ, интуитивно понятна, то зачем нужны ФУ и чем они отличаются (помимо объемов финансирования) от всех прочих университетов, понять до сих пор трудно. Можно только посочувствовать сотрудникам Министерства образования, пытавшимся найти компромисс с разнонаправленными региональными силами. Итоговая формулировка всеобъемлюща: федеральный универ-

ситет — это одновременно и «выдвижение доступного качественного образования в отдаленные территории», и «реальная интеграция образования и передовой науки», и «инструмент социально-экономического развития [федеральных] округов»¹³.

Важно отметить, что отбор федеральных университетов происходил без объявления какого бы то ни было формального конкурса и осуществлялся на основе геополитических соображений, а также в результате лоббистских усилий региональных лидеров. В итоге федеральные университеты разрабатывали свои программы развития уже *после того*, как получили соответствующий статус. По похо-

При отборе НИУ удалось реализовать конкурсную процедуру. Каждую заявку рассматривали несколько экспертов, оценивая ее по ряду параметров, а затем эта заявка довольно подробно обсуждалась на заседаниях авторитетной конкурсной комиссии. Однако на подготовку заявок участникам обоих конкурсов отводилось крайне мало времени — около месяца. Очевидно, что разработать за это время серьезную программу развития университета невозможно, даже с учетом того, что во многих вузах, зная о предстоящем конкурсе, начинали составлять ее заранее. Кроме того, содержание программ развития отдельных НИУ в значительной

“Нередко программы развития вузов составлялись небольшими рабочими группами и не учитывали реальные настроения, возможности и интересы всего коллектива”.

жему пути пошел Китай, поддерживавший создание университетов-флагманов в не самых развитых провинциях. Однако в китайском опыте ситуация была довольно ясной. В их программе речь шла о создании сильных исследовательско-предпринимательских университетов, ориентированных на перспективы развития региональной экономики. Поэтому рамки программы развития каждого университета довольно жестко определены. От них требуется стать не самым большим региональным университетом, а самым лучшим, самым полезным. Очевидно, что в российской модели формирования федеральных университетов этот принцип пока не выдерживается. Сегодня было бы неплохо понять, действительно ли выделенные несколько миллиардов рублей помогли двум первым федеральным университетам стать флагманами развития макрорегионов. Возможно, такой анализ будет способствовать эффективному использованию средств на развитие новой группы федеральных университетов.

степени задавалось правилами проведения конкурса, предусматривающими пять категорий мероприятий, на которые может быть потрачено получаемое НИУ финансирование: 1) приобретение учебно-лабораторного и научного оборудования; 2) повышение квалификации и профессиональная переподготовка научно-педагогических работников; 3) разработка учебных программ; 4) развитие информационных ресурсов и 5) совершенствование системы управления качеством образования и научных исследований¹⁴. В результате даже лучшие из представленных программ, по признанию членов жюри и самих чиновников Минобрнауки, были не вполне проработаны и недостаточно комплексны.

Можно было бы ожидать, что после объявления победителей университетам будет предоставлена возможность доработать свои программы и воспользоваться ими как реальными инструментами. Однако все получилось наоборот. Мы сравнили программы раз-

вития вузов-победителей, представленные на конкурс, и программы в их финальном виде, утвержденные приказом Министерства образования. Оказалось, что все программы значительно потеряли в объеме: из увесистых и подробных текстов страниц на 60–80 они превратились в довольно краткие документы объемом около 25 страниц. Но это было бы только к лучшему, если бы многие программы при этом не утратили существенных содержательных моментов. Оказалось, что Министерство образования рекомендовало вузам сократить те разделы программ развития, которые не финансируются напрямую из выделенных бюджетных средств. Так, из программ почти совсем исчезли пункты, касающиеся кадрового обновления, идеи, предполагающие укрепление связей с реальным сектором и развитие передовых исследований. В целом из большинства программ совершенно непонятно, почему и каким образом расходование больших средств приведет к новому качеству образования и научных исследований. Механизмы достижения целей оказались вымаранными из программ. Остается верить, что те же преподаватели и студенты проникнутся значимостью нового статуса и начнут жить и работать по-новому.

Поверить в это, однако, мешает то обстоятельство, что нередко программы развития вузов составлялись небольшими рабочими группами и не учитывали реальные настроения, возможности и интересы всего коллектива. С этой точки зрения показательны данные проведенного в конце 2008 года опроса ста с лишним сотрудников Сибирского федерального университета (СФУ), в основном руководителей среднего звена (завкафедры и деканы) ¹⁵ (см. подверстку на стр. 27).

Можно было бы смириться и с недемократичностью разработки программ, если бы из них становилось ясно, отчего в вузах вдруг появятся исследования международного качества (там, где их не было до сих пор).

Здесь мы подходим к, возможно, главному отличию нашей программы создания сети НИУ от аналогичных зарубежных программ. Лучшие российские университеты оказались весьма ограничены в направлениях использования дополнительных бюджетных средств. Выделенные средства нельзя расходовать на достижение основной цели всей программы — развитие передовых конкурентных исследований. По умолчанию подразумевается, что нашей науке необходимо только новое оборудование, а не собственно средства на оплату исследовательской работы. Программа не финансирует привлечение новых конкурентоспособных кадров, поддержку деятельности новых научных подразделений и групп.

Другое отличие российской программы по созданию сети НИУ от аналогичных программ в зарубежных странах — это фактическое игнорирование аспирантуры как ключевого механизма подготовки нового поколения научных и преподавательских кадров. В Китае, Германии, Франции, Испании университеты-лидеры получают специальную поддержку для развития современных аспирантских программ. Нашим же университетам фактически запрещено использовать выделенные ресурсы на поддержку аспирантов. В первую очередь НИУ ориентированы все же на подготовку специалистов-практиков (в лучшем случае — на магистерском уровне). Таким образом, упускается возможность превратить вузы-флагманы в площадку для отработки новых моделей подготовки аспирантов, в поставщиков нового поколения преподавателей в другие вузы.

То же самое относится и к обновлению имеющегося преподавательского состава. Повышение квалификации преподавателей и сотрудников вузов — одно из пяти направлений программы НИУ, но выделение средств на «повышение квалификации» не сопровождалось изменениями в системе оплаты

труда преподавателей, правилах и процедурах приема на работу, повышения и увольнения профессоров, введением новых механизмов оценки деятельности исследователей и преподавателей. Инициативы, касающиеся расширения сотрудничества с представителями российской научной диаспоры и с зарубежными учеными, поддержанные в 2009 году президентом Медведевым, должны быть реализованы (по крайней мере, на данный момент) в существующих институциональных и процедурных рамках.

Говоря шире, программа по поддержке федеральных и национальных исследовательских университетов не требует от этих вузов

международный консультативный совет во главе с лауреатом Нобелевской премии Эриком Маскином, международные экспертные советы по приоритетным направлениям (подробнее об опыте НИУ-ВШЭ см. в статье Вадима Радаева на с. 6–18 этого номера *Pro et Contra*). В Томском политехническом университете создаются комплексные научно-образовательные структуры по приоритетным направлениям развития. В НТИУ (МИСиС) перестраивается аспирантура и система преподавания иностранных языков. Но такие институциональные новации скорее исключение, чем правило. И в любом случае они появляются по собственной иници-

“Выделение национальным исследовательским университетам дополнительных средств сопровождалось беспрецедентным усилением бюрократического контроля”.

создания новых механизмов институционального развития. Правда, согласно внесенным в законодательство о высшей школе изменениям федеральные университеты обязаны иметь попечительский совет (для остальных университетов его создание считается делом их личного выбора), однако ни его полномочия, ни принципы формирования в законе не прописаны и оставлены на усмотрение самих вузов¹⁶. Естественно, не приходится ожидать, что эти попечительские советы станут реальным органом управления, контролирующим и уравнивающим ректора. Что касается программы поддержки национальных исследовательских университетов, то она не предусматривает даже и таких новаций, хотя «совершенствование системы управления качеством образования и научных исследований» также входит в одно из пяти основных ее направлений. Однако ряд университетов решились на серьезные структурные новации. Так, в Высшей школе экономики создан Наблюдательный совет программы развития,

инициативе университетов, а не как следствие стратегии формирования сети НИУ. Здесь бросается в глаза отличие отечественной программы от немецкой. В Германии от университетов, участвовавших в конкурсе по программе «Инициатива превосходства», открыто требовались предложения по серьезной институциональной структурной перестройке.

Несмотря на то что, как показывают новейшие работы, успех исследовательских университетов напрямую зависит от степени их автономии в вопросах формирования бюджета, правил приема студентов и найма преподавателей¹⁷, повышение автономии университетов в этих аспектах программой создания НИУ не предусмотрено. Напротив, выделение НИУ дополнительных средств сопровождалось беспрецедентным, даже по отечественным меркам, усилением бюрократического контроля: от НИУ первой волны требовались еженедельные отчеты о содержательном продвижении.

Отметим также и крайне недостаточный размер финансирования, выделяемого вузам-флагманам: НИУ получают по 1,8 млрд руб. — это 60 млн дол. на 5 лет¹⁸. Современная наука стоит гораздо дороже: возможно, было бы логичнее выделить не три десятка, а полдюжины НИУ, но предоставить им адекватное финансирование.

Лед тронулся

Разумеется, говорить сегодня о каких-либо результатах или эффектах программ формирования сети ведущих вузов рано. Более того, недостатки этой стратегии, описанные выше, создают ощущение напрасно потраченных денег и потерянных возможностей.

Однако было бы неверно сказать, что программа создания ФУ и НИУ вовсе не приводит ни к каким изменениям в российском высшем образовании. Она, безусловно, потревожила спокойное существование российских вузов.

Во-первых, в результате в том числе и этих программ необходимость формулировать стратегии развития, конкурировать за доступ к финансированию была признана университетским сообществом как новая норма. Сегодня все больше университетов (включая и те, что не получили статуса ФУ или НИУ) приглашают внешних консультантов по стратегическому развитию, проводят сессии по стратегическому планированию.

Сотрудники Сибирского федерального университета о программе развития вуза

На вопрос об их отношении к программе развития своего университета почти 60 проц. опрошенных заявили, что одобряют ее, хотя при этом 20 проц. руководителей среднего звена признались, что с ней не знакомы. Вместе с тем уже на момент опроса полностью одобряли ход реализации программы только два (!) респондента, еще 31 опрошенный высказались одобрительно, но с оговорками. С другой стороны, полностью не удовлетворены или «скорее не удовлетворены» ходом реализации программы оказались 49 респондентов. Большинство респондентов (61 человек) к моменту проведения опроса уже были разочарованы в своих личных ожиданиях, связанных с созданием СФУ, тогда как оправдались они только у 28 человек.

Наиболее показательны ответы сотрудников СФУ на вопросы о потребностях их вуза. Отвечая на вопрос: «Какие из реализуемых мероприятий вы считаете наиболее важными для развития СФУ?» — подавляющее большинство выбирало такие варианты ответов, как «строительство новых объектов и ремонт помещений» и «закупка оборудования». В то же время различные мероприятия, призванные повысить качество и интенсивность научной жизни в вузе, стимулирование исследований, оказались гораздо менее популярными: проведение конкурсов индивидуальных исследовательских проектов

сочли приоритетными лишь 25 респондентов, а приглашение визит-профессоров — и вовсе 22. Схожую по большому счету картину дают и ответы на вопрос об основных препятствиях, мешающих развитию СФУ: с огромным отрывом здесь лидирует ответ «низкая заработная плата сотрудников» (75 респондентов). Другие наиболее популярные ответы на этот вопрос указывают на высокий уровень бюрократизированности на всех уровнях, на непрозрачность и несовершенство системы распределения средств в вузе, на отсутствие у администрации необходимого опыта. Таким образом, по мнению большинства сотрудников, проблемы СФУ лежат за пределами собственно профессорско-преподавательского коллектива: если бы только бюрократы и руководство университета выполняли свою работу добросовестно, все было бы в порядке. При этом лишь 15 респондентов сочли серьезной проблемой «неспособность большого числа сотрудников работать в новых условиях», 26 опрошенных признали «нежелание большого числа сотрудников принять существенные перемены», и только 21 человек видит в своем вузе недостаток высококлассных кадров. Более половины опрошенных (включая и представителей высшего руководства) не считают необходимым привлекать профессоров извне, предлагая им особые финансовые условия.

Во-вторых, отбор НИУ и ФУ, несомненно, способствовал повышению интереса региональных правительств к делам расположенных на их территории вузов. Более того, концепция развития ФУ прямо гласит, что при принятии решения предполагается учитывать «предложения органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, подготовленные на основании программ социально-экономического развития субъектов РФ». Таким образом, конкурс университетов стал своеобразным «конкурсом регионов»: в ряде субъектов Федерации местные правительства подталкивали университеты к подаче заявок и разработке планов развития, выступали брокерами при обсуждении планов слияния¹⁹. Подобная активизация регионов может стать дополнительным стимулом, подталкивающим вузы к развитию, хотя при этом появляются и риски провинциализации. Кроме того, в целом ряде случаев получение вузом статуса ФУ или НИУ сопровождалось сменой ректора, и региональные власти были активно вовлечены в этот процесс. Известны случаи перехода региональных чиновников на должность ректоров местных флагманских вузов. Этот процесс, в свою очередь, подрывает монопольный контроль сложившихся внутриуниверситетских иерархий за положением дел в вузах, что имеет очевидные положительные и отрицательные стороны.

В-третьих, признание на государственном уровне необходимости равняться на «мировые стандарты» заставило университеты активнее использовать в оценке своей деятельности международные критерии, в том числе количественные²⁰. Программы легитимировали такие показатели, как количество публикаций в реферируемых журналах, индексируемых в базах *Web of Science* и *Scopus*, и доля аспирантов и преподавателей, имеющих опыт работы и стажировок в зарубежных университетах. На уровне Академии наук

споры об уместности и необходимости ориентироваться на индексы цитирования продолжают²¹, но на уровне университетов этот критерий уже применяется. Безусловно, заявленные вузами планы по увеличению числа публикаций в реферируемых журналах зачастую нереалистичны: за 3 года предполагается удвоить или утроить число публикаций в международных журналах категории «А» и т. д. Но даже при том, что, отчитываясь по этим показателям, вузы и отдельные преподаватели конечно же будут прибегать ко всевозможным уловкам, гнаться за количеством в ущерб качеству и пр., само их введение существенно повлияет на происходящее в вузах и будет способствовать их интернационализации. Если раньше стажировка или публикация за рубежом была личным делом преподавателя, то теперь в этом заинтересовано университетское руководство. Вместе с тем ориентация на международный уровень качества подталкивает вузы и к тому, чтобы формулировать заведомо нереалистичные цели («догнать Стэнфорд через 15 лет»)²².

В-четвертых, программы легитимировали такую цель, как кадровое обновление. Необходимость отчитываться по таким показателям, как доля преподавателей в возрасте 30–49 лет и количество, принятых в аспирантуру и докторантуру из сторонних организаций, также меняет динамику в вузах. Практически во всех вузах-флагманах созданы «кадровые резервы» — группы молодых преподавателей и сотрудников, получающих денежные выплаты и возможность быстрого карьерного роста в обмен на определенные обязательства по защите докторских диссертаций, по публикациям статей и т. д. Все программы развития ФУ и НИУ упоминают о намерении стимулировать исследовательскую деятельность преподавателей и вводить дифференцированную оплату труда в зависимости от публикационной активности, привлекать иностранных студентов и профес-

соров, сотрудничать с российской научной диаспорой, ограничивать наем собственных выпускников и т. д.²³ Многие вузы в своих программах декларируют также намерение налаживать сотрудничество с российской научной диаспорой за рубежом и даже привлекать молодых ученых со степенью *PhD* с международного рынка профессоров. Подобные планы опять-таки в большинстве случаев нереалистичны и мало проработаны. Число представителей научной диаспоры, которых собираются привлечь к сотрудничеству все российские вузы, вместе взятые, далеко превосходит реальную численность российских ученых за рубежом.

Давно назревшая радикальная реформа отечественного высшего образования упирается во многом в сопротивление университетского сообщества, заинтересованного в сохранении статус-кво. В этом отношении Россия не уникальна: попытки государства как крупнейшего стейкхолдера «встряхнуть» недостаточно конкурентоспособные вузы везде и всегда сталкиваются с сопротивлением университетских кругов и мобилизованного ими общественного мнения. Программы поддержки вузов-флагманов, реализуемые в разных странах мира, как правило, как раз и призваны преодолеть это сопротивление.

Российская программа создания федеральных и национальных исследовательских университетов, как представляется, может до некоторой степени способствовать изменению правил игры в отечественном высшем образовании. Однако пока программа не предусматривает внедрения в отрасли современных механизмов развития и достижения международного качества.

До сих пор еще не упущен шанс использовать эту программу для реального обновления ведущих университетов, для запуска серьезных изменений в высшем образовании. Для этого было бы правильно вернуться к программам развития и сделать из них по-настоящему стратегические документы, отвечающие на вопрос: как этого добиться? Необходимо также во всех вузах на основании программ развития разработать подробные планы действий на 2–3 года. И конечно, надо отказаться от излишней зарегулированности, снять нелепые ограничения на направления использования средств. Но пожалуй, главное, стоило бы без промедлений проанализировать, как сегодня тратятся деньги и реализуются программы. Результаты такого исследования нужны не для административных мер, а для того, чтобы начать серьезный разговор между самими флагманскими университетами об их задачах и реальных шагах. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Ключевые документы, относящиеся к созданию национальных исследовательских университетов, см. на сайте Минобрнауки: <http://mon.gov.ru/pro/niu/>.

² См., напр.: *Выступление министра образования и науки Российской Федерации Андрея Фурсенко на совете ректоров России*. 30 дек. 2004 г. (<http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/771/>).

³ Сибирский ФУ в Красноярске был создан на базе Красноярского государственного университета путем присоединения к нему Красноярской государственной архитектурно-строительной

академии, Красноярского государственного технического университета и Государственного университета цветных металлов и золота. Южный ФУ был сформирован на базе Ростовского государственного университета путем присоединения Ростовской государственной академии архитектуры и искусства, Ростовского государственного педагогического университета и Таганрогского государственного радиотехнического университета. Официальные документы опубликованы на сайте Минобрнауки РФ: <http://mon.gov.ru/pro/pnpro/fed/>. См. также подборку документов: *Экономическая политика и*

образование. Информационно-аналитический бюллетень. № 1: Федеральные университеты: ожидания, проблемы, опыт. 2009. Апр.

⁴ О том, как сегодня видят в министерстве дальнейшее развитие сети ФУ, см.: *Концепция создания и государственной поддержки развития федеральных университетов* / Одобрена на заседании межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Образование» при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 22 сентября 2009 года); опубликована на сайте Минобрнауки: <http://mon.gov.ru/pro/pnp0/fed/09.09.22-fu.konc.pdf>.

⁵ В ноябре 2009 года их особый статус «как уникальных научно-образовательных комплексов» был закреплен Федеральным законом № 259.

⁶ В их число вошли ГУ-ВШЭ, Казанский ГТУ им. А.Н. Туполева, МАИ, МГТУ им. Н.Э. Баумана, МФТИ, Нижегородский ГУ им. Н.И. Лобачевского, Новосибирский ГУ, Пермский ГТУ, Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева, Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г.В. Плеханова, Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики, Томский политехнический университет.

⁷ В качестве подготовительной стадии этих программ следует упомянуть также поддержку в 2006–2008 годах в рамках нацпроекта «Образование» так называемых инновационных образовательных программ. Тогда 57 вузов, отобранных по итогам конкурса, получили в общей сложности 30 млрд рублей. Основные документы см. на сайте Минобрнауки РФ: <http://mon.gov.ru/pro/pnp0/vuz/>.

⁸ *Salmi J.* The Challenge of Establishing World-Class Universities. World Bank Publications, 2009 [русский перевод: *Салми Дж.* Создание университетов мирового класса. Всемирный банк, 2009]; *Mohrman K., Wanhua Ma., Baker D.* The Research University in Transition: The Emerging Global Model // Higher Education Policy. 2008. Vol. 21. Iss. 1. P. 5–27; *Deem R., Ka Ho Mok, Lucas L.* Transforming Higher Education in Whose Image? Exploring the Concept of the “World-Class” University in Europe and Asia // Higher Education Policy. 2008. Vol. 21. Iss. 1. P. 83–97; *Altbach Ph. G.* Empires of Knowledge

and Development // World Class Worldwide: Transforming Research Universities in Asia and Latin America / Ph. G. Altbach, J. Balán (eds). Johns Hopkins Univ. Press, 2007. P. 1–30. Анализ российских программ в свете мирового опыта предлагается в работах: *Салми Дж., Фруммин И.* Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 5–45; *Дежина И.Г.* Исследовательские университеты за рубежом: Опыт для России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2009. № 2. С. 48–56. Структурным прообразом данных программ является организация государственных систем высшего образования в американских штатах, где искусственно выделяются «флагманские университеты», цель которых – подготовка докторантов и достижение научной конкурентоспособности на национальном и международном уровне (и которые соответствующим образом финансируются), и университеты, заведомо получающие более ограниченное финансирование.

⁹ См., напр.: *Baker D. P., Lenhardt G.* The Institutional Crisis of the German Research University // Higher Education Policy. 2008. Vol. 21. Iss. 1. P. 49–64; *Pick D.* Towards a “Post-Public Era”? Shifting Frames in German and Australian Higher Education Policy // Higher Education Quart. 2008. Vol. 62. Iss. 1–2. P. 3–19; *Pritchard R.* Trends in Restructuring of German Universities // Comparative Education Review. 2006. Vol. 50. No. 1. P. 90–112.

¹⁰ *Fallon D.* Germany’s “Excellence Initiative” // International Higher Education. 2008. No. 52 (Summer). P. 16–18.

¹¹ *Akiyoshi Yonezawa.* Japanese Flagship Universities at a Crossroads // Higher Education. 2007. Vol. 54. Iss. 4. P. 483–499.

¹² *Liu Nian Cai.* Research Universities in China: Differentiation, Classification and Future World-Class Status // World Class Worldwide: Transforming Research Universities in Asia and Latin America / Ph. G. Altbach, J. Balán (eds). Baltimore MD: John Hopkins Univ. Press, 2007; *Wanhua Ma.* The Flagship University and China’s Economic Reform // Ibid.

¹³ Как объясняется на сайте Минобрнауки, «целью создания федеральных университетов является развитие системы высшего профессионального образования на основе оптимизации региональных образовательных структур и укрепления связей образовательных учреждений высшего образования с экономикой и социальной

сферой федеральных округов. Стратегическая миссия федерального университета — формирование и развитие конкурентоспособного человеческого капитала в федеральных округах на основе создания и реализации инновационных услуг и разработок». Нетрудно заметить, что данная формулировка применима к любому университету вообще.

¹⁴ См.: «Положение о конкурсном отборе программ развития университетов, в отношении которых устанавливается категория “национальный исследовательский университет”», опубликованное на сайте Минобрнауки: <http://mon.gov.ru/dok/prav/obr/5556/>.

¹⁵ *Задереев Е., Федюкин И., Габдрахманов С.* Ошибки флагмана // Ведомости. 2009. № 171 (2441). 11 сент.

¹⁶ Попечительские советы «создаются в целях содействия решению текущих и перспективных задач развития высших учебных заведений, привлечения дополнительных финансовых ресурсов для обеспечения их деятельности по приоритетным направлениям развития и осуществления контроля за их использованием». Существенно, что «порядок формирования попечительского совета, срок его полномочий, компетенция и порядок деятельности определяются уставом высшего учебного заведения» (статья 12 пункт 21 закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в действующей редакции).

¹⁷ *Aghion Ph., Dewatripont M., Hoxby C. M., Mas-Colell A., Sapir A.* The Governance and Performance of Research Universities: Evidence from Europe and the U.S. // NBER Working Paper. 2009. No. 14851; *Salmi J.* The Challenge of Establishing World-Class Universities. P. 26–30.

¹⁸ Первоначальные планы предполагали выделение 3 млрд руб. каждому НИУ. См., напр.: *Таратута Ю.* Национальным университетам сократили стипендию // Коммерсантъ. 2009. № 39 (4094). 05 марта.

¹⁹ См., напр.: *Ткачёва Т.* Пять вузов на одно место // Российская газета — Экономика центрального округа. 2009. № 4835. 27 янв.; *Антуфьева С.* Маневр для развития: Появится ли в Приморье принципиально новый университет // Российская газета — Поморский край. 2008. 15 авг. № 47306.; *Труханова Э., Вахрин Ю.* Корни в интеграле: Высшая школа должна отвечать вызовам нового времени // Российская газета — Верхняя Волга. 2006. 3 окт. № 4210.

²⁰ Об использовании международных стандартов качества как механизма модернизации высшего образования в Китае и на Тайване см.: *Ka Ho Mok, Ying Chan.* International Benchmarking with the Best Universities: Policy and Practice in Mainland China and Taiwan // Higher Education Policy. 2008. Vol. 21. Iss. 4. P. 469–486.

²¹ См., напр., нашумевшее интервью Президента РАН Юрия Осипова интернет-изданию Газета.ru от 5 февраля 2010 г.: http://www.gazeta.ru/science/2010/02/05_a_3320188.shtml.

²² Например, руководители НИТИ МИСиС заявляли о том, что «ориентируются на таких признанных лидеров, как Стэнфорд, Массачусетский и Калифорнийский технологический институты», и о своих планах попасть в первую сотню вузов мира к 2020 году и в число 60–70 лучших — к 2025-му. См. интервью с первым проректором МИСиС Натальей Третьяк и ректором МИСиС Дмитрием Ливановым: *Национальный исследовательский* номер один // strf.ru, 2009. 25 марта (http://strf.ru/organization.aspxCatalogId=221&d_no=18515); *Зубакова М.* По массачусетскому счету // Итоги. 2008. 17 нояб. № 47 (649).

²³ См., напр., анализ программ развития Сибирского ФУ и Южного ФУ в работе: *Дежина И.Г.* Развитие науки и инноваций в федеральных университетах: Российский опыт в международном контексте // Альманах «Наука. Инновации. Образование». М., 2008. Вып. 6. С. 49–60.

Качество или диплом?

Центральной проблемой высшей школы для большинства населения и его молодой части выступает непомерная плата за учебу и ее несоответствие качеству получаемого студентами образования | **БОРИС ДУБИН**

Повышение общего уровня и дифференцированного качества образования, создание и поддержание специализированных систем постоянного наращивания и усложнения интеллектуальной квалификации людей — неотъемлемая часть функционирования современных обществ (*modern societies*). Собственно говоря, эти задачи и вышли на первый план в процессе возникновения и развития подобных обществ. Не случайно данный круг проблем попал в поле внимания социологии как науки о современности с самого начала и сохранял для основоположников социологического анализа чрезвычайную значимость. Для Эмиля Дюркгейма педагогика была неотделима от социологии (обе не случайно соединились в названии и программе кафедры, которую ученый возглавил в Сорбонне). Социализация в семье, школе, университете составляла предмет особого интереса для таких разных по подходам социологов, как Толкотт Парсонс и Пьер Бурдьё.

Проблематика образования — школьного и особенно университетского — всякий раз оказывалась в центре внимания в процессе движения западных обществ к новому, более динамичному и открытому, более демократическому социальному порядку. Так было на «входе» в современную (модерную) эпоху в XIX веке — у немецких романтиков, на переломе к массовому обществу после Первой

мировой войны, в ходе денацификации Германии после краха гитлеризма, на «выходе» Запада из модерна в постмодерн в 1960-х и т. д. В частности, в этих проблемных точках истории формировались реформаторские представления о роли университета и преподавателя, о системе и направленности высшего образования в концепциях таких выдающихся людей, как Шеллинг и Фихте, Вильгельм фон Гумбольдт и Фридрих Шлейермахер, Мэтью Арнолд и Хосе Ортега-и-Гассет, Томас Стернз Элиот и Карл Ясперс¹.

Анализ проблем образования и его качества позволяет социологу связать представления различных групп общества, их социальные ориентиры и ценностные приоритеты с *инструментальными* стратегиями жизненного поведения, выбором того или иного типа учебы и работы, а далее — с активным достижением определенного статуса и претензиями на соответствующее символическое вознаграждение, с оценками своего положения по сравнению с другими, со степенью удовлетворенности и неудовлетворенности, планами различных групп на будущее, установками на динамическое развитие, повышение уровня и многообразия жизни или на консервацию сложившейся ситуации. Высокий стандарт, дифференцированность и качество образования — это залог динамичности социальной системы, богатства, сложности и пластичности связей между разными людьми и

группами людей в ней. Качественное и дифференцированное образование, работа всей системы репродуктивных институтов моделируют и поддерживают структуру общества и задают его динамику, а также имеют самое прямое отношение к процессам формирования элитных групп, определяя их багаж и кругозор, обеспечивая их признание со стороны других групп и слоев, кредит доверия к ним, меру их авторитетности и влияния.

Для системы российского образования и его развития за два последние десятилетия характерны некоторые особенности. Если говорить о вузовском обучении, то оно у нас остается оторванным от мировой образовательной системы — не только от ее педагогических стандартов и практики, но и от антропологии постмодерного общества. Скажу иначе: российская высшая школа по-прежнему не ориентирована на то, чтобы дать студентам хорошую специальность, пользующуюся общественным признанием и при этом хорошо вознаграждаемую (проблематика социального продвижения, успеха

и вознаграждения остается в России столь же насущной, сколь и болезненной). Тем не менее сложившаяся система высшего, а в известной мере и среднего образования обросла, продолжает обрастать у нас в стране всякого рода современными «приставками», понемногу коммерциализируясь в духе времени, но на свой лад и в свою пользу². Служащие государственной системы манипулируют доступом к образовательным благам и услугам, возможностью поступить в вузы или учиться в особенно популярных из них на престижных отделениях и по престижным специальностям. Неудовлетворенность населения — и молодежи, и родителей молодых людей — состоянием дел в этой области вынуждает миллионы россиян из года в год искать обходные пути («нужные люди», «связи» и проч.), позволяющие реализовать относительно высокие образовательные установки более подготовленной и более требовательной, пусть количественно и не такой уж большой, части российской молодежи.

Таблица 1

«ХОРОШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ...» (В % К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)		
	Население	Молодежь
Дает возможность получать хорошие деньги	54	53
Дает специальность, востребованную сегодня на рынке	37	38
Дает возможность полнее реализовать себя	36	36
Дает возможность продвинуться, занять хорошую должность	29	31
Делает жизнь интереснее	23	22
Приносит уважение людей, дает престиж	18	16
Помогает расти дальше, постоянно повышать квалификацию	15	17
Позволяет работать со сложными технологиями	14	15
Помогает ориентироваться в сегодняшнем мире	13	13
Дает возможность творческой работы	12	13
Помогает решать сложные проблемы в разных жизненных ситуациях	10	10
Позволяет быть конкурентоспособным на мировом рынке, вписаться в мировую науку и производство	10	9
Затрудняюсь ответить	1	0

Представления о «хорошем образовании»³

Большинство россиян рассматривают качество образования прежде всего в прагматическом ключе: ни малейших расхождений между мнениями населения в целом и молодежи по данному вопросу нет — мы имеем здесь дело с общепринятой анонимной нормой. Соответственно, подобная трактовка образования и его функций ориентирует на ближайшие, более простые цели — немедленное или, по меньшей мере, быстрое вознаграждение в настоящем, «прямо сейчас». Стратегическая проблематика отсроченной gratification, накопления заслуг, символической награды, а значит — более широкие и гибкие пространственно-временные рамки действий и оценок, перспектива на будущее и дальние ориентиры поведения с ориентацией на разные референтные группы, разные формы признания с их стороны, не столь актуальна для большинства российского населения. Эти моменты отодвинуты на второй план, не привлекают внимания и не подвергаются рефлексии. Расчет идет только на самые короткие временные дистанции (до двух третей россиян вообще не планируют жизнь дальше чем на несколько месяцев вперед).

Ориентации на более сложное понимание ценности и качества образования (эти позиции выделены в таблице курсивом) в большей степени значимы для респондентов, получивших или получающих второе высшее образование, а значит, избравших *иную* жизненную стратегию, чем большинство. Показательно, что эта последняя подгруппа иначе понимает совокупность факторов, которые открывают перед человеком перспективу получить хорошее образование. Здесь чаще обращают внимание на символический капитал ближайшего окружения, семьи (образование родителей, коммуникативная обстановка в семье, домашняя библиотека), на способности, целеустремленность и труд самого человека, его «внутреннюю» ориентированность. Напротив, большинство россиян выше ставит моменты скорее «внешние» по отношению к человеку (полезные связи и знакомства), а на первое место выходят опять-таки деньги.

Группу респондентов с двумя высшими образованиями допустимо считать представителями более активной, успешной и продвинутой части населения. Именно среди них можно ждать, с одной стороны, более критичной позиции по отношению к образовательной системе, а с другой — современного и разностороннего взгляда на ее про-

Таблица 2

«ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ХОРОШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, НУЖНЫ...» (В % К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)			
	Население	Молодежь	Два высших образования
Деньги	64	61	57
Способности	54	52	63
Воля, целеустремленность	49	51	54
Усидчивость, готовность работать	32	32	41
Связи и знакомства	31	30	24
Образование и кругозор родителей, культурная обстановка в семье	13	10	22
Ориентация на мировой уровень науки и производства	7	5	7
Затрудняюсь ответить	1	1	0

блемы, поскольку данная группа имеет самый продолжительный и разнообразный опыт обучения. Однако представления данной подгруппы о том, что дает человеку полученное им «хорошее образование», не очень отличаются от городского населения и городской молодежи в целом. Самые образованные несколько выделяются лишь оценкой хорошего образования как возможности освоить высокие технологии и обрести конкурентоспособность на мировом рынке труда, производства и науки, то есть более прагматичным пониманием качества образования.

Между тем проблема качества высшего образования в России за последние годы

не только не смягчилась, но и, напротив, обострилась. Это осознает как население в целом, так и молодая его часть: число тех, для кого хорошее образование сегодня недоступно, выросло среди тех и других. Сравним данные опросов 2003 и 2009 годов.

Как оценивается современная школа?

Подавляющее большинство опрошенных (84 проц. населения в целом, 78 проц. молодежи) училось или учится в обычных средних школах. Если респонденты их и выбирали, то в 60 проц. случаев (63 проц. у молодежи) по самому простому принципу — близости к дому. Известную значимость

Рис. 1

(для 10 проц. населения, 14 проц. молодежи) имела бесплатность обучения в данной школе. С этим фактором, как можно полагать, был связан отказ от обучения в гимназии, лицее: таковые были по месту жительства у 22 проц. опрошенных россиян в целом (учились же в них 4 проц.) и у 39 проц. молодых респондентов (учились в них 8 проц. данной подгруппы). Таким образом, проблема качества образовательных услуг — хороший уровень преподавания — имела значимость лишь для 13 проц. опрошенных (среди молодежи — для 17 процентов).

Подавляющему большинству российского населения, в том числе молодого, школа в ее нынешнем состоянии, привычном и более или менее одинаковом для всех граждан страны, представляется данностью (родители хотят, чтобы ребенок был занят и находился «в коллективе», «под присмотром» — по модели детского сада; дети же так или иначе принимают эту вмененную им роль). Школа, школьная система, как правило, не оцениваются в содержательных категориях, от них в большинстве случаев не требуют и не ждут качественного обучения, поскольку учебу в школе не считают важным этапом жизненного пути. Иными словами, школу не связывают с жизнью — дальнейшей работой, учебой, местом в обществе. Как мы предполагаем, именно поэтому преобладающая часть опрошенных оценивают школу, в которой учились или учатся, как более или менее хорошую (57 проц. населения, 59 проц. молодежи); две

пятых считают ее никакой, обычной. Между тем из более детальных оценок респондентами собственной школы видно, что картина далеко не столь благополучна.

Казалось бы, учащиеся или отучившиеся вполне довольны знаниями, которые получили по большинству предметов. Но показатель, что в наименьшей степени они удовлетворены знаниями по информатике, компьютерному делу (недовольны 37 проц. молодежи, треть горожан в целом) и по иностранному языку (не удовлетворены ими 46 проц. населения, 42 проц. молодежи). Именно иностранные языки и компьютерная грамотность возглавляют список дисциплин, преподаванию которых в школе, по мнению половины и более опрошенных, нужно уделять сейчас наибольшее внимание (напомним, что компьютерщик, программист относятся к профессиям, наиболее ценным сегодня россиянами). Это значимые дефициты школьного преподавания, если иметь в виду дальнейшую профессиональную карьеру учащихся, их коммуникации в «большом» мире. Третья главная позиция в списке важных, требующих внимания дисциплин, — русский язык и литература, но их преподаванием в школе свыше 80 проц. россиян как раз довольны. Значение этого предмета, настоятельность его преподавания связаны не с недостаточностью обращения к нему в школе, а с особой ролью в структуре коллективной идентичности россиян: таков один из центральных символов «нашего»

Таблица 3

«ВЫ В ЦЕЛОМ ДОВОЛЬНЫ ОБРАЗОВАНИЕМ, КОТОРОЕ ИМЕЕТЕ?» (В % К СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ГРУППЕ ОПРОШЕННЫХ)					
	до 18 лет	18—24 года	25—39 лет	40—54 года	55—60 лет
Да, вполне / скорее доволен	59	54	61	63	74
Скорее недоволен / совершенно недоволен	41	42	36	36	26
Затрудняюсь ответить	1	3	2	2	1

достояния, предмет национальной гордости, поэтому его преподаванию и следует уделять повышенное внимание.

Удовлетворенность образованием и проблемы сегодняшней школы

Уровень удовлетворенности российского населения имеющимся у него образованием довольно высок и за последние годы еще несколько вырос. Если в 2003 году им были удовлетворены 56 проц. населения, то в 2009-м — 62 проц. (полностью удовлетворены в том и другом году — 28 процентов). При этом удовлетворенность своим образованием у молодежи в настоящее время несколько ниже средней по стране — им довольны 58 проц. опрошенных россиян 15–29 лет. Среди опрошенных с двумя высшими образованиями удовлетворенных и вовсе подавляющее большинство — 93 процента. Отметим, что только в последней группе доля полностью удовлетворенных превышает долю «скорее удовлетворенных» (58 к 36 проц.), тогда как в других подгруппах оценки сдвинуты к более умеренным. Если рассматривать группу с двумя высшими образованиями как наиболее компетентную, то можно считать, что это и есть «экспертная» оценка нынешней образовательной системы в России. Поскольку из опросов молодежи мы знаем, что получаемым образованием довольно и большинство студентов (от 60 до 70 проц.), то неудовлетворенность остальных можно, по-видимому, в большой мере связать с про-

блемами доступности высшего образования, особенно платного. Довольных полученным образованием больше среди москвичей и жителей крупных городов (соответственно 70 и 68 проц.), но меньше — среди населения средних и малых городов (соответственно 58 и 57 проц.). Иначе говоря, удовлетворенность образованием выше там, где качественное образование более доступно благодаря наличию крупных вузов и где благосостояние населения в среднем выше.

Неудовлетворенность полученным образованием сильнее выражена у молодых респондентов, тогда как самые старшие им максимально довольны.

При этом система преподавания и качество подготовки выпускников в российских школах получает у опрошенных преимущественно среднюю оценку — «тройку».

Три четверти опрошенных россиян (и почти столько же — 73 проц. — опрошенной молодежи) считают, что российское государство выделяет сегодня на образование недостаточно средств ⁴.

Запрос на повышение образования и предполагаемые функции вузовского обучения

Подавляющее большинство опрошенных в 2009 году считают высшее образование для молодежи необходимым — таково мнение 87 проц. городского населения и 89 проц. самих молодых горожан 15–29 лет. При этом представления о функциях учебы в вузе — доволь-

Таблица 4

«КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ НЫНЕШНЮЮ СИСТЕМУ ПРЕПОДАВАНИЯ В ШКОЛАХ (ЛЮБЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ, ДАЮЩИХ СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ)?» (В % К СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ГРУППЕ)

	до 18 лет	18—24 года	25—39 лет	40—54 года	55 лет и старше
Очень высоко / скорее высоко	28	19	19	14	9
Средне	57	63	63	60	55
Скорее, низко / очень низко	14	16	15	23	28
Затрудняюсь ответить	2	2	3	3	7

Таблица 5

«КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ РОССИИ?» (В % К СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ГРУППЕ)					
	до 18 лет	18—24 года	25—39 лет	40—54 года	55 лет и старше
Очень высоко / скорее высоко	23	15	11	13	15
Средне	63	72	72	66	61
Скорее, низко / очень низко	11	11	13	18	20
Затрудняюсь ответить	2	2	4	3	4

но однообразны и очень прагматичны по смыслу. Главное в них: без высшего образования не найдешь хорошо оплачиваемой работы (мотив хорошей оплаты — основной и заметно превосходит все другие); без него не сделаешь карьеры (мотив — хорошая карьера); без него не станешь специалистом в избранной сфере профессиональной деятельности (мотив — хорошая специальность). Эти функции / мотивы учебы в вузе объединяют свыше половины опрошенных россиян в целом и молодежи в частности. Иными словами, это так называемое «общее мнение», устойчивые нормы поведения и суждения, анонимные стереотипы «того,

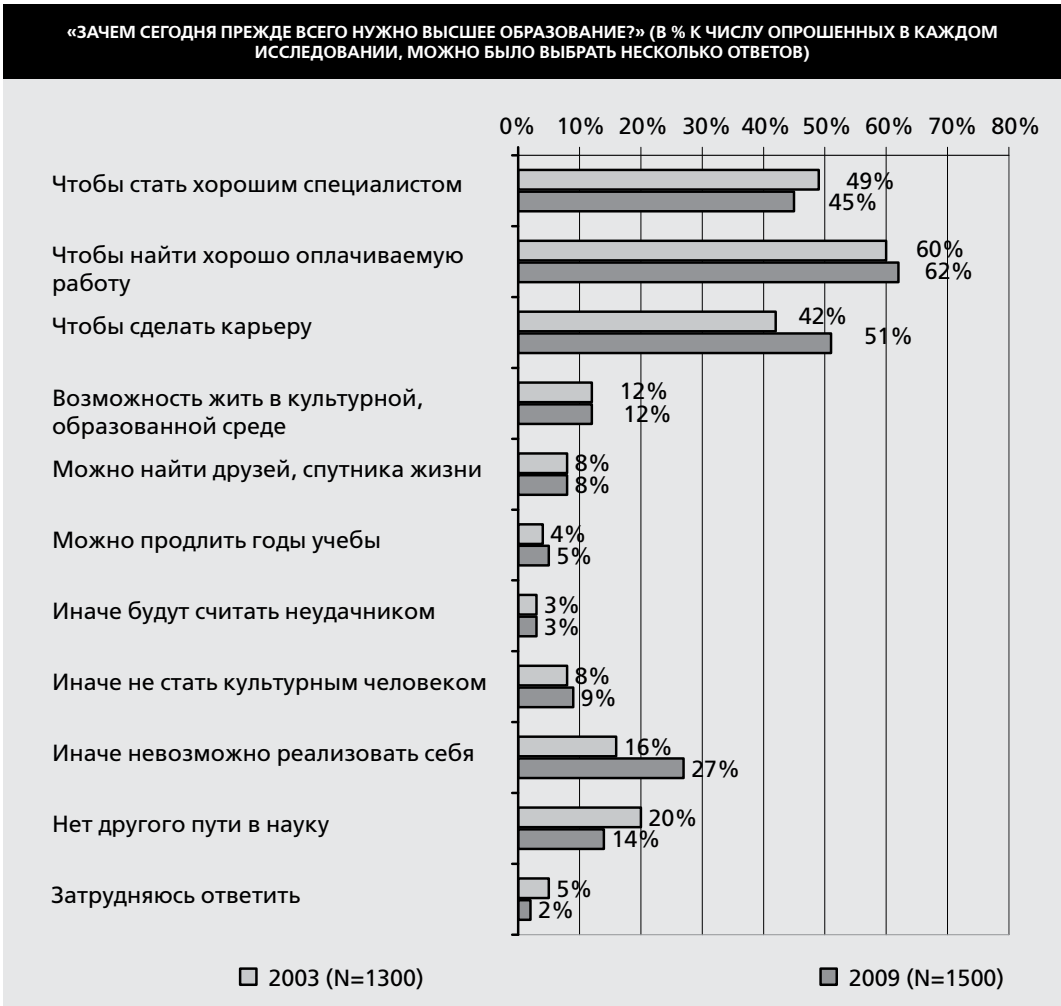
что есть на самом деле». Остальные пункты несопоставимы с ними по значимости и характеризуют разрозненные, неконсолидированные мнения отдельных мелких групп респондентов (табл. 6, можно было выбрать несколько позиций, они ранжированы по убыванию значимости).

Нужно сказать, что по основным позициям мнения российского населения достаточно устойчивы и не изменились за последние несколько лет — здесь мы действительно имеем дело с устоявшимися коллективными нормами. Сравним распределение соответствующих ответов по близкому по смыслу вопросу в исследованиях 2003 и 2009 годов.

Таблица 6

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И МОЛОДЕЖИ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)		
	Население	Молодежь
Без высшего образования не найдешь хорошо оплачиваемой работы	62	61
Без высшего образования не сделаешь карьеры	51	52
Без образования не станешь хорошим специалистом в выбранной области	45	44
Высшее образование дает возможность реализовать, осуществить главные устремления в жизни	27	27
Без высшего образования невозможно заниматься наукой	14	12
Учеба в вузе дает возможность жить среди образованных, культурных людей	13	11
В институте можно найти хороших друзей, спутника/спутницу жизни	9	10
Без высшего образования нельзя стать культурным человеком	9	8
В вузе можно продлить годы учебы, пожить студенческой жизнью	5	4
Без высшего образования люди моего круга будут считать меня неудачником	3	4
Затрудняюсь ответить	2	2

Рис. 2

За основным мотивом получения высшего образования, да и за пониманием «хорошего образования», «хорошей работы» стоит, как уже говорилось, чрезвычайно высокое значение денег в нынешних мнениях и оценках практически всех групп российского населения⁵. В теме денег существенны два момента: то, что деньгам практически во всех группах населения приписывается самая большая ценность и что эта ценность значима в особой модальности дефицита — того, чего нет или чего очень не хватает. И

дело не просто в соответствующей форме вопроса («Чего... не хватает?»). По данным других исследований Левада-Центра, доля людей, у которых имеются какие-либо сбережения, в последние три года колебалась от 18 до 25 проц. взрослого населения России⁶. И эти сбережения были, как правило, небольшими, в скромных масштабах одной крупной покупки, ремонта жилья и т. п. Приблизительно такова же доля людей, сумевших за последние годы добиться для себя и семьи «достойного уровня материаль-

ного благополучия». Зато примерно вдвое больше семей, которые в настоящее время кому-то должны. Те из россиян, кто «ничего не имеет против людей, получающих миллионы», как были двадцать лет назад, так и по нынешний день остаются меньшинством: в 1989 году их было 9, в 2008-м стало 13 процентов. Доля же инициативных россиян, готовых «начать собственное дело, ведя его на свой страх и риск», еще меньше, она за двадцать лет и вовсе не изменилась, — это по-прежнему 7–8 проц. взрослого населения страны.

Можно сказать, что сверхвысокая и не имеющая конкурентов значимость денег составляет часть мифологии «бедного» общества. Речь идет не столько о прямой нехватке денег, хотя в большинстве случаев и о ней тоже, сколько о дефиците

ценностей, их разнообразия и выбора, сложности социальных связей, смысловых ориентиров, обобщенных символических посредников (деньги — лишь один из них, и вне подобной сложности они попросту не работают). А это значит, что перед нами мифология фрагментированного, раздробленного общества, которое резко разделено по осям власти и богатства и в котором между разными группами (социальными, статусными, профессиональными, этническими, кроме самых близких родственников) воздвигнуты высочайшие социальные барьеры. Именно поэтому «деньги» в подобном обществе есть в достатке практически всегда не «у нас», а у каких-то «других», не близких нам и к нам недружественных. Отсюда же идет и мифология всеобщей коррумпированности в современном рос-

Рис. 3

«ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ ДОЛЖНО БЫТЬ...» (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)

сийском обществе при, конечно, немалых, но все же не астрономических масштабах реальной коррупции и ее далеко не тотальном характере. Объединяющая все группы россиян мифология денег парадоксально соединяется в коллективном сознании с пониманием богатства как начала, разрушающего социальное целое и обещающего дальнейшее разделение между верхами и низами в будущем, — точка зрения, характерная для большинства российского населения и его по преимуществу уравнилельных представлений об обществе. Функция подобных мифов — защитная, то есть еще больше усиливающая барьеры между разными группами, и компенсаторная, иными словами, консервирующая, увековечивающая подобные барьеры.

Соответственно, по сравнению с 2003 годом преобладающая часть и городского населения России в целом, и особенно городской молодежи стала настаивать на необходимости именно бесплатного образования, тогда как шесть лет назад большинство молодежи допускало сочетание платности с бесплатностью.

Конечно, изменились тут не только оценки — другой стала реальная ситуация. В 2003-м большинство студентов из опрошенной молодежи (61 проц.) учились на бесплатной основе, 36 — на платной, сегодня же большинство (51 проц.) учатся на платной основе, тогда как 48 проц. — на бесплатной.

Важно и еще одно: почти половина опрошенных (44 проц.) считают для себя достаточным образование ниже вузовского — от начального до среднего специального. За последние годы доля подобных оценок несколько снизилась, но все же она весьма высока.

Среди молодежи доля ограничивающих себя образованием ниже вузовского составляет 33 процента. Таким образом, при высоких общих оценках необходимости высшего образования, о которых говорилось раньше, поступать в вуз собирается явное меньшинство нынешней российской молодежи — 26 проц. опрошенных горожан в возрасте 15–29 лет. Самые значимые мотивы отказа от намерений продолжать образование после школы — недостаточность знаний, отрезающая перспективу возможного поступления

Таблица 7

«КАКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ ДОСТАТОЧНЫМ ДЛЯ СЕБЯ, ДЛЯ ТАКИХ ЛЮДЕЙ, КАК ВЫ?» (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)		
	2003 г.	2009 г.
Менее 7–8 классов	3	Менее 1
8–9 классов	6	2
10–11 классов	10	9
ПТУ	9	8
Техникум, ССУ	25	25
Вуз	36	44
Два вуза	4	7
Аспирантура	2	1
Колледж или университет за рубежом	Менее 1	Менее 1
Затрудняюсь ответить	6	3
Число опрошенных	1300	1500

(25 проц. от числа заявивших, что они не собираются поступать в вуз), и недостаточность связей и денег, которая, по мнению избравших этот ответ, не даст возможности поступить (мнение 20 проц. не намеревающихся поступать в вуз).

Выбор вуза, подготовка, учеба

Наиболее значимые мотивы выбора вуза относятся прежде всего к содержанию образования и к прагматике его использования:

- здесь лучше всего преподают избранную респондентом специальность (29 проц. намеревающихся поступать в вуз),
- диплом данного вуза позволит получить хорошую работу (28 процентов).

Немаловажную роль при выборе вуза играет совет друзей, знакомых (он значим для каждого пятого из собирающихся поступать): кроме всего прочего, он обещает некоторое число «своих» среди будущих учащихся, что может облегчить новичку адаптацию к еще непривычным условиям. Для 12 проц. выбранный ими вуз — вообще единственный, где они хотели бы учиться.

Каждый четвертый из молодых людей, собирающихся поступать в вуз, дополнительно готовится к поступлению: половина из готовящихся дополнительно (48 проц.) занимаются самостоятельно по расширенной программе, 31 проц. занимается с частными преподавателями, 26 — берут дополнительные уроки у педагогов из своей школы (по большей части за плату), 19 проц. посещают подготовительные курсы в выбранном вузе.

Из молодых людей, уже поступивших в вуз, 89 проц. поступили туда, куда хотели. Трем из четырех поступивших в вузы хватило знаний, полученных в учебных заведениях, дающих среднее образование. Из тех же, кому школьного объема знаний не хватило, половине оказалось недостаточно именно тех знаний, которые были профильными для

выбранного вуза; вдвое меньше оказалось тех, кому не хватило общих знаний.

Из числа поступивших 40 проц. выбрали данный вуз из интереса к специальностям, которые он дает, 24 — за то, что набор специальностей в нем обещает интересную работу, еще 24 — за то, что набор специальностей в нем востребован на рынке труда, 17 — по совету родителей, 16 — из-за небольшого конкурса и относительной легкости поступления, 15 — по совету друзей и знакомых, 12 проц. — будучи уверены, что выбранная специальность гарантирует им позднее высокооплачиваемую работу.

Более половины (51 проц.) молодых людей, поступивших в вуз или отучившихся в нем, довольны своим вузом, 42 проц. чем-то довольны, чем-то нет. Совершенно не удовлетворены своим вузом лишь 4 проц. поступивших или отучившихся в нем. Причины удовлетворенности вузом имеют отношение прежде всего к общему качеству обучения (для 47 проц. молодых людей, учащихся или недавно отучившихся в вузе); высокому профессионализму преподавателей (31 проц.); интересным курсам, семинарам (19 проц.). Другая группа причин позитивной оценки — социальная среда обучения, ощущение принадлежности к группе, слюю: появление друзей, компании близких людей (27 проц.), творческое окружение, стимулирующая атмосфера (16 проц.), возможность жить студенческой жизнью (16 процентов). Третий компонент удовлетворенности — перспектива хорошего диплома, с которым можно рассчитывать на определенную работу, должность (34 процента).

Причины неудовлетворенности вузом в основном группируются вокруг невозможности студента активно воздействовать на процесс собственного обучения (16 проц.), на набор интересных учащемуся спецкурсов и спецсеминаров (15 проц.; 83 проц. нынешних и бывших студентов указали,

что обучение в их вузе строится/строилось только на обязательном посещении общего для всех набора лекций и семинарских занятий), на невозможности повышать качество обучения за счет стажировки за рубежом (21 процент). Кроме того, 17 проц. молодежи, учащейся или недавно отучившейся в вузах (то есть каждый шестой), недовольны малым размером стипендии, а то и полным ее отсутствием.

Однако в целом нельзя сказать, что большинство учащихся или недавно отучившихся в вузах молодых россиян по максимуму использовали имевшиеся в их вузе возможности повысить качество своего обучения,

шихся в вузах таких шансов попросту не было); с другой стороны, даже имеющиеся возможности используются лишь третью студентов: 59 проц. учащихся или недавно отучившихся в вузе молодых людей признают, что ничего не делали для того, чтобы получить более углубленные знания, дополнительную квалификацию по той специальности, которой обучались; лишь один из десяти посещал дополнительные курсы по избранной специальности, один из четырех самостоятельно набирал дополнительные знания, читая специальную литературу. Характерно, что студенты оценивают степень заинтересованности своих однокурсников в качестве

“Лишь 32 проц. учащихся или отучившихся в вузах молодых горожан России замечают или замечали в своих сотоварищах по вузу **интерес к учебе**”.

проявить себя более активными и целеустремленными студентами. Например, среди тех, у кого была возможность помимо общей программы посещать другие курсы и семинары, ею воспользовались лишь 40 проц.; 37 проц. подключились к программам дистанционного обучения; 32 проц. приняли участие в создании дискуссионных клубов, семинаров, групп для обсуждения интересных им тем и проблем. Еще меньше (29 проц.) использовали возможность посещать интересные для них курсы и семинары в других вузах. Примерно таков же уровень участия студентов в вузовской научной жизни — в ней хотя бы время от времени участвуют либо участвовали 28 проц. учащихся или недавно отучившихся в вузах, и лишь каждый восьмой из них был вовлечен в эту деятельность на постоянной основе.

С одной стороны, шансов активизировать обучение и расширить круг собственных занятий у студентов, по их оценкам, не так уж много (у 40–60 проц. учащихся или отучив-

образования, степень их активности в ходе обучения столь же невысоко: лишь 32 проц. учащихся или отучившихся в вузах молодых горожан России замечают или замечали в своих сотоварищах по вузу интерес к учебе, поиск качественного образования, а, по мнению 56 проц., главное для их коллег — просто получить диплом как таковой.

Рассмотрим проблему удовлетворенности высшим образованием более подробно. Ниже дается уровень удовлетворенности различными сторонами обучения в вузе, где учатся или недавно учились молодые россияне (приводится суммарный процент тех, кто дал высокие и самые высокие оценки, в скобках — средний балл по пятибалльной шкале):

- преподаватели 72 проц. (3,92),
- качество профессионального обучения 68 проц. (3,82),
- престижность вуза 61 проц. (3,77),
- информационная и техническая оснащенность 58 проц. (3,68),

Рис. 4

**«КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ НЫНЕШНЕЕ КАЧЕСТВО ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ?»
(В % ОТ ОТВЕТИВШИХ В СООТВЕТСТВУЮЩИХ ГРУППАХ)**

- подготовка студентов к практической деятельности 51 проц. (3,51),
- возможности профессиональной практики 47 проц. (3,37),
- возможность хорошего трудоустройства 39 проц. (3,28).

Оказывается, что при общей высокой удовлетворенности престижем и оснащенностью вуза полученные знания и преподаватели, которые их дают, не обеспечивают должной подготовки к практической деятельности после окончания учебы. У студентов было недостаточно профессиональной практики, и они не могут уверенно рассчитывать на хорошее трудоустройство. Иными словами, мы, теперь уже на другом уровне, опять сталкиваемся с серьезным разрывом между «школой» и «жизнью».

Характерно, что лишь 16 проц. нынешних или бывших студентов имеют или имели в период учебы представление о предприятии

или фирме, где они будут работать. Семьдесят же процентов либо не имели представления об этом вовсе, откладывая решение проблемы на будущее, либо представляли себе сферу будущих занятий лишь в общих чертах. В результате такой неподготовленности работают по специальности, полученной в вузе, меньше половины выпускников вузов (49 проц.), остальные либо никогда не работали по полученной специальности, либо оказались вынуждены ее поменять, поскольку были не удовлетворены зарплатой, не имели шансов найти работу, разочаровались в своей специальности.

Оценки вузовского обучения и системы высшего образования

Качество профессиональной подготовки студентов в российских вузах население и молодежь страны оценивают по преимуществу как среднее (хотя и несколько выше, чем подготовку выпускников школ).

Рис. 5

«НАСКОЛЬКО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЫШЕ КАЧЕСТВО ПРЕПОДАВАНИЯ В СТОЛИЧНЫХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В СРАВНЕНИИ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ВУЗАМИ?» (В % ОТ ОТВЕТИВШИХ ПО СТОЛБЦУ)

Подавляющее большинство опрошенных — особенно респонденты с двумя высшими образованиями — считают, что качество преподавания в столичных вузах выше и значительно выше, чем в региональных.

Оценки респондентов из различных социально-демографических групп почти не расходятся. Выделяются — как среди городского населения в целом, так и среди городской молодежи — только москвичи: они

оценивают преподавание в столичных вузах и университетах еще выше, чем остальные (позитивные оценки, соответственно, 67 и 68 проц., при средних 59 процентах).

По оценкам большинства опрошенных, нынешняя система высшего образования в России не соответствует западным образовательным стандартам.

Наиболее важно здесь то, что российская вузовская система слабее западной

Таблица 8

ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (В % ОТ ОПРОШЕННЫХ)

	Население	Молодежь
Определенно и скорее соответствует западным образовательным стандартам	30	32
Определенно и скорее не соответствует западным образовательным стандартам	41	39
Затрудняюсь ответить	29	29

в подготовке специалистов именно тех профессий, которые россияне считают самыми лучшими для молодых людей и в наибольшей степени обещающими хорошие деньги.

Способы улучшить нынешнюю систему высшего образования в России в первую очередь связаны для респондентов

- с развитием современных информационных ресурсов вузов (мнение 88 проц. населения и 89 проц. молодежи),
- с созданием механизмов ответственности преподавателей перед студентами за качество преподавания (по 78 проц.),
- с расширением для студентов свободы выбора преподаваемых предметов, спецкурсов (75 и 78 проц.),

- наконец, с созданием механизмов конкуренции между преподавателями за студентов, а значит — за качество преподавания (57 и 54 процентов).

Одним из механизмов усиления ответственности преподавателей за качество их работы и вместе с тем механизмов обратной связи между преподавателями и учащимися является, например, практика оценки преподавателей студентами: она получила одобрение абсолютного большинства опрошенных (70 проц. населения и 74 проц. молодежи).

Ориентация на продолжение вузовского образования

Считают для себя недостаточным одно высшее образование и видят необходимость

Таблица 9

«В СРАВНЕНИИ С ЗАПАДОМ РОССИИ...» (В % К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ, БЕЗ УКАЗАНИЯ ЗАТРУДНИВШИХСЯ С ОТВЕТОМ)		
	Население	Молодежь
<i>В области высшего естественно-научного образования</i>		
Сильнее	31	31
На том же уровне	27	27
Слабее	23	25
<i>В области высшего технического образования</i>		
Сильнее	37	36
На том же уровне	25	26
Слабее	22	23
<i>В области высшего гуманитарного образования</i>		
Сильнее	32	32
На том же уровне	28	27
Слабее	21	23
<i>В области высшего экономического образования</i>		
Сильнее	22	22
На том же уровне	26	28
Слабее	35	34
<i>В области высшего юридического образования</i>		
Сильнее	20	22
На том же уровне	27	25
Слабее	35	34

в продолжении учебы 8 проц. российских горожан в целом, 13 проц. городской молодежи. Реально же получают или уже получили второе высшее образование 6 проц. российских горожан с вузовским образованием и 4 проц. городской молодежи. Еще 12 проц. учащихся или отучившихся в вузе горожан России и 19 проц. учащейся или отучившейся в вузе городской молодежи хотели бы, по их словам, закончить второй вуз.

Ведущими стимулами закончить второй вуз выступают желание иметь больше возможностей для устройства на хорошую работу (43 проц. молодежи, имеющей, получающей или желающей получить второе образование, 54 проц. — среди соответствующей подвыборки всего городского населения), а также престижность обладания в настоящее время двумя дипломами (28 проц. от соответствующей подгруппы в городском населении страны, 22 проц. — от соответствующей подгруппы среди городской молодежи).

Имеющие или получающие второе образование как социокультурная группа

В основном данную группу образуют женщины (76 проц.), люди 25–39 и 40–54 лет (54 и 34 проц. соответственно). Треть группы еще учится (30 проц. — учатся и работают), две трети закончили два вуза (62 проц. работают после окончания учебы, 4 проц. не учатся и не работают). При этом две трети учащихся учатся заочно.

Четверть группы (27 проц.) — руководители разного уровня, свыше половины (54 проц.) — специалисты с высшим образованием без руководящих функций. 16 проц. относят себя и свою семью к верхней части среднего слоя (по стране соответствующая доходная подгруппа составляет 7 проц.), свыше трех пятых — 63 проц. — имеют высокий потребительский статус, могут без труда приобретать товары длительного пользова-

ния и даже дорогостоящие вещи (по стране к соответствующей подгруппе себя относит 31 проц. населения). У 46 проц. родители имели высшее образование (по стране — 17 процентов). Семьдесят семь процентов членов данной группы закончили обычную среднюю школу, но все же каждый десятый прошел школу с углубленным изучением отдельных предметов (по стране — 3 проц.), 4 проц. учились в спецшколах (по стране — 0,5 проц.), 28 проц. параллельно основной учебе занимались в музыкальных школах (половина из них эти школы закончили). Представители этой более квалифицированной сегодня группы, учась в школе, гораздо активнее занимались в различных кружках, на языковых курсах и с репетиторами, посещали дополнительные занятия и т. п.

В данной подгруппе нет семей без домашней библиотеки (менее 2 проц., по стране — 16 проц.), тогда как 35 проц. обладают домашними собраниями свыше 300 книг (по стране — 15 процентов). Иными словами, это семьи с известным культурным капиталом. Показательно, что члены данной подгруппы значительно чаще средних российских читателей обращаются к книгам следующих жанрово-тематических комплексов:

- литература по специальности — 37 проц. (по стране — 21 проц.),
- русская и зарубежная классика — 32 проц. (по стране — 14 проц.),
- книги модных российских авторов — 29 проц. (по стране — 8 проц.),
- книги модных зарубежных авторов — 24 проц. (по стране — 6 проц.),
- нон-фикшн — 11 проц. (по стране — 6 проц.),
- книги на иностранных языках — 4 проц. (по стране — 1 процент).

Практически все в данной группе (96 проц.) пользуются Интернетом, 80 проц. — для переписки, 70 проц. — для поисков справочных материалов, необходимых для

работы, 43 проц. — для чтения периодики. Все эти показатели заметно выше средне-городских по стране и среди городской молодежи, тогда как использование Интернета в развлекательных целях и для отдыха здесь явно ниже средних молодежных показателей.

В данной группе 43 проц. свободно говорят на английском языке, тогда как по стране в целом им владеют 9 проц.; 60 проц. бывали за границей (по стране — 25 процентов).

Решающая значимость хорошей оплаты характерна конечно же и для данной наиболее квалифицированной группы; более того, если понимать оплату как вознаграж-

- помогающее расти дальше, постоянно повышать квалификацию (20 проц., среди населения — 15 проц.),
- позволяющее работать со сложными технологиями (20 проц., среди населения — 14 проц.),
- открывающее возможность творческой работы (17 проц., среди населения — 12 проц.),
- делающее более конкурентоспособным, способным вписаться в мировое производство и науку (16 проц., среди населения — 10 процентов).

Именно данная квалифицированная группа более остро ощущает разрыв между требо-

“Население в целом выше ценит гарантии, которые дает работа, а квалифицированный контингент с двумя образованиями — возможности, которые она открывает”.

дение не за стигму тяжелого труда, а за его квалифицированность, то претензия данной группы на достойную оплату представляется даже более обоснованной, чем в других группах. Вместе с тем для данной группы гораздо более, чем в среднем по стране, значимы интересность работы, необходимость в максимальной мере использовать имеющиеся знания и умения; плотность коммуникаций с людьми, уровень технологического обеспечения. В целом допустимо сказать, что население выше ценит гарантии, которые дает работа, более же квалифицированный контингент людей с двумя образованиями — возможности, которые она открывает (конфликт между двумя этими установками — один из основных в российском обществе, в том числе на протяжении последнего двадцатилетия).

Соответствующие характеристики данная квалифицированная группа подчеркивает и в трактовке «хорошего образования». Это образование

ваниями российской высшей школы и образовательными стандартами на Западе. Все требующие скорейшего решения проблемы российской высшей школы, за исключением слишком высокой платы за обучение, члены данной квалифицированной группы переживают болезненнее, чем население и его молодежная часть. В особенности это относится к следующим проблемам:

- неконвертируемость дипломов большинства российских вузов (на эту позицию указали 33 проц. респондентов с двумя высшими образованиями и 23 проц. населения),
- несоответствие набора преподаваемых предметов требованиям рынка труда (31 проц. в квалифицированной группе, 19 проц. среди населения),
- невозможность студенту самому формировать план своего обучения (23 и 17 проц. соответственно),
- преобладание общих курсов, недостаточная специализация (22 и 13 проц. соответственно),

- незаинтересованность большинства учащихся в качестве преподавания (22 и 16 проц. соответственно),
- недостаточное привлечение зарубежных преподавателей (17 и 10 проц. соответственно),
- отсутствие связи между качеством работы, авторитетом преподавателя у студентов и размером его зарплаты (17 и 10 проц. соответственно) и т. д.

Естественно, что данная квалифицированная группа чаще выделяет среди негативных сторон учебы в вузе, который члены этой группы закончили, именно невозможность влиять на процесс и формы преподавания, его качество (23 проц. при 14 проц. в среднем по населению), стажироваться в зарубежных университетах (22 проц. при 16 проц. в среднем по населению), наконец, невозможность самому студенту определять программу интересных для него спецкурсов и спецсеминаров (19 проц. при 11 проц. среди населения).

Общие выводы

Основной ценностью и вместе с тем ценностным дефицитом нынешнего российского общества в высказываниях практически всех опрошенных социальных групп выступают деньги. Такова «плата» за слишком большой и скоростной разрыв между богатыми и бедными группами населения, социально-статусными верхами и низами, социокультурными центрами российского общества и его гигантской по географическому масштабу и по объему населения периферией, между более успешными фракциями общества, 15–20 процентами взрослых россиян, сравнительно адаптировавшихся к экономической и социальной ситуации одного-двух последних десятилетий, и массами «лузеров», возрастным, образовательным, статусным большинством (оно, по разным параметрам, составляет не менее 60–70 проц.

сегодняшнего населения страны). Данный социальный фактор и смысловой момент определяют понимание ценности «хорошей работы», ценности ведущего к ее получению «хорошего образования», а также путей к получению такого образования и сертификата о нем, диплома.

Подавляющим большинством российского населения, в том числе более молодого, школа в ее нынешнем состоянии, привычном и более или менее одинаковом для всех граждан страны, понимается и принимается как данность. Система преподавания в школах, уровень профессиональной подготовки выпускников подавляющим большинством молодой части населения расценивается как средние (по школьной системе оценок — на «тройку»). Доля учившихся в спецшколах и лицеях, активно занимавшихся в кружках, использовавших дополнительные возможности наращивать и обогащать знания, не выходит за пределы нескольких процентов населения — она ощутима лишь в рамках количественно малой группы респондентов, имеющих или собирающихся получить два образования. В массе от школы не требуют и не ждут качественного обучения, поскольку учебу в ней не расценивают как самостоятельный и важный этап жизненного пути, связанный с овладением первоначальным культурным капиталом, дальнейшей профессионализацией, претензией на определенный социальный статус. Вместе с тем в ответах респондентов о наиболее острых проблемах сегодняшней школы фиксируется процесс разложения данного социального института, разложения самой системы школьного образования — разрыв позитивных связей между учениками, между учениками и учителями, низкий уровень тех и других, отсутствие у большинства положительной мотивации к преподаванию/обучению, наконец, разрыв между школой и жизнью, школой и дальнейшей учебой, школой и работой.

Ведущим, находящимся вне конкуренции мотивом получения высшего образования для подавляющей части населения в целом и молодежи в частности является возможность иметь хорошо оплачиваемую работу. Почти половина опрошенных (44 проц.) считает для себя достаточным образование ниже вузовского, среди молодежи эта доля составляет 33 процента. При высоких общих оценках необходимости высшего образования поступать в вуз собирается явное меньшинство нынешней российской молодежи — четверть опрошенных в возрасте 15–29 лет. Самые значимые мотивы отказа продолжать образование после школы — недостаточность знаний (итог обучения в школе) и дефицит денег и связей как наиболее мощных, по мнению большинства россиян, механизмов и гарантов профессионального и социального продвижения.

Возможности активизировать обучение и расширить круг собственных занятий у студентов сегодняшних российских вузов не так велика. Но и имеющиеся возможности используются учащимися не более чем на 30–40 проц., считая от числа тех, у кого подобные возможности имелись либо имеются (от 40 до 60 проц. учащихся или отучившихся в вузах, по их оценкам, таких возможностей просто не имели). Трое из пяти учащихся или недавно отучившихся в вузе молодых людей признают, что ничего не делали для того, чтобы получить более углубленные знания, дополнительную квалификацию по той специальности, которой обучались; лишь один из десяти посещал дополнительные курсы по избранной специальности, один из четырех самостоятельно набирал дополнительные знания, читая специальную литературу. Качество профессиональной подготовки студентов в вузах России население и молодежь оценивают по преимуществу опять-таки как среднее. Нынешняя система высшего образования в России, по

оценкам учащихся, не соответствует западным образовательным стандартам. Более того, она, по их мнению, слабее западной в подготовке специалистов именно тех профессий, которые россияне считают самыми лучшими для молодых людей и в наибольшей степени обещающими «хорошие деньги». При общей высокой удовлетворенности престижем и оснащенностью вуза, своими знаниями и дающими их преподавателями, опрошенные студенты слабо подготовлены к практической деятельности после окончания учебы, они имели мало возможностей профессиональной практики, не могут уверенно рассчитывать на хорошее трудоустройство. На уровне высшей школы мы снова сталкиваемся с тем же серьезным разрывом между «школой» и «жизнью», что и в оценках школьного образования.

Центральной проблемой высшей школы для большинства населения и его молодой части выступает непомерная плата за учебу и ее несоответствие качеству получаемого студентами образования. Вариант той же проблемы — возникшее за последние годы новое неравенство в доступе к высшему образованию, ущемление прав менее обеспеченных или провинциальных абитуриентов.

Проблема качества высшего образования за 2000-е годы не только не потеряла свою актуальность, а, напротив, еще больше обострилась. Это испытывает на себе как население в целом, так и его более молодая часть, находящаяся перед выбором жизненного и профессионального пути. Способы улучшить нынешнюю систему высшего образования в России для респондентов в первую очередь связаны с развитием современных информационных ресурсов вузов; с созданием механизмов ответственности преподавателей перед студентами за качество преподавания; с расширением для студентов свободы выбора преподаваемых предметов, спецкурсов по собственному интересу и плану; с формиро-

ванием механизмов конкуренции между преподавателями за студентов.

Своеобразными ориентирами при разработке путей реформирования системы образования в России могут выступать оценки и рекомендации «экспертной» подгруппы респондентов — россиян, имеющих или собирающихся получить второе высшее образование. Его получают или уже получили 6 проц. россиян в целом и 4 проц. молодежи, считая от числа тех, кто учится или уже отучился в вузах.

Однако стоит заметить, что эта подгруппа, так же как население в целом, ощущает дефицит предложения хорошей работы, хотя, казалось бы, имеет на ее получение повышенные шансы. При этом ограниченная возможность успешной карьеры переживается данной группой гораздо острее, чем всем

населением. Таким образом, «хорошее» образование в рамках сегодняшней российской социальной системы не решает проблем трудоустройства, а это значит, что для более квалифицированных групп далеко не всегда есть достойное место на рынке труда, в социальной структуре общества. У них накапливается неудовлетворенность собой, своими социальными и культурными ресурсами, нарастает усталость, разочарованность в пройденном пути, неуверенность в собственных возможностях и перспективах. Показательно, что именно в данной подгруппе острее, чем среди населения в целом, ощущается не только дефицит возможностей делать то, что хочется, но и ограниченность возможностей осмысленно и результативно влиять на окружающую ситуацию — дефицит политических, гражданских прав и свобод в стране. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Книга Ясперса «Идея университета» (1946) переключается с прочитанными на полтора столетия раньше публичными лекциями Хенрика Стеффенса «Об идее университетов» (1809). Обратим внимание на даты: сразу после поражения Германии во Второй мировой войне, сразу после поражения Пруссии в Наполеоновских войнах.

² Объем платных образовательных услуг на душу населения за 1995–2005 годы увеличился в России в 56,5 раза. См.: *Индикаторы образования*: 2007: Стат. сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 120.

³ Здесь и дальше я опираюсь на данные репрезентативного опроса городского населения страны, осуществленного социологами Левада-Центра в апреле–мае 2009 года. Опрос был проведен по трем специально спроектированным выборкам, репрезентирующим городское взрослое население России 15–59 лет (1500 человек), городскую молодежь в возрасте 15–29 лет (350 человек), а также взрослых жителей России, имеющих или получающих второе высшее образование (150 человек). По единой анкете опрашивались респонденты, проживающие в 119 населенных пунктах с населением не менее 100 тыс. жителей. В нескольких случаях

приводятся сопоставимые результаты предыдущего аналогичного исследования в 2003-м. Подробнее анализ и обобщение всех этих материалов см.:

Красильникова М. Проблемы высшего образования в оценках населения // *Вестник общественного мнения*. 2004. № 1 (69). С. 26–34; *Гудков Л., Дубин Б., Леонова А.* Образование в России: привлекательность, доступность, функции // Там же. С. 35–55; *Левинсон А.* Новые процессы в образовании как сигнал о новых процессах в обществе // Там же. 2004. № 2 (70). С. 61–69; *Дубин Б., Зоркая Н.* Система российского образования в оценках населения // Там же. 2009. № 3 (101). С. 44–70.

⁴ Статистика подтверждает эти ощущения: например, в 2003 году государственные расходы на образование составляли в России 3,6 проц. ВВП, что было ниже показателей по всем странам ОЭСР, в том числе 5 проц. в Канаде, 5,7 в США, 7,5 в Швеции, 7,6 проц. в Норвегии и т. д. См.: *Индикаторы образования*: 2007. С. 115–116.

⁵ См.: *Дубин Б.* Убавленная стоимость // *Коммерсантъ-Weekend*. 2009. № 13. 10 апр. (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1151224>).

⁶ См.: *Общественное мнение* — 2009. М.: Левада-Центр, 2009. С. 49.

Обучение инновациям в России и в Китае

Почему России не удалось упрочить научную и образовательную инфраструктуру, доставшуюся ей от СССР, а Китай, стартовавший с более низкого уровня, сумел добиться больших успехов в интернационализации научно-образовательной системы? | **ХАРЛИ БАЛЗЕР**

В XXI веке высшее образование стало по-настоящему международным явлением — со всеми возможностями и проблемами, которые неизбежно возникают, когда поле деятельности существенно расширяется. Все большее число стран осознает, что успешное развитие инновационной экономики зависит от знаний и человеческого капитала, способного приумножать эти знания и реализовывать их на практике. По всеобщему мнению, оптимальной средой для производства и передачи знаний являются исследовательские университеты, а самые лучшие среди них — учреждения даже не национального, а глобального масштаба ¹.

Конкуренция на глобальном уровне — дело сложное и дорогостоящее. Тем не менее все большее число правительств исходит из того, что высшее образование необходимо для будущего благосостояния и безопасности их стран. Для того чтобы оценить собственный уровень в условиях обостряющейся конкуренции, правительства уделяют все больше внимания рейтингам университетов. Войти в число учебных заведений, имеющих международное признание, — не только вопрос престижа: это дает и прямой экономический эффект, в частности, обеспечива-

ет финансовую поддержку со стороны правительства и возможность привлекать больше платных студентов. Еще важнее то, что качество и престиж — факторы, способствующие переходу от «утечки мозгов» к «циркуляции мозгов» ².

Сегодня и Россия, и Китай стремятся создать в своих странах исследовательские университеты мирового класса. Для руководителей обеих стран желанным проектом модернизации является построение высокотехнологичной инновационной экономики; соответственно, правительства считают, что для достижения этой цели необходимы инвестиции в человеческий капитал. И те и другие сталкиваются с одной и той же проблемой: как построить конкурентоспособную инновационную экономику на развалинах системы советского типа, где научные исследования были отделены от образования, крупные институты с гарантированным бюджетным финансированием осуществляли фундаментальные исследования, а множество отраслевых НИИ разрабатывало «практические» приложения. При этом инженеры могли по сути дела не думать об издержках и почти никогда не видели воплощения собственных инноваций в промышленном производстве ³.

Сравнение развития сферы образования и науки в России и Китае полезно по двум причинам. Во-первых, при наличии и там, и там стремления завоевать международный престиж и примерно одинаковых исходных институциональных условий Россия и Китай используют разные подходы и получают разные результаты. Китай достиг больших успехов в развитии НИОКР на базе университетов и в налаживании связей университетов с промышленностью, добился более высокого уровня интеграции в глобальное образовательное пространство. Кроме того, Китай более успешен в деле привлечения талантливых соотечественников к работе на родине. Во-вторых, Китай достиг этих результатов, несмотря на то, что изначально располагал куда более скромной ресурсной базой в сфере науки и образования. Сравнение этих двух стран позволяет сделать важные выводы относительно того, как формируются, используются и обновляются (или не обновляются) системы образования и науки, конкурентоспособные на глобальном уровне.

Мы начнем с краткого описания того, как развивалось высшее образование в обеих странах. Во втором разделе речь пойдет о новом подходе, который выдвигает на первый план создание ограниченного числа исследовательских университетов. В третьем разделе анализируются показатели обеих стран в таких взаимосвязанных областях, как производительность научных исследований (научные публикации, патенты и другие подобные показатели), глобальный рейтинг университетов и превращение «утечки мозгов» в «циркуляцию мозгов». Четвертый раздел посвящен проблемам интернационализации и инновационной деятельности. В заключительном разделе мы пытаемся ответить на вопрос о том, почему Китаю удалось добиться больших успехов в интернационализации научно-образовательной системы, притом что изначально, когда Дэн Сяопин

объявил политику «реформ и открытости», страна обладала значительно меньшей ресурсной базой.

Расширение сети вузов в России и Китае

С началом экономических реформ система высшего образования стала активно развиваться в обеих странах. В России число вузов с 1990 года выросло более чем вдвое, прежде всего за счет открытия 474 частных учебных заведений. Число государственных вузов увеличилось с 514 в 1990-м до 660 в начале 2008/09 учебного года (то есть на 30 процентов). Число студентов также возросло, причем настолько, что доля выпускников средних школ, поступающих в высшие учебные заведения, стала больше, чем в любой другой стране мира. Начиная с 2000 года число принятых в высшие учебные заведения превышает количество выпускников средних школ⁴. Если в 1990-м число студентов в России составляло 2 824 500 человек, то в 2008 году их было уже 7 513 100, причем подавляющее большинство — это студенты государственных вузов. Доля частных вузов достигает 42 проц. от общего числа высших учебных заведений, но в них обучается лишь 17 проц. студентов. В среднем на очных отделениях учится около 46 проц. российских студентов; но в государственных вузах их более половины, а в частных — менее четверти. В 1990 году студенты составляли менее 2 проц. населения России, а в 2000-м — уже более 5 процентов⁵.

Китай начинал с гораздо более низкого уровня; при этом, по сравнению с Россией, страна приступила к интенсивному развитию системы высшего образования относительно недавно. Но начиная с 1999 года число студентов и аспирантов росло в геометрической прогрессии. Если в 1997-м в китайские вузы было зачислено чуть более 1 млн студентов, то в 2006 году их было 5,5 млн человек.

По предварительным оценкам, в 2010 году число учащихся по всем видам послешкольного образования должно составить около 30 миллионов. Численность и абитуриентов, и выпускников увеличивается примерно на 30 проц. в год. Однако по сравнению с Россией в Китае студенты составляют гораздо меньшую часть населения, и хотя правительство неукоснительно проводит политику увеличения числа студентов из сельской местности, потребуются десятилетия, прежде чем Китай сможет сравняться с Россией по охвату населения высшим образованием. Согласно XI пятилетнему плану, к 2010-му число студентов должно составить 25 проц. от общей численности соответствующей возрастной группы ⁶.

Из-за огромной численности населения доля студентов среди китайцев относительно невелика, но в абсолютных цифрах количество выпускников вузов, ученых и инженеров просто огромно. Однако с точки зрения формирования инновационной экономики гораздо важнее то, что от своих инвестиций в высшее образование Китай получает более высокую экономическую отдачу. Несмотря на серьезные проблемы, связанные с «утечкой мозгов», и отсутствие крупных научно-технологических прорывов, китайские фирмы довольно эффективно приспособливают новые технологии к потребностям растущего внутреннего рынка ⁷. В автомобильной отрасли, информационно-коммуникационных технологиях, а также в ряде других областей они, похоже, уже готовы участвовать в глобальной конкуренции.

Исследовательские университеты

Сеть образовательных учреждений расширяется и в России, и в Китае, но при этом обе страны сталкиваются с жесткими финансовыми ограничениями. Это заставляет власти отказаться от идеи равенства и выделить некоторое число так называемых исследова-

тельских университетов, которым обеспечивается приоритетное финансирование.

В России были проведены два конкурсных отбора с целью создания сети национальных исследовательских университетов, которые будут получать особое финансирование и пользоваться особым вниманием властей. (Подробнее о формировании группы российских вузов-флагманов см. материал Исаака Фрумина и Игоря Федюкина на с. 19–31 этого номера *Pro et Contra*.)

В ходе первого конкурса было отобрано 12 вузов (11 в сфере естественных и один в сфере общественных наук). В ходе второго конкурса было отобрано еще 15 учебных заведений (их список был обнародован в апреле 2010-го), которые будут получать финансирование до 2019 года. На первые три года (2010–2012) этим 15 вузам-победителям выделено 20 млрд рублей ⁸.

Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты по-прежнему будут получать деньги из федерального бюджета, и соответствующая проектная сумма в период с 2010-го по 2012 год составит 10 млрд рублей. Еще семь университетов получили статус «федеральных университетов». Первые два пилотных проекта федеральных университетов — это Южный федеральный университет в Ростове-на-Дону и Сибирский федеральный университет в Красноярске. В 2009–2010 годах к ним присоединились Дальневосточный федеральный университет во Владивостоке, Северо-Восточный федеральный университет в Якутске, Уральский федеральный университет в Екатеринбурге, Приволжский федеральный университет в Казани и Северный Арктический федеральный университет в Архангельске. Каждый из этих вузов в течение трех лет получит 400 млн рублей (с обещанием дополнительного финансирования в 2013 году). На совещании в Новосибирске в апреле 2010-го премьер-министр Владимир Путин дал ука-

знание ректорам этих университетов через месяц представить сметы расходов⁹.

Федеральные университеты были созданы на основе слияния нескольких вузов, существующих в данном регионе. Объединение вузов в мегауниверситеты — это тенденция, которая набирает силу во всем мире. Лучше всего этот механизм работает в условиях, когда правительства обеспечивают стимулы и требуют, чтобы университеты вели между собой конкурентную борьбу за статус и финансирование¹⁰. Если чиновники сами

ны, и региональными университетами — с другой, стали причиной появления «параллельной» программы федеральных университетов: эта программа предусматривает возникновение «привилегированных» университетов в каждом из федеральных округов, притом что в то же время значительные средства расходуются на «исследовательские университеты».

В Китае процесс отбора в группу «ключевых» вузов (*zhongdian*) продолжается с 1950-х годов. В 1956-м таких учебных заведений

“Сеть образовательных учреждений расширяется и в России, и в Китае, но при этом обе страны сталкиваются с жесткими финансовыми ограничениями”.

выбирают учебные заведения, которые будут получать значительные вливания, и не требуют от них конкретных предложений, рассматриваемых на конкурсной основе, это снижает мотивацию вузов к самосовершенствованию.

Несмотря на два успешно проведенных конкурсных отбора исследовательских университетов, сама идея присвоения «привилегированного» статуса небольшой группе вузов по-прежнему вызывает много разногласий. Предпринимаются серьезные попытки повлиять на то, как именно должны определяться лучшие вузы страны¹¹. Например, в ходе отбора в рамках проекта «Фундаментальные исследования и высшее образование» (*Basic Research and Higher Education Program — BRHE*), помимо достоинств вузов как таковых, пришлось учесть фактор равномерного распределения победителей по территории России. Подобное давление лишь усиливается в ситуации, когда не только дополнительное финансирование, но и базовые бюджеты находятся под угрозой. Сражения между элитными вузами Москвы и Санкт-Петербурга, с одной сторо-

было всего 11, а к 1978 году набралось уже 88. В 1990-х правительство приняло две масштабные программы, направленные на создание исследовательских университетов. Принятая в 1993 году «Программа 211» предусматривала, что к началу XXI века около ста китайских университетов станут учебными заведениями мирового класса (отсюда обозначение «211»: 21-й век и 1 [одна] сотня вузов). В программе участвуют 106 вузов, получающих дополнительное финансирование, то есть около 6 проц. от 1700 высших учебных заведений Китая.

Пять лет спустя в рамках «Программы 985»^{*} для приоритетного финансирования были отобраны первые 9 вузов. В начале 2000-х в нее было включено еще 30 вузов, а к 2010 году — еще 49¹². На первый взгляд и Китай, и Россия избрали один и тот же подход: определение круга достойных учебных

^{*} Название программы отсылает к речи Цзянь Цзэминя, произнесенной им в мае 1998 года по случаю столетия Пекинского университета. В этом выступлении Цзянь Цзэминь подтвердил намерение создавать исследовательские университеты.

заведений и оказание им дополнительной поддержки. Однако в Китае удалось создать гораздо более благоприятную среду. Элитные исследовательские университеты Китая становятся конкурентоспособными на мировом рынке образовательных услуг, в то время как для России это по-прежнему, в лучшем случае, дело будущего. Различия очевидны и в том, что касается научных публикаций, и в рейтингах, и в «циркуляции мозгов».

Результативность государственной поддержки

За десятилетие с 1999-го по 2008 год обе страны значительно увеличили масштабы государственной финансовой поддержки науки и образования, но получили совершенно разные результаты. По целому ряду показателей эффективность действий китайского правительства в сфере образования и науки с 1999 года просто поразительна. Если оценивать ее по числу публикаций в международных рефе-

рируемых научных журналах, зарегистрированных патентов и других форм защиты интеллектуальной собственности, а также по данным мировых рейтингов университетов и по способности привлекать ученых из-за рубежа, становится очевидно, что Китай и Россия все это время двигались в противоположных направлениях.

В недавно опубликованном исследовании трудовых ресурсов в России Николас Эберштадт утверждает, что с учетом сумм, которые страна тратит на науку и технологии, российская научно-исследовательская деятельность отличается низкой эффективностью (см. подвѣрку на с. 56)¹³. По словам Эберштадта, хотя доля лиц трудоспособного возраста, обучающихся в системе высшего образования, в России больше, чем в любой другой стране мира, «экономические и социальные преимущества, которые обычно обеспечивает высокий уровень образования, в действительности оказались в значительной

Научная продуктивность России и Китая

В 1999 году российские и китайские ученые опубликовали в международных реферируемых научных журналах примерно одинаковое количество статей (приблизительно по 20 000). В период с 1999-го по 2008 год число российских публикаций оставалось примерно на том же уровне, в то время как Китай за тот же срок увеличил ежегодное число публикаций более чем на 400 проц. — до 112 000 в 2008 году. По публикациям в международных изданиях Китай занимает второе место после США, опережая Германию и Японию (количество американских публикаций за тот же период выросло примерно на 30 процентов).

Аналогичные тенденции имеют место и в том, что касается патентных заявок. В 2001-м доли России и Китая от общемирового числа патентов были примерно одинаковыми — соответственно 1,8 и 1,9 процента. Однако в 2006 году доля России сократилась до 1,6 проц., а доля Китая выросла до 7,3 процента. Россия сохранила более высокий показатель «интенсивности» патентных заявок

по отношению к расходам на НИОКР, но и здесь положение быстро менялось не в ее пользу¹⁴. В области нанотехнологий (которые в России числятся среди самых приоритетных направлений) в 2004—2006 годах доля Китая составляла 1 проц. от общемирового числа патентов, и он занимал 13-е место среди всех стран мира. Доля российских патентов в сфере нанотехнологий составила 0,4 проц. и обеспечила стране 22-е место¹⁵. Китай намного чаще использует упрощенную схему подачи патентных заявок (*Utility Model filing*), по которой патент получить легче, но выдается он на более короткий срок и не подлежит возобновлению. В 2007 году на долю Китая пришлось в 18 раз больше заявок по схеме *Utility Model*, нежели на долю России. Китай также оформляет гораздо больше заявок на промышленные образцы¹⁶. По данным Европейского патентного бюро, в период между 2000-м и 2005 годом показатель патентных заявок в расчете на миллион жителей у России сократился с 1,6 до 1,2¹⁷.

степени иллюзорными». Число учащихся в системе высшего образования в России вдвое выше, чем в среднем по ОЭСР, но русские мужчины в возрасте 29–59 умирают в 4 раза чаще, чем европейские мужчины той же возрастной группы. В 2000 году российские студенты оказались в нижней трети (из 32 стран ОЭСР) по каждому из тестов PISA (Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся). Россия — это 2 проц. населения мира и 6 проц. общемирового числа выпускников вузов, не говоря уже о большой доле ученых и инженеров, но из общего числа патентов, выданных в США, на долю России приходится лишь 0,1 процента. С учетом дохода на душу населения, Россия должна была бы подавать втрое больше патентных заявок.

Обращает на себя внимание тот факт, что, хотя число россиян с высшим образованием весьма велико, эта группа населения демонстрирует удручающе низкую производительность труда. За исключением сектора природных ресурсов, в котором занято лишь 2 проц. рабочей силы страны, производительность труда в России намного ниже, чем в странах G8 и ОЭСР. Разрыв между производительностью труда в секторе природных ресурсов и в несырьевых секторах и сфере услуг в России гораздо больше, чем в других странах — экспортерах ресурсов, таких как Канада или Австралия. Выручка от экспорта на одного работника в несырьевом секторе России в 2002 году составила около 1000 дол. США; эта цифра сопоставима с аналогичным показателем Бразилии — страны, в которой 10 проц. неграмотных, а начальную школу заканчивают всего 50 проц. жителей. Эберштадт полагает, что низкая производительность труда россиян отчасти объясняется плохим общим состоянием здоровья и повышенной смертностью — факторами, которые трудно преодолеть в короткие сроки. Но в

значительной мере это связано также со слабостью институтов и низким качеством государственного управления, которые можно было бы изменить гораздо быстрее. Уровень коррупции, экономическая открытость, деловой климат, прозрачность и предсказуемость институтов — все играет свою роль. Кроме того, как показывают глобальные рейтинги, для того чтобы соответствовать потребностям инновационной экономики, сама система образования должна работать лучше.

Мировые рейтинги

Хотя к университетским рейтингам часто относятся скептически, они тем не менее широко используются. В Америке, где стоимость высшего образования растет, вдвое обгоняя уровень инфляции, все больше и больше семей хотят знать, за что они платят. Руководители университетов подвергают сомнению обоснованность рейтинга американских вузов, который ежегодно публикует журнал *U.S. News and World Report*, но при этом крайне внимательно следят за его показателями. В настоящее время существует несколько крупных глобальных систем оценки вузов, и каждая из них основана на собственной методике¹⁸.

Наверное, самый известный международный рейтинг — тот, что публикуется в *Times Higher Education Supplement*. По этим данным, в 2009 году среди 200 лучших вузов мира оказались 6 из континентального Китая и 5 из Гонконга. В сотню лучших попали 2 из континентального Китая: Университет Цинхуа оказался на 49-м месте, а Пекинский университет — на 52-м (еще один китайский университет — на 103-м месте). Среди 50 лучших вузов три гонконгских. Но даже среди первых 150 вузов нет ни одного российского. Московский государственный университет на 155-м месте, а Санкт-Петербургский государственный университет на 168-м, и больше

в первые две сотни не попал ни один российский университет.

Что касается рейтингов в конкретных областях, по данным, опубликованным в *Times Higher Education Supplement*, среди 50 лучших в области инженерного дела и информационных технологий присутствует два китайских университета (Университет Цинхуа и Пекинский); 3 китайских вуза оказались среди 50 лучших в естественных науках: Пекинский университет (19-е место), Университет Цинхуа (30-е место) и Научно-технический университет Китая (50-е место).

китайских вузов по этой шкале в число 200 лучших не попал ни один, что можно объяснить либо просто китайской вежливостью, либо желанием использовать рейтинги для получения дополнительного финансирования от правительства. В этом шанхайском списке в промежутке с 200-го по 500-е место значатся 16 вузов из континентального Китая и 5 из Гонконга. Из российских вузов, кроме указанного, среди лучших 500 больше нет ни одного.

Согласно испанской шкале оценок *Webometrics*²¹, среди 58 стран мира Китай

“Одним из ответов России на низкие показатели в международных рейтингах университетов стала разработка собственной альтернативной системы оценок”.

В сфере общественных наук в числе первых 50 оказалось 4 китайских вуза (Пекинский университет, Университет Гонконга, Университет Фудань и Университет Цинхуа). Из российских вузов во всех этих списках фигурирует лишь Московский университет (на 30 месте в области естественных наук).

Еще одна британская система — мировой рейтинг университетов *Quacquarelli Symonds (QS)* — учитывает, в частности, репутацию учебного заведения и наличие иностранных студентов и преподавателей¹⁹. По этой шкале в 2009 году в первую сотню попали два института из материкового Китая и три из Гонконга. Еще четыре вуза с материка и два из Гонконга присутствуют во второй сотне. Среди лучших 600 — китайских вузов тринадцать, а российских всего шесть. Среди лучших 100 российских не оказалось вовсе. МГУ занимает 101-е место, а Санкт-Петербургский университет — 168-е.

Академический рейтинг университетов мира (*ARWU*) Шанхайского университета Цзяо Тун²⁰ оказался благосклоннее к Москве, поставив МГУ на 77-е место в 2009 году. Из

занимает 23-е место (наравне с Мексикой), а Россия 34-е (наравне с Эстонией).

Единственный российский вуз из числа лучших 500 — это МГУ (226-е место). Среди лучших 200 вузов — один китайский (Пекинский университет), а среди лучших 500 — пять китайских.

Одним из ответов России на такие низкие показатели стала разработка альтернативной системы оценок, которая (что неудивительно) более благосклонна к российским вузам²². Подобно тому, как все чаще происходит и в других областях, в данном случае российский подход сводится к тому, чтобы предложить свои собственные критерии и тем самым избежать трудной работы, направленной на достижение международных стандартов. Вместо того чтобы эффективно встраиваться в систему международных экономических отношений, президенты Путин и Медведев предложили сделать Россию альтернативным глобальным финансовым центром, с рублем в качестве резервной валюты. Недовольные тем, как оценивается Россия в Давосе с точки зрения политических и эконо-

мических показателей, российские специалисты предложили свои собственные критерии, в том числе «индекс государственности» (*«stateness»*)²³.

Российские рейтинги в сфере высшего образования учитывают, в частности, такие критерии, как масштаб вуза и число специальностей. По этой шкале МГУ и СПбГУ входят в первую сотню, два других российских вуза — во вторую сотню, еще три — в третью сотню, и 45 — в последнюю группу (места с 301-го по 430-е). Получается, что из 430 лучших вузов мира 52 российских (то есть 12 процентов)²⁴.

Россияне не одиноки в попытках альтернативного ранжирования на основе критериев, позволяющих более высоко оценить их собственные образовательные учреждения. Французы делают то же самое, и даже более вызывающе. Профессиональный рейтинг университетов мира, составляемый Высшей национальной школой горного дела Парижского технологического института, учитывает число выпускников, занимающих высокие должности в компаниях из списка *Fortune* 500. По этой шкале французские вузы занимают два места в первой десятке и пять — в первой двадцатке²⁵. Китай в этом французском списке занимает шестое место вместе с Бельгией, Канадой и Испанией, а Россия находится на двадцатом — ниже ЮАР, но выше Австралии. Санкт-Петербургский университет экономики и финансов и Тюменской государственный нефтегазовый университет располагаются на 89-м месте (наряду со 119 другими образовательными учреждениями). В число 135 вузов, занимающих 216-е место, входят Бугурусланский нефтяной колледж, Омский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Уфимский государственный нефтяной технический университет. МГУ вообще не попал в данный ранговый список, и это дает основания полагать, что французская рейтинговая система

не позволяет объективно оценить качество университета в целом, но может быть полезным индикатором того, насколько успешно российские вузы готовят своих выпускников для работы в глобальном бизнесе.

«Циркуляция мозгов»

Создание университетов мирового класса невозможно без привлечения лучших студентов и преподавателей из разных государств мира, включая соотечественников, которые, получив опыт обучения и работы за рубежом, возвращаются в свои родные страны. Нет более яркого свидетельства различий в подходе китайцев и россиян к проблемам интернационализации, чем несходство как в оценках «утечки мозгов» и в реакции на нее, так и в том, что касается интеграции кадров, обучавшихся за границей, в свою национальную систему образования. Дэн Сяопин, признавая, что не все студенты и ученые, уехавшие за границу, вернутся в Китай, постоянно недооценивал величину потенциальных потерь, но всегда утверждал, что это цена, которую страна должна заплатить за интеграцию в мировое научное и экономическое сообщество²⁶. В России же очень трудно преодолеть убеждение, будто те, кто уехал, изменили тем самым родине, которая оплачивала их обучение²⁷.

Ни в той, ни в другой стране точно не знают, сколько студентов и ученых уехало, и оценки здесь сильно расходятся. Но по имеющимся данным, в китайских вузах учатся больше иностранных студентов, нежели в российских, и больше китайских студентов, уехавших за границу, возвращается назад. Китай также с большим успехом убеждает специалистов, живущих за границей, вернуться работать на родину. В результате эта страна на данный момент более глубоко интегрирована в мировое научное сообщество.

В настоящее время Китай отправляет за границу больше студентов, чем любая

другая страна мира. Оценки разнятся, но большинство аналитиков полагают, что общее их число с 1978 года превысило 1 млн человек²⁸. В 2010-м за границей обучается примерно 320 тыс. китайских студентов, 80 проц. которых выразили желание вернуться в Китай на работу, в большинстве случаев — в технологический сектор²⁹. Конечно, отчасти это просто следствие огромной численности населения Китая, но без открытости и качества образования достичь таких показателей было бы невозможно. Китайские студенты должны быть достаточно талантливы, чтобы конкурировать если не за финансирование, то, по крайней мере, за платное место в университете.

Меньше внимания обращают на то, что в Китае обучается более 200 тыс. иностранных студентов. Это значительно больше, чем в России, где 40 проц. от общей цифры 90 тыс. иностранных студентов — граждане бывших советских республик (почти половина их из Казахстана), а еще 40 проц. — из Азии (из них более 1/3 из Китая). Китай же привлекает все больше студентов из промышленно развитых государств. В первую пятерку стран, посылающих своих студентов в Китай, входят Южная Корея, Япония, США, Вьетнам и Таиланд. В целом Китай принимает около 5 проц. всех иностранных студентов в мире, а Россия — около 2 процентов³⁰.

Около 3/4 иностранных студентов в России платят за учебу, но это не приносит стране значительных доходов. Например, вузы США и Великобритании ежегодно зарабатывают на иностранных студентах около 24 млрд дол., Китай — примерно 1 млрд дол., России же это приносит приблизительно 500 млн дол., то есть вдвое меньше, чем Китаю³¹. Студенты из Европы и США, обучающиеся в России, в подавляющем большинстве выбирают в качестве специальности русский язык и литературу. Мало кто отдает предпочтение естественным наукам и техническим

дисциплинам. Но возможно, с точки зрения качества приобретаемого знания важнее то, что 2/3 иностранцев, обучающихся в российских университетах, — это студенты, как правило не участвующие в научных исследованиях. А в США почти половина иностранных студентов — магистранты и аспиранты, в основном из Китая и Индии. Многие из них остаются потом на временных докторских вакансиях (*post-doc*), и среди них китайцы и индийцы тоже составляют большинство³².

В 2008 году китайское правительство объявило об увеличении финансовой помощи иностранным студентам в Китае, в результате чего число иностранцев, получающих стипендии, достигло 20 тыс., а размер стипендий повысился до 200 дол. в месяц. Объявляя об этом решении, генеральный секретарь Китайского государственного совета по стипендиям для иностранных студентов Лю Цзинхуэй прямо заявил, что присутствие иностранных студентов «поможет китайским университетам стать более интернациональными». Чтобы увеличить число иностранных студентов (планируемая цифра — 500 тыс. к 2020-му), некоторые китайские университеты предлагают обучение на английском языке³³. Программа китайского правительства по привлечению иностранных студентов и содействию интернационализации предусматривает использование сложных современных показателей для оценки степени интернационализации китайских университетов, и величина этих показателей влияет на их финансирование³⁴.

Этот комплекс мер китайского правительства и отдельных вузов, имеющий целью поощрение репатриации, резко контрастирует с полным провалом российской программы, предназначенной стимулировать возвращение «соотечественников» в Россию³⁵. Китайские вузы, научно-исследовательские институты и муниципальные власти активно нанимают китайцев, получивших образова-

ние за рубежом. Правительство отказалось от строгих правил распределения на работу и позволяет репатриантам самим выбирать место работы. Вернувшимся ученым предоставляются специальные гранты, порой весьма значительные, и их также поощряют конкурировать за дополнительное финансирование исследований по программам, подлежащим обязательной экспертной оценке. Китайцам, получившим гражданство в других странах, оказывается визовая поддержка или предоставляется особый статус. Приехавших

единило проект «Чеюнь Конг» с двумя другими. Программа «Поддержка выдающихся талантов в новом столетии» ежегодно выявляет тысячу ученых, способных стать лидерами в науке и технике. Программа подготовки молодых преподавателей ежегодно находит 10 тыс. человек, способных стать преподавателями и исследователями в области естественных или гуманитарных наук.

- В 1994 году Академия наук Китая (АНК) разработала программу «Сто талантов»

“Около 81 проц. членов Академии наук Китая и 54 проц. членов Академии инженерных наук — это ученые, вернувшиеся из-за рубежа”.

обеспечивают достойным жильем и оказывают помощь в поисках работы для их супругов или супругов. Принимаются специальные меры, чтобы обеспечить обучение в школах детей репатриантов, в том числе китайскому языку, если они им не владеют ³⁶.

Вот некоторые крупные программы китайского правительства ³⁷:

- Программа «Чеюнь Конг», учрежденная в 1998 году Министерством образования и Фондом Ли Кашина, предоставляет гранты в размере до 1 млн юаней (120 тыс. дол.) для привлечения в китайские вузы выдающихся ученых, преподавателей и приглашенных профессоров (которым разрешается работать в Китае 3—4 месяца в году). В рамках этой программы удалось найти более тысячи преподавателей, главным образом из-за рубежа. В настоящее время министерство ежегодно выбирает 200 ученых и 60 инновационных коллективов. Аналоги программы «Чеюнь Конг» появились и на провинциальном, а также муниципальном уровне.
- В 2004-м в рамках программ «Большие таланты» Министерство образования объ-

по привлечению ученых в возрасте до 45 лет. Она предусматривает выделение в течение трех лет около 240 тыс. дол. на каждого, в том числе на поддержку исследований, субсидирование жилья и высокой заработной платы. С 1998-го программа «Сто талантов» объединена с академической программой «Знания — инновации — инициативы». К 2004 году в рамках этой программы помощь получили 899 человек, из которых 392 имели иностранные ученые степени, а 778 — опыт работы за рубежом. Эти программы позволяют китайской Академии наук еще теснее интегрироваться с мировой наукой. Около 81 проц. членов АНК и 54 проц. членов Академии инженерных наук — это ученые, вернувшиеся из-за рубежа. Во главе большинства (72 проц.) важнейших научно-исследовательских проектов стоят также «возвращенцы» ³⁸.

- Национальный фонд естественных наук (китайский эквивалент американского Национального научного фонда — NSF, основанного в 1986-м) учредил в 1994 году Национальный научный фонд для

выдающихся молодых ученых. Объемы финансирования по этой программе все время увеличиваются. В течение первых десяти лет своего существования фонд помог более чем тысяче молодых ученых. Среди получателей субсидий около 1/3 составляли обладатели иностранных ученых степеней, и почти половина имела опыт работы за рубежом. В XI пятилетнем плане (2006–2010) намечено ежегодно присуждать 190 премий.

Несмотря на недовольство «сухопутных черепах» — тех, кто предпочитает оставаться дома, китайские вузы и научно-

сколько число особо ценных специалистов. Очень немногие из них становятся таковыми уже после одного-двух лет работы в зарубежных институтах. Опыт Японии показывает, что молодые японские ученые, как правило, проводят за пределами своей страны всего год или два в качестве докторантов. Когда эти молодые специалисты возвращаются в Японию, они в большинстве своем продолжают работать в качестве докторантов или молодых специалистов. В отличие от них, многие южнокорейские и тайваньские ученые, в том числе обучающиеся в Америке, работают за границей более десяти лет.

“Через десять лет после Тяньаньмэнь китайцы сумели использовать **обилие талантов, имевших десятилетний, а то и двадцатилетний опыт работы за границей”.**

исследовательские институты продолжают ежегодно привлекать тысячи репатриантов — «морских черепах». Некоторые из них действительно вносят существенный научный вклад. Понимая, что крупные специалисты китайского происхождения едва ли захотят отказаться от своих должностей в ведущих институтах в других странах, китайские университеты позволяют таким «совместителям», или, как их называют китайцы, «ласточкам», работать в КНР по полгода, сохраняя свои должности за рубежом. Вместо того чтобы обвинять их в нелояльности, китайские власти предпочли рассматривать таких ученых как ценный механизм, укрепляющий научные контакты и повышающий степень международной циркуляции талантов.

Из более чем одного миллиона китайцев, обучавшихся или занимавшихся исследованиями за рубежом, вернулось примерно от четверти до трети. По иронии судьбы, Китай выиграл от того, что с опозданием обратился к решению проблемы «утечки мозгов». И не столь важно общее число «возвращенцев»,

Не все из них возвращаются на родину, но те, кто вернулся, готовы возглавлять лаборатории, работать главными инженерами или открыть собственное дело. Длительная работа в крупных научно-технических центрах позволяет не только накопить опыт собственно научной работы, но и приобрести необходимые управленческие навыки и деловые качества, а также наладить международные связи с коллегами³⁹.

«Утечка мозгов» в 1980-х в Китае была не столь уж велика. Однако после событий на площади Тяньаньмэнь американцы смягчили визовый режим и позволили китайским студентам оставаться в США как раз в то время, когда многие талантливые молодые китайцы стремились покинуть Китай. Через десять лет после Тяньаньмэнь, с развитием китайской экономики и с принятием правительством более целенаправленных программ поощрения репатриации, китайцы сумели использовать обилие талантов, имевших десятилетний, а то и двадцатилетний опыт работы за границей⁴⁰.

У России тоже есть аналогичный контингент талантливых людей, которые, покинув свою страну в 1980-х и 1990-х, приобрели бесценный международный опыт. Чтобы использовать эту массу талантливых эмигрантов, необходимо найти способы убедить их вернуться обратно в Россию. И в этом отношении в Китае накоплен ценнейший опыт — как положительный, так и отрицательный. Привилегии, предоставляемые репатриантам, вызывают недовольство тех, кто никуда не уезжал, и это может дезориентировать молодых исследователей, побуждая их уезжать за границу, чтобы повысить свою «рыночную стоимость». Кроме того, среди репатриантов есть и те, кто не сумел сделать карьеру за рубежом. И самое важное: китайские ученые, инженеры и предприниматели высшего уровня не проявляют особого желания возвращаться на работу в Китай. В этом случае задача состоит в том, чтобы найти альтернативные пути их вовлечения в систему китайской науки, так чтобы их коллеги, работающие в Китае, могли извлечь пользу из их опыта. Китай столкнулся со всеми трудностями, из-за которых провалились российские программы привлечения соотечественников: скептицизм эмигрантов, которые не верили в серьезность намерений правительства, обиды тех, кто остался «верным» родине, отсутствие жилья, бюрократические препоны, неоднозначность применяемых правил и т. п.

Наиболее важные факторы успеха Китая — это правильные стимулы и конкуренция. Руководство страны, поддерживаемое коалицией ориентированных на инновации исследователей и преподавателей, а также предпринимателей и инвесторов, изменило структуру стимулов таким образом, чтобы двигаться в сторону интернационализации. Китай заключил соглашения о взаимном признании дипломов и ученых степеней с 34 странами ⁴¹. Важнейшими критериями при

отборе образовательных учреждений для присвоения им статуса элитных и обеспечения приоритетного финансирования стали число преподавателей с зарубежными степенями и число публикаций в международных реферируемых журналах. Бессрочные контракты заключаются гораздо реже, и широко распространенной становится норма трех публикаций в год в тех же реферируемых журналах ⁴². Изменившаяся структура стимулов побуждает этнических китайцев возвращаться на родину, чтобы преподавать и вести там исследования.

Новые стимулы порождают конкуренцию между вузами, местными органами власти и чиновниками в сфере привлечения репатриантов и продвижения интернационализации. При китайском Министерстве образования существует целая сеть организаций, поощряющих интернационализацию и отбор китайских талантов. Посольства и консульства Китая тоже активно вербуют талантливых выпускников зарубежных университетов. И китайские города заняты наймом и организацией «сервисных центров» для содействия репатриантам. Создаются также докторантские центры, направляющие исследователей-репатриантов в подходящие вузы и другие учреждения ⁴³. Конкуренция постоянно активизирует творческий поиск, предлагая соответствующие стимулы, и в результате начинает решаться самая сложная проблема в деле привлечения репатриантов — меняется общая атмосфера ⁴⁴.

В отличие от широкомасштабных изменений в Китае, в недавних российских дискуссиях вокруг приглашения иностранных специалистов для участия в преподавании и научных исследованиях речь шла прежде всего о визовых правилах ⁴⁵. Отмена квот, смягчение требований, разрешение на более длительное пребывание и работу в России — это, несомненно, позитивные шаги (при условии, что российские чиновники удо-

сужаются блюсти букву и дух новых правил). Но визовое регулирование, правила регистрации и найма иностранных специалистов на работу — это только начало. Необходимо коренным образом изменить структуру стимулов и соответствующий психологический климат в вузах. Академический персонал в подавляющем большинстве и практически в любом университете мира предпочитает, чтобы все оставалось, как есть. И уж конечно, «местные» сотрудники не желают никакой конкуренции со стороны своих зарубежных коллег. И нужно

Помимо вовлечения российских вузов в научно-исследовательские проекты, связанные с центром «Сколково» (см. ниже), Министерство образования и науки РФ объявило конкурс, открытый и для зарубежных исследователей, с целью привлечь 80 ведущих ученых в университеты России. В 2010–2012 годах правительство собирается выделить на эту программу 12 млрд руб. с возможным продлением финансирования еще на два года. Любой новый проект такого масштаба конечно же обладает определенным потенциалом, однако сжатость пред-

“Вузовские преподаватели, которым угрожает перспектива конкуренции со стороны «пришлых», не горят желанием бороться за изменение сложившейся системы”.

сказать, нынешняя практика поддерживает их консерватизм. Многие вузы поощряют исследователей за публикацию работ в собственных институтских трудах или других «домашних» изданиях, а не в международных реферируемых журналах. Российские вузы не признают иностранные ученые степени без соответствующей проверки на индивидуальной основе. Это существенно ограничивает число иностранцев, преподающих в российских вузах, и длительность их работы. Процесс аттестации вузов включает в себя подсчет числа преподавателей с кандидатской и с докторской степенями; в то же время прием преподавателей с зарубежными степенями, даже если их уровень признается достаточным для преподавания, никак не учитывается. И нынешний контингент вузовских преподавателей, которым угрожает перспектива конкуренции со стороны «пришлых», не горит желанием бороться за изменение сложившейся системы⁴⁶. Тут мог бы сыграть свою положительную роль Болонский процесс, но он все еще встречает сильное сопротивление в России⁴⁷.

писанных сроков его реализации вызывает серьезные опасения. Планы участия в данном конкурсе должны быть официально обнародованы в начале июля, предложения представлены в течение шести недель, решения приняты уже в сентябре, а финансирование на 2010-й победители начнут получать в ноябре⁴⁸. Это очень напоминает бюрократическую кампанию в советском стиле. График слишком сжатый, и, скорее всего, мало кто из выдающихся зарубежных ученых будет готов в такой короткий срок представить предложения, предполагающие весьма резкие изменения в профессиональной жизни заинтересованных лиц. Вероятнее всего, на конкурсе будут доминировать ученые из Российской академии наук — тем самым, продвигая интеграцию вузов с академической наукой, этот конкурс вряд ли поспособствует интернационализации. Приоритетный национальный проект в области образования тоже страдает от ускоренного темпа, диктуемого слишком жесткими бюджетными циклами. В некоторых случаях единственный законный способ своевременно испол-

зовать выделенные средства — это отправить всех преподавателей в командировки! Более гибкая система финансирования значительно повысила бы шансы на успех всего предприятия.

Для большинства стран система образования, производящая талантливых ученых и инженеров, не является самоцелью. Чтобы страна не оставалась простым донором для глобального пула талантов, выпускники вузов должны вливаться в национальную систему НИОКР. Но для этого все в большей степени требуется интеграция в международную научную, техническую и предпринимательскую среду.

Интернационализация, инновации и институты

Самый желанный приз в борьбе за научные таланты — это стать местом, где творческие люди хотят работать. Такие инновационные кластеры, как Силиконовая долина, Бангалор, Чжунгуаньцунь, Гренобль или Милан, становятся самовоспроизводящимися, поскольку талантливые люди устремляются сюда, чтобы работать вместе с лучшими умами в своих областях. Хотя Сталину в ходе Великой Отечественной войны удалось создать нечто подобное («шарашки») ⁴⁹, использование грубого принуждения сильно ограничивает возможности подбора кадров. Создание технологических и инновационных центров требует времени, и качество жизни в них не менее важно для успеха, чем финансирование исследований ⁵⁰. Исследователи из-за рубежа, скорее всего, не поедут туда, где пока не видно значительной концентрации местных талантов. А чтобы она возникла, необходимо сформировать сообщество местных ученых с международным опытом и связями. Увы, и в преодолении административных барьеров на пути привлечения иностранных специалистов для преподавания в университетах, и в борьбе с

бюрократами за открытость инновациям российский подход оказался менее успешным, нежели китайский.

Из всех стран только в Китае и на Тайване центры высоких технологий находятся в столице или вблизи нее. Центром высоких технологий в Китае является Чжунгуаньцунь. Многие аналитики сомневались, что Китай сможет создать конкурентоспособный ИТ-центр, и мало кто при определении места для него называл Пекин: Шанхай, Гуандун и Сиань в провинции Шэньси казались более привлекательными. Ключевую роль в успехе этого проекта сыграла, как ни странно, слабость местных властей в Пекине: не имея полномочий для вмешательства и контроля над проектом, они стали искать способы содействовать развитию высокотехнологичного бизнеса на базе имевшегося научно-технического сообщества. Для этого зачастую приходилось как-то обходить существующие правила, а то и вовсе пренебрегать ими. В Китае Дэн Сяопина важнее было «ловить мышей», нежели подчиняться букве закона. Работа местных властей оценивалась в зависимости от улучшений в местной экономике. Со временем бизнес- и научно-техническое сообщества в Чжунгуаньцуне стали оказывать заметное влияние на политику китайского правительства, поддерживая и развивая интернационализацию ⁵¹.

Будучи огромной страной со многими крупными предприятиями, Китай находился не в самом выгодном положении с точки зрения развития ИТ-отрасли. Небольшим странам (Тайвань, Израиль) в этом отношении проще, так как малым предпринимателям, создающим инновационные компании, труднее укорениться в экономике, в которой доминируют крупные корпорации (типа японских «кейретцу» или южнокорейских «чеболей») ⁵². Этим во многом объясняется, почему Шанхай, в котором главенствуют крупные государственные предприятия, не

стал ИТ-столицей Китая. Ни одна страна до сих пор не преуспела в организации сверху вниз отрасли с преобладанием мелких инновационных фирм, венчурного капитала, с высокой концентрацией творческих личностей и с короткими, иногда всего девять месяцев, жизненными циклами продуктов⁵³.

Несмотря на все трудности, создание российской Силиконовой долины в Сколково остается в 2010 году одним из приоритетных проектов. В конце 2009-го президент Медведев поручил разработку этого проекта специальной рабочей группе. В интервью от 15 февраля 2010 года Владислав Сурков представил основную концепцию проекта. Он сказал, что в России уже имеются все основные компоненты, позволяющие достичь успеха, но проблемой является отсутствие спроса: «Во всем мире спрос на инновации определяется государством и крупными корпорациями... Мы должны начать с формирования спроса, с заказа»⁵⁴. (Похоже, что из этой формулы потребители вообще выпали.) Сурков добавил также, что нововведения разрабатываются крупными корпорациями в соответствии с государственным заказом. Для большинства экспертов это станет откровением. Аркадий Дворкович, рассказывая о проекте, выглядит более информированным, но официально за проект отвечает Сурков. И у президента, и у премьер-министра есть свои собственные группы, занимающиеся построением в России инновационной экономики. Это, с одной стороны, может свидетельствовать о важности данного проекта, а с другой — означать, что те, кто извлекают выгоду из экспорта сырья, хотели бы задушить инновационную программу в своих медвежьих объятиях.

Ныне представители российской власти регулярно посещают то Массачусетский технологический институт, то Стэнфорд, то Силиконовую долину, а группы зарубежных научных администраторов, ученых и

собственников венчурных фирм приезжают в Россию для обсуждения возможностей сотрудничества. О первом совместном проекте было объявлено в июне 2010-го. Проблемам Сколково было уделено много внимания и на Санкт-Петербургском экономическом форуме в июне этого года, но о результатах говорить пока рано.

Однако даже если вопреки мировому опыту все цели проекта «Сколково» будут достигнуты, это мало повлияет на остальную Россию. Перемены в анклавах не меняют общество в целом⁵⁵. В лучшем случае Сколково будет напоминать «Немецкую слободу» времен Петра Великого. В Китае десятки малых предприятий в Чжунгуаньцуне и других технологических центрах требовали изменить правила, не позволявшие им развиваться. Коалиции предпринимателей, ученых, инвесторов и чиновников поначалу стремились добиться особых привилегий, но с течением времени они стали вместо этого лоббировать изменение правил, что делает целые отрасли китайской экономики более динамичными и способствует интернационализации образования и научных исследований⁵⁶.

Заключение

Почему России не удалось сохранить и нарастить инфраструктуру в сфере научных исследований и образования, доставшуюся ей в наследство от СССР, а Китай, менее богатая страна, стартовавшая с более низкого уровня, в настоящее время занимает в международных реферируемых научных изданиях второе место в мире? Заслуживают внимания, по меньшей мере, восемь возможных объяснений:

- Может быть, уровень российского/советского образования и науки изначально был не так уж высок? Советские достижения в области науки и образования часто завышаются, но, как бы то ни было,

в России в 1992-м уровень образованности населения был намного выше, а база НИОКР намного мощнее, чем в Китае в 1976 году. Как ни странно, именно сильные стартовые позиции России затруднили для нее обучение и адаптацию. После ухода Мао руководство Китая приступило к реформам в тот самый момент, когда научные, образовательные и профессиональные элиты страны были деморализованы «культурной революцией». В СССР же перестройка началась в то время, когда советские ученые все еще находились под

Китае, тем не менее Китай тратит больше денег на каждого учащегося и выделяет на исследования большую долю своего ВВП.

- Возможно, тормозом развития общественных благ является так называемое «проклятие ресурсов»? Но Норвегии, Австралии и Канаде удалось создать эффективные наукоемкие отрасли, несмотря на их сильную зависимость от доходов, получаемых благодаря эксплуатации природных ресурсов. Несырьевой сектор экономики России гораздо менее продуктивен, нежели можно было бы ожидать

**“Ни одна страна до сих пор не преуспела в организации сверху
вниз отрасли с преобладанием мелких инновационных фирм
и концентрацией творческих личностей”.**

впечатлением от запуска первого искусственного спутника Земли и были убеждены, что их научно-исследовательские и учебные институты среди лучших в мире. И этот «спутниковый менталитет» по-прежнему сохраняется, несмотря на низкие позиции российской науки и образования в международных рейтингах.

- А не в деньгах ли все дело? Нельзя забывать об экономическом кризисе 1988–1998 годов в России, который вынудил многих талантливых людей покинуть страну или сменить профессию. Однако в 1920-е, несмотря на экономические трудности, советской власти удалось вернуть в Россию ведущих ученых, предложив им серьезную помощь в проведении исследований. Такие выдающиеся ученые, как Вернадский и Павлов, приехали обратно в Россию, потому что правительство обеспечило им такие возможности для создания научно-исследовательских центров, которых не смогла предложить ни одна европейская страна⁵⁷. ВВП на душу населения в России вчетверо больше, чем в

исходя из размеров ее человеческого капитала, и это большой неиспользованный ресурс для развития.

- А что, если проблемы возникли вследствие приватизации? С этим согласились бы многие. Однако успехи Китая в информационных технологиях и в других областях в значительной мере связаны с деятельностью негосударственных предприятий. Дело не в приватизации, а в том, что в экономике доминируют крупные государственные корпорации, которые противодействуют инновациям.

- Может, дело все же в политике? Россия медлит с разработкой перспективных программ по набору иностранных специалистов, но, похоже, сопротивление общественности программам возвращения соотечественников или Болонскому процессу тормозит дело не меньше, чем сама политика. В Китае меры по изменению структуры стимулов, предназначенных преодолеть сопротивление интернационализации, были гораздо эффективнее.

• Многие комментаторы в России кивают на российский менталитет. Они правы в том, что значительное число россиян настороженно относится к глобализации и предпочитает «традиционные» способы ведения дел, и в этом россияне не уникальны. Но в случае с Россией нормальная человеческая склонность к сопротивлению переменам, нарушающим заведенный порядок, подкрепляется мощными личными и институциональными интересами. Государственная бюрократия препятствует реализации стратегий, которые способны подорвать ее возможности контролировать ситуацию и получать ренту. Чиновники из Российской академии наук противятся политике, ограничивающей их самовластный контроль над ресурсами и их прерогативу принимать решения в области научных исследований. Администрация вузов пытается не допустить конкуренции за рабочие места со стороны иностранцев и предпринимает усилия удержать у себя своих собственных выпускников.

• Многие россияне объясняют успехи Китая принятием государственных программ, проводимых в жизнь просвещенным авторитарным руководством. Нарратив «развитие под управлением однопартийного государства» служит обоснованию «суверенной демократии». Коммунистическая партия Китая не видит причин оспаривать такое объяснение, так как достигнутые успехи упрочивают ее легитимность. Но подъем Китая — это не история успехов, достигнутых под государственным управлением; это и не случай «восточноазиатского» развития на основе политики, стимулирующей промышленный прогресс. Скорее, Китай преуспел именно в тех областях, где государство *частично* потеряло контроль, и там, где конкуренция стала особенно острой⁵⁸. Государственные пред-

приятия не были лидерами в развитии высоких технологий.

• Неудачи российской политики свидетельствуют о ее институциональной слабости. Российские институции работают плохо чаще всего из-за корыстных побуждений работников, а в формировании общественных сил, способных бороться с институциональными дефектами, русские преуспели меньше, чем китайцы. Один из самых разрушительных институциональных пороков в российском образовании — это коррупция. Собранные фондом ИНДЕМ данные о суммах, которые россияне тратят на репетиторов, взятки и дополнительные поборы при сдаче экзаменов, при первой их публикации вызвали горячую полемику⁵⁹. Однако недавно эти данные были подтверждены высшими официальными лицами в системе российского образования⁶⁰.

Институциональные объяснения выглядят наиболее убедительно. И это обнадеживает. Институциональные проблемы решаемы. Это нелегкий труд, на это потребуется время, и лидеры-реформаторы должны помочь преодолеть бюрократическое сопротивление и глубоко укоренившиеся корыстные интересы. Если дело действительно в институтах, то опыт Китая и других стран позволяет надеяться, что изменение структуры стимулов и развитие конкуренции обеспечат успех и россиянам.

Ситуация в России одновременно и лучше, и хуже, чем в Китае. Она хуже, потому что Россия впустую потратила уже два десятилетия, рыночные реформы дискредитированы теми, кто их проводил, многие талантливые люди уже никогда не вернутся домой, а укоренившиеся корыстные интересы противодействуют подлинной интернационализации и конкуренции. Тем не менее в некоторых отношениях ситуация в России лучше, чем десять лет назад. В таких областях, как мате-

матика и теоретическая физика, в которых российская наука традиционно сильна, Россия сохраняет свою высокую репутацию. Несмотря на экономический кризис, правительство ныне тратит больше средств на образование и науку. Молодые российские ученые более мобильны внутри страны и более открыты для международных контактов и сотрудничества⁶¹. Ситуация лучше также и потому, что решения очевидны, даже если политически они сложны.

В своем стремлении успешно участвовать в глобальной гонке инноваций со все большим числом участников Китай и Россия сталкиваются с огромными проблемами, которые у них и сходны, и несходны. Китай должен продолжать свою нелегкую работу среди соотечественников, возвращать которых становится все труднее, и должен вместе с тем не впасть в искушение вернуться к националистическому подходу (вместо интернационального). И ему

необходимо допустить большую интеллектуальную и информационную свободу, что может поставить под угрозу политическую монополию КПК. Россия должна проделать то же самое, но для того, чтобы только приступить к решению этой проблемы, ей прежде необходимо улучшить функционирование институтов, создав механизмы стимулирования, которые изменили бы поведение академической и бюрократической элиты. Китаю успех достался нелегко, и во многом он обязан тому, что удалось создать своего рода коалицию науки, образования, местной власти и бизнеса, поддерживающей и все более влияющей на реформы и реформаторов высшего уровня. Для изменения деформированных систем стимулирования и преодоления укоренившихся корыстных интересов России потребуются аналогичная коалиция сторонников интернационализации и инноваций. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ О современном подходе к данной проблеме см.: *Wildavsky B. The Great Brain Race: How Global Universities are Reshaping the World*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2010; *Salmi J. The Challenge of Establishing World-Class Universities*. Wash. DC: IBRD/World Bank, 2009.

² *The International Mobility of Talent: Types, Causes, and Development Impact* / A. Solimano (ed.). Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2008 (UNU-Wider Studies in Development Economics); *Mayr K., Peri G. Return Migration as a Channel of Brain Gain* // NBER Working Paper 14039. Cambridge MA. May 2008.

³ *Gustafson Th. Why Doesn't Soviet Science Do Better than it Does?* // *The Social Context of Soviet Science* / L. Lubrano, S. G. Solomon (eds). Boulder CO: Westview Press, 1980; *Balzer H. Soviet Science on the Edge of Reform*. Boulder CO: Westview Press, 1989.

⁴ *Клячко Т. Высшее образование — выше некуда* // <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/tema04.php>

⁵ Российский статистический ежегодник 2009.

⁶ *Yao Li, John Whalley, Shunming Zhang, Xiliang Zhao. The Higher Education Transformation in China and Its Global Implications*. Waterloo, Ontario, Canada: Centre for International Governance Innovation. Policy Brief No. 3. 2008. June. P. 26.

⁷ *Yu Zhou. The Inside Story of China's High-Tech Industry: Making Silicon Valley in Beijing*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2008; *Segal A. Digital Dragon: High-Technology Enterprises in China*. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2003.

⁸ *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2010. № 3 (апр.). С. 8. Сначала были выбраны два вуза — МИСиС и МИФИ — в качестве «пилотных проектов». Затем были отобраны еще 27 вузов в результате двух конкурсов, так что общее число вузов-флагманов достигло 29-ти.

⁹ <http://english.ruvr.ru/2010/04/08/6169390.html>

¹⁰ *Salmi J. Op. cit.* P. 49.

¹¹ *Kortunov A. Russian Higher Education* // *Social Research*. 2009. Vol. 76. No. 1. Spring. P. 213–214.

- ¹² *Simon D. F., Cong Cao.* China's Emerging Technological Edge: Assessing the Role of High-End Talent. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 2009; *Yao Li et al.* The Higher Education Transformation in China...
- ¹³ *Eberstadt N.* Russia's Peacetime Demographic Crisis: Dimensions, Causes, Implications. Seattle WA: National Bureau of Asian Research, May 2010. Анализ, приведенный здесь, заимствован из гл. 8 препринта указанной работы.
- ¹⁴ World Intellectual Property Organization (WIPO). World Patent Report 2008.
- ¹⁵ *Education At a Glance 2008: OECD Indicators* // http://www.oecd.org/document/9/0,3343,en_2649_39263238_41266761_1_1_1_1,00.html.
- ¹⁶ World Intellectual Property Indicators 2009. P. 47–48, 69.
- ¹⁷ Statistics in Focus. Eurostat 2008. No. 107. P. 2.
- ¹⁸ Системы оценки вузов и связанные с этим проблемы рассматриваются в работах: *Wildavsky B.* Op. cit. Ch. 4; *Salmi J.* Op. cit. P. 16–19.
- ¹⁹ <http://www.topuniversities.com/university-rankings>
- ²⁰ <http://www.arwu.org/ARWU2009.jsp>
- ²¹ <http://www.webometrics.info>
- ²² <http://www.globaluniversitiesranking.org/>
- ²³ *Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств* / Рук. проекта А.Ю. Мельвиль. М.: МГИМО, 2007.
- ²⁴ См.: Новый глобальный рейтинг // <http://www.globaluniversitiesranking.org/>.
- ²⁵ *Marshall J.* French Do Well in French World Rankings // Univ. World News. 2008. Oct. 26.
- ²⁶ *Yao Li et al.* Higher Education Transformation in China...; *Zweig D., Chen Changgui.* China's Brain Drain to the United States: Views of Overseas Chinese Students and Scholars in the 1990s. L.; N. Y.: Routledge Curzon, Center for Chinese Studies, 1995, digital edition 2006. В 1980-е Дэн Сяопин предсказывал, что вернутся домой 90 проц. тех, кто уехал учиться за границу. В 1990 годы он понизил эту оценку до 50 процентов. В настоящее время возвращаются около 25 проц. уезжающих.
- ²⁷ *Balzer H.* Russia and China in the Global Economy // *Demokratizatsiya*. Vol. 16. No. 1. Winter 2008. P. 37–48.
- ²⁸ *Гао Ин.* Особенности формирования высокотехнологических отраслей промышленности в Китае // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2010. № 2. С. 62; *Yao Li et al.* Higher Education Transformation in China...; *Simon D. F., Cong Cao.* China's Emerging Technological Edge...
- ²⁹ *Гао Ин.* Особенности формирования высокотехнологических отраслей... С. 69.
- ³⁰ *Айдрис И.А.* Позиция России на мировом рынке образовательных услуг: Аналитический обзор // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2009. № 2. С. 10, 12; *Wang Ying.* Foreign Student Quota to Expand // *China Daily*. 2008. July 29.
- ³¹ *Айдрис И.А.* Указ. соч. С. 13–15; *The International Mobility of Talent: Types, Causes, and Development Impact* / A. Solimano (ed.). Oxford ; New York: Oxford Univ. Press, 2008.
- ³² *Yao Li et al.* Higher Education Transformation in China...; *Zweig D.* Returnees, Technology Transfer, and China's Economic Development // Center on China's Transnational Relations Working Paper No. 28, The Hong Kong Univ. of Science and Technology. June 2009.
- ³³ *Wang Ying.* Op. cit.
- ³⁴ *Kuang Ping.* Measuring the Internationalisation of Chinese Higher Education: Presentation at "Going Global 4": The UK's International Education Conference. L., 2010. Mar. 26, http://www.britishcouncil.org/going_global_4_-_past_present_and_future_-_p_kuang_-_pp.pdf
- ³⁵ *Зеленин А.* Китайская стена для соотечественников // НГ-Дипкурьер. 2007. 10 авг. http://www.ng.ru/courier/2007-10-08/18_migration.html;
- Зевелев И.* Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве // *Россия в глобальной политике*. 2008. Янв.-февр. № 1. С. 33–45.
- ³⁶ *Zweig D.* Returnees, Technology Transfer, and China's Economic Development; *Idem.* Competing for Talent: China's Strategies to Reverse the Brain Drain // *International Labour Review*. 2006. Vol. 145. No. 1–2. P. 65–89; *Yao Li et al.* Higher Education Transformation in China...; *Yu Zhou.* The Inside Story...
- ³⁷ См.: *Simon D. F., Cong Cao.* China's Emerging Technological Edge...; *Zweig D.* Competing for Talent: China's Strategies to Reverse the Brain Drain...; *Yao Li et al.* Higher Education Transformation in China...
- ³⁸ *Дежина И.Г.* Охота за головами: Как развивать связи с российской научной диаспорой? // Научоведческие исследования – 2010: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 18.
- ³⁹ Более полное описание того, как это работает на Тайване, в Южной Корее, Израиле, Китае, Индии и других странах, см.: *Saxenian A L.* The

International Mobility of Entrepreneurs and Regional Upgrading in India and China // *The International Mobility of Talent: Types, Causes, and Development Impact...*

⁴⁰ Yu Zhou. The Inside Story...

⁴¹ Tian Xiaogang. Presentation at "Going Global 4": The UK's International Education Conference, L., 2010. Mar. 26 // http://www.britishcouncil.org/going_global_4_-_china_2020_-_x_tian_-_pp.pdf

⁴² Yao Li et al. Higher Education Transformation in China...

⁴³ Zweig D. Competing for Talent...; Zhou Yu. The Inside Story...

⁴⁴ Saxenian AL. The International Mobility of Entrepreneurs... P. 122–124. Важность «общего климата» для эмигрантов подтверждает в своих интервью Ирина Дежина (см. сноску № 38).

⁴⁵ Кузьминов Я., Фрумкин И. Модернизация: Граница образования // *Ведомости*. 2010. 12 мая.

⁴⁶ Я благодарен Сергею Гуриеву, Олегу Хархордину, Ирине Дежиной и некоторым другим моим коллегам в России, которые помогли мне разобраться в этой проблеме. Но они не несут ответственность за мою интерпретацию.

⁴⁷ Артамонова М.В. Реализация интеграционной политики в системе высшего профессионального образования РФ: Тенденции институциональных изменений / Автореферат. М.: Университет дружбы народов, 2008.

⁴⁸ Информация получена мною благодаря личным контактам.

⁴⁹ Солженицын А. В круге первом: Роман / С 3-мя дополнениями автора, статьей и примечаниями М. Петровой. М.: Наука, 2006 (Российская академия наук. Литературные памятники).

⁵⁰ Saxenian AL. The International Mobility of Entrepreneurs, а также другие авторы в книге: *International Mobility of Talent* / A. Solimano (ed.).

⁵¹ Segal A. Digital Dragon...; Yu Zhou. Inside Story...

⁵² Saxenian AL. The International Mobility of Entrepreneurs. P. 142.

⁵³ Ibid. P. 139.

⁵⁴ Ведомости. 2010. 15 февр.

⁵⁵ Владислав Сурков утверждает, что Сколково оградит инновационный бизнес от бюрократии, которая сдерживает развитие российской экономики. Андрей Шторх, журналист, пишущий о Сколкове, считает, что российские ученые «должны быть изолированы от нашей действительно-

сти». Такой подход не сулит никаких инноваций остальной российской экономике. Оба высказывания цитирует Эндрю Креймер в "The New York Times" (2010. Apr. 11).

⁵⁶ Подробно см.: Zweig D. *Internationalizing China: Domestic Interests and Global Linkages*. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2002. Более поздний анализ того, как возвратившиеся из-за рубежа ученые стали движущей силой развития НИОКР в Китае, см.: Jonkers K. *Mobility, Migration and the Chinese Scientific Research System*. Routledge, 2010. Иной взгляд на проблему см.: Chen Yun-Chung. *The Limits of Brain Circulation: Chinese Returnees and Technological Development in Beijing* // *Pacific Affairs*. 2008. Summer. Vol. 81. No. 2. P. 195–215.

⁵⁷ Bailes K. E. *Science and Russian Culture in the Age of Revolutions: V.I. Vernadsky and His Scientific School: 1863–1945*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1990; Купайгородская А.П. *Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти: 1917–1925*. Л.: Наука, 1984.

⁵⁸ Zweig D. *Internationalizing China...*; Balzer H. D. *Russia and China in the Global Economy...*

⁵⁹ *Диагностика российской коррупции: Социологический анализ* / Отчет подготовлен фондом ИНДЕМ в мае 2002 года (www.nobribes.org).

⁶⁰ В 2010 году Александр Бланков из Департамента экономической безопасности МВД РФ оценил коррупцию в российском образовании в 5,5 млрд долларов. Из этой цифры около 1,5 млрд дол. идет на поступление в учебные заведения (ИТАР-ТАСС. 25 мая 2010). Тот же ИТАР-ТАСС цитирует Виктора Панина из российского Общества защиты прав потребителей образовательных услуг, который сообщает цены на черном рынке на разного рода дипломы. Так, школьный аттестат зрелости стоит 500 дол., диплом высшей школы — 700–1000 дол., диплом кандидата наук — 20–50 тыс. дол., диплом доктора наук — 30–70 тыс. долларов. Панин считает, что ежегодный нелегальный оборот докторских дипломов составляет примерно 5 тыс. штук.

⁶¹ См.: Crane K., Usanov A. *Role of High-Technology Industries* // *Russia after the Global Economic Crisis* / A. Åslund, S. Guriev, A. Kuchins (eds). Wash. DC: Peterson Inst. for International Economics, CSIS; The New Economic School, 2010. P. 95–124; Дежина И.Г. Указ. соч. С. 14.

Российское высшее образование: сопоставление с США

Основная задача, которая стоит сейчас перед Россией, — стать полноправным участником и партнером мировых образовательных процессов | **ТИМОТИ О'КОННОР**

Перемены, произошедшие в мировом высшем образовании, не менее революционны, чем кардинальная трансформация образования в XIX веке, связанная с возникновением исследовательских университетов. Нынешние изменения связаны прежде всего со сдвигами в социальной, экономической и политической жизни общества во всем мире. Образовательные процессы второй половины XX века характеризуются в первую очередь глобализацией и интернационализацией. В современном обществе существует огромная потребность в сотрудничестве и международном взаимодействии. Все наиболее важные научные открытия совершаются в процессе тесного сотрудничества между учеными ¹. Одним из ключевых факторов глобализации высшего образования является академическая мобильность. На сегодняшний день более 2,5 млн студентов из разных стран обучаются за границей ². Согласно оценке специалистов, к 2020 году их количество возрастет до 8 миллионов. Растущая академическая мобильность внесла изменения в политику многих международных образовательных учреждений: иностранные студенты стали важным фактором в экономике самих университетов, принося им высокие доходы за счет платы за

обучение и других административных взносов. К тому же в рамках некоторых курсов наличие иностранных студентов в группах обеспечивает большую эффективность учебного процесса и создает прекрасную среду для обмена опытом.

После Второй мировой войны переход к постиндустриальной экономике и значительные достижения в области науки и технологий создали растущую потребность в высококвалифицированных кадрах. Повышенный спрос на квалифицированных специалистов отмечался даже в странах с более традиционными типами экономики. Для работы на престижных высокооплачиваемых должностях требовались специалисты, получившие послешкольное специальное образование. В результате выросла потребность самого населения в высшем специализированном образовании, которое стало считаться необходимым для создания социальной мобильности и экономического успеха страны.

Американцы одними из первых получили всеобщий доступ к высшему образованию: уже к 1960 году около 40 проц. населения продолжили обучение после окончания школы ³. Вскоре за США последовала Канада, а позднее, в 1980-х, — большинство европейских стран и Япония. Вместе с тем в США

доступ к качественному обучению ограничивается его дороговизной ⁴.

Советская система образования

Советский Союз также ставил перед собой задачу максимально расширить доступ к образованию. Преимущество советской школы состояло в активной государственной поддержке: перспективные молодые люди могли рассчитывать на бесплатное обучение в государственных вузах. Работа советской средней школы и вузов во многом строилась на принципах скандинавских и германских школ: строгой системе контроля, высоком уровне преподавания и железной дисциплине. Такая система была адекватна системе государственного управления в СССР и обеспечивала страну хорошо подготовленными специалистами. До начала Отечественной войны советское правительство создало огромное количество институтов, в основном технической направленности, что способствовало военному и промышленному развитию страны. Советская идеология образования стремилась к специализации уже в старших классах средней школы: это оправдывалось политическими соображениями — необходимостью быстрой индустриализации и наращивания военной мощи; для этого требовалось обучить специалистов. Но при этом советское правительство не ставило перед собой задачу модернизировать образование; оно стремилось максимально сохранить его в неизменном виде. Если какие-то реформы и проводились, то они были весьма незначительны и носили чисто формальный характер.

Кроме того, советская, а потом и российская образовательная система существовала и продолжает существовать обособленно от американской и европейской образовательных систем. Отчасти по этой причине далеко не все международные образовательные учреждения принимают документы об

окончании высшего учебного заведения, выданные в России, даже когда речь идет о выпускниках лучших российских вузов, готовящих образованных, разносторонне развитых специалистов. Несмотря на то что система советского образования была адекватна советской системе в целом в рамках страны и в некоторых странах СЭВ, она была идеологически не приспособлена для сотрудничества с западными системами образования; СССР оставался изолированным от западного мира.

С выходом России на международную образовательную арену в конце 1980-х ее культурно-образовательные связи с другими странами стали существенно укрепляться: начался активный студенческий обмен, многие студенты направлялись в европейские страны и США для прохождения там специализированных технологических курсов и стажировок. В 2008 году Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала доклад о долгосрочных образовательных тенденциях, согласно которому к 2030 году количество студентов будет постоянно расти, а состав учащихся будет в большей мере интернационален за счет привлечения большого количества иностранных студентов ⁵. Для того чтобы интернационализировать систему высшего образования, российским вузам нужно перейти на единые международные стандарты.

России требуется повысить академическую мобильность своих студентов с тем, чтобы они смогли получить широкое образование и рассмотреть изучаемую ими специальность с разных точек зрения. Академическая мобильность позволит перспективным молодым ученым из России обмениваться опытом со своими коллегами из других стран и, возможно, осуществлять совместные теоретические идеи и разработки, направленные на экономическое и социальное процветание общества.

Сегодняшняя Россия ставит перед собой задачу модернизации высшего образования и приведения его в соответствие с постоянно изменяющимися международными нормами, по большей части с американскими стандартами. В настоящей статье автор, обладающий многолетним опытом работы как в американской, так и в российской системах образования, предлагает свой взгляд на достоинства и недостатки обеих, дает оценку способам и средствам финансирования учебных заведений, а также пытается определить цели и задачи национальных исследовательских институтов и университетов, которые играют все большую роль в развитии и модернизации образования.

На начальном этапе модернизации необходимо понять, какие требования нужно предъявлять к абитуриентам и чего ждать от выпускника. Каждый вуз должен иметь четкое представление, зафиксированное в соответствующем документе (его часто называют «паспортом выпускника»), какими профессиональными знаниями, навыками и умениями будет обладать выпускник по окончании курса обучения.

Составить «паспорт выпускника» можно только тогда, когда у университетов появятся надежные способы оценки и измерения качества образования. Это ставит вузы перед необходимостью сотрудничества с частным сектором. В эпоху активного развития экономики и частного бизнеса роль частных организаций в процессе образования постоянно растет. Всё большее число крупных частных компаний, занятых в области высоких инновационных технологий, биотехнологий и в других передовых областях, заявляют о том, что выпускников даже самых ведущих вузов зачастую приходится переучивать, потому что теоретические знания, с которыми они приходят, не получают практического воплощения в работе. При этом роль работодателя в процессе выработки требований к выпуск-

нику не стоит преувеличивать. Как правило, его интересы достаточно узки, ориентированы на конкретную отрасль и предприятие. Оптимальным решением было бы найти золотую середину между государственными стандартами образования и теми, которые предъявляют работодатели частного сектора, с тем чтобы учреждения высшего образования готовили высококвалифицированных, при этом востребованных специалистов, которые смогут успешно функционировать на рынке труда.

Для модернизации российской образовательной системы важно не только пересмотреть механизмы управления, но и усовершенствовать работу профессорско-преподавательского состава. Сегодня профессора и преподаватели в большинстве своем не слишком склонны к изменениям, а зачастую просто отказываются их принимать.

Достоинства и недостатки американской системы образования

Прежде всего, следует отметить, что не существует некоего универсального образовательного образца. Речь идет об адекватности системы образования страны тем задачам, которые она перед собой ставит. К тому же необходимо помнить, что модернизация высшего образования невозможна без изменения структуры и системы средней школы. Школьное обучение создает некий плацдарм для высшего образования, так что абитуриент, окончивший школу советского образца, не сможет успешно адаптироваться к чужой для его страны образовательной системе.

Одно из важнейших различий между российской образовательной системой и американской состоит в том, что в США специализация существует исключительно в высших образовательных учреждениях. В соответствии с американской концепцией, в средней школе основной упор делается именно на

общее образование, а специализации не уделяется большого внимания. Между тем как в России и Советском Союзе специализация начиналась уже в старших классах средней школы.

Еще один показатель, отличающий российскую и американскую образовательные системы, состоит в том, что большая часть исследовательских университетов в США финансируется частным сектором экономики: самые крупные международные компании делают капиталовложения в перспективные вузы с тем, чтобы в будущем получить

уступает российскому: школьник из России сильнее американского в таких областях, как химия, физика, биология. Однако благодаря общеакадемическим навыкам, полученным в процессе школьного образования, американским студентам удается довольно быстро нагнать своих российских коллег в высшем учебном заведении.

Поскольку именно американская система часто используется в качестве образца, важно указать, что наряду с несомненными достоинствами она обладает и рядом недостатков.

“Преподавание естественных дисциплин в американских школах уступает российскому: школьник из России сильнее в таких областях, как химия, физика, биология”.

квалифицированных и востребованных специалистов.

Важное достоинство американской системы в том, что она постоянно старается поспевать за технологическими и социальными изменениями: это касается, в частности, активного внедрения передовых информационных технологий в процесс обучения — при чтении лекций, проведении практических занятий и семинаров и т. д. Подобные технологии решают многие проблемы, с которыми сталкиваются специалисты в области образования: сокращают время на проверку домашних заданий, их рассылку студентам, проверку контрольных работ и т. п.

Среди других преимуществ американского образования — междисциплинарный подход к изучаемому предмету, а также гибкость в выборе изучаемых дисциплин. Кроме того, выпускников американских школ обучают важным навыкам академической работы, таким как умение грамотно отстаивать свою точку зрения, убедительно доказать ее научную ценность. При этом преподавание естественных дисциплин в американских школах

Американская система среднего образования часто становится объектом критики: и в самих США, и за рубежом говорят о ее низкой эффективности. Эта критика во многом справедлива: в частности, американским школам есть что позаимствовать у советских школ в плане организации учебного процесса. Однако следует помнить, что высшее образование в США остается фундаментальным и обеспечивает как студентов, так и магистрантов и докторантов необходимыми знаниями и навыками.

Между высшими образовательными учреждениями и частным сектором установлено тесное сотрудничество, но сегодня в американских вузах имеется явный перекос в пользу влияния инвесторов. Между тем вузы должны оставаться самостоятельными. Ими должны управлять грамотные руководители, соблюдающие эту тонкую грань; в задачи такого руководителя входит не только принятие решений по развитию университета в сотрудничестве с крупными частными инвесторами, но и работа с профессорско-преподавательским составом. Руководитель

должен прислушиваться к их мнению и руководить вузом не в одиночку, а в союзе со всем коллективом университета.

В американской образовательной системе недостаточное внимание уделяется изучению иностранных культур и языков. (Испанский язык составляет исключение, поскольку в некоторых частях Соединенных Штатов он практически имеет статус второго национального.) Хотелось бы особо отметить роль иностранных магистрантов и докторантов в американской системе образования: если бы не они, то многие докторские и магистрантские программы просто бы не реализовались в США⁶. Особенно это касается образовательных программ в области естественных наук: американцы то ли не хотят, то ли не могут достаточно успешно обучаться таким предметам. В этой связи, возможно, потребуются пересмотреть школьные программы в США.

В последнее десятилетие расходы на образование все больше перекладываются с государственного бюджета на самих учащихся или их родителей. В результате стоимость обучения в государственных вузах приближается к существующей во многих частных вузах, что подрывает принцип доступности высшего образования.

Американские образовательные институты все больше стремятся к тому, чтобы полученные студентами знания применялись на практике; в результате больше внимания уделяется развитию технических дисциплин. Практическая ориентированность американского образования привела к тому, что в прошлом году многие гуманитарные науки в США понесли серьезные потери в плане финансирования: количество финансовых грантов, выделенных на гуманитарные программы, сократилось вдвое в сравнении с предыдущим. В этой связи следует отметить растущую роль национальных исследовательских университетов во всем мире.

Исследовательские университеты

Национальные исследовательские университеты (НИУ) — это ключевой движущий фактор социального и экономического развития страны и нации в целом. С открытием Берлинского университета в начале XIX века многие европейские и американские институты обратили особое внимание на проведение научных исследований как на одно из условий модернизации образовательных процессов в стране. По окончании Второй мировой войны было открыто много новых университетов во всем мире, которые в той или иной степени пытались претворить основные научно-исследовательские задачи в жизнь.

Научно-исследовательские университеты представляют собой образовательные учреждения, обеспечивающие знаниями, умениями и навыками учащихся, а также своего рода научный полигон, основная задача которого состоит в проведении исследований, особенно в технологических областях. В ходе образования огромную роль играют два взаимосвязанных процесса: передача фундаментальных теоретических знаний и апробация их на практике; и то и другое имеет приоритетное значение при разработке образовательных программ национальных исследовательских университетов. Чрезмерное внимание к той или иной составляющей неизменно приводит к дисбалансу образовательного процесса и негативно отражается на результатах. Нельзя забывать, что в задачи образовательного учреждения также входит подготовка квалифицированных специалистов. Студенты же, проучившиеся в «закрытой» среде теоретически ориентированного вуза, могут оказаться не способными применить свои навыки и умения на практике и получить существенные результаты.

Для того чтобы НИУ могли полностью выполнить свои научные программы, требуется обеспечить образовательные учрежде-

ния необходимым оборудованием, библиотеками и лабораториями, которые позволяют учащимся воплощать свои технические разработки на практике.

Модернизировать любое учреждение невозможно без поддержки первопроходцев: не стоит забывать, что при модернизации высшего учебного заведения большая часть его профессорско-преподавательского состава остается неизменной. Поэтому параллельно с модернизацией управления необходимо

лишь на государственном попечении: государство не в состоянии целиком взять на себя весь объем необходимых затрат, а потому НИУ приходится искать иные источники финансирования на других направлениях, прежде всего в частном секторе.

После распада СССР значительная часть расходов на российскую науку покрывалась из зарубежных источников ⁷.

Сегодня государство мобилизует крупный бизнес для поддержки отечественной науки и исследовательских университетов ⁸.

“Параллельно с модернизацией управления необходимо проводить **работу с персоналом, чтобы помочь ему адаптироваться к происходящим переменам”.**

проводить работу с персоналом, чтобы помочь ему адаптироваться к происходящим переменам и, самое главное, понять их значимость и преимущества для них самих. Нужны также международные форумы и семинары, в ходе которых специалисты из разных стран и областей обменивались бы мнениями относительно создания и развития исследовательских университетов в XXI веке, и курсы-тренинги для самих членов профессорско-преподавательского состава. Последние, в частности, в России не всегда успевают идти в ногу со временем и порой не знают об уже имеющихся на сегодняшний день технических возможностях. Не так много преподавателей российских вузов используют при обучении передовые технологии, которые, как в этом уже убедились многие коллеги из других стран, значительно упрощают процесс образования, выводят его на новый качественный уровень и делают более продуктивным.

Учреждение национальных исследовательских институтов — сложный процесс не только с организационной, но и с финансовой точки зрения. НИУ не могут находиться

Подытоживая, можно сказать, что модернизация образования в России потребует следующих преобразований:

- Необходимо установить прочную органичную связь между образованием и наукой. Проблема советской системы образования состояла в том, что в Советском Союзе Академия наук и образовательные центры существовали отдельно друг от друга, что значительно снижало их эффективность.
- В отличие от многих критиков ЕГЭ, мы считаем, что введение единого государственного экзамена — безусловно, позитивный шаг, ведущий к повышению академической мобильности учащихся и, следовательно, к созданию международного образовательного пространства. Другое дело, что учащихся следует по-иному готовить к сдаче этого экзамена; возможно, потребуются проведение соответствующих реформ на уровне школьного образования. Более того, мы полагаем, что стоит ввести единый экзаменационный стандарт (своего рода ЕГЭ II) и для выпускников вузов, что, несомненно, повысит академи-

ческую мобильность студента, расширит возможности для интернационализации, а также унифицирует процесс поступления в магистратуру.

- Для того чтобы оптимизировать работу автономных образовательных учреждений и исследовательских институтов, требуется внести коррективы в налоговое законодательство, которое позволило бы и юридическим, и физическим лицам свободнее инвестировать средства в образование. Для обеспечения более эффективного и качественного управления в национальных исследовательских университетах следует создать советы попечителей. Этот проект сложно реализовать, поскольку в таком случае вуз должен обладать достаточной самостоятельностью и в области образования, и в области науки. Однако тот процесс управления госвузами, который существует в России на сегодняшний день, а именно исключительное подчинение государству, характеризуется существенными недостатками. Мы не сторонники идеи полного самоуправления и считаем, что создание управленческого органа в форме попечительского совета оптимизировало бы работу всего вуза. Безусловно, центром развития образования должно оставаться Министерство образования и науки Российской Федерации, но осуществлять управление университетом должен попечительский совет в сотрудничестве с ректором.

- В последнее время все чаще обсуждается вопрос о том, куда лучше направлять государственные средства: на фундаментальные или прикладные науки. И нередко звучит мнение, что следует сосредоточиться на прикладной науке, а фундаментальную отодвинуть на второй план. Однако чрезмерный перекося в пользу прикладных исследований не принесет пользы.

- Научно-исследовательские университеты должны не только стать полноценным партнером на международной образовательной арене, но и ставить перед собой амбициозные научные цели и стремиться к их достижению. Для этого недостаточно сотрудничества с передовыми международными образовательными учреждениями; необходимо прежде всего наладить продуктивное сотрудничество друг с другом. К примеру, в США самые престижные вузы страны объединены в «Лигу плюща» (*The Ivy League*); они остаются конкурентами, но в одиночку ни один из них не смог бы добиться того, что у них есть сегодня. Помимо объединения по принципу общности статуса, возможно устанавливать региональное сотрудничество между НИУ и вузами: так, например, в США успешно сотрудничают университеты в Бостоне и Чикаго, а говоря о Европе, невозможно не отметить прочный научный союз, так называемый научный треугольник, между Лондоном, Оксфордом и Кембриджем. Причем еще раз отметим, что статус вуза при таком региональном объединении не учитывается: вовсе не обязательно, чтобы это были самые престижные университеты в стране или во всем мире. В России такие неформальные объединения пока единичны. Примером может служить сотрудничество Московского государственного института электронной техники (МИЭТ), Московского государственного института радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА) и Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ».

- Для интеграции в мировую образовательную систему нужно как можно скорее перейти на двухуровневую систему обучения, к которой позже добавится третий уровень — докторантура.

Еще в 20-е годы XX века большевики стремились построить общество, во главе которого стояли бы инженеры-технологи⁹. Однако задуманные ими планы так и не были выполнены. В советские годы были предприняты попытки вывести Россию из своего рода заколдованного круга, очерченного вокруг страны еще Петром Великим, который, провозгласив курс на достижение конкурентоспо-

собности с Западом, не создал механизма для достижения этой цели. Самое важное в процессе постепенной модернизации любой системы — это доводить начатое до конца. Российское образование нуждается в проведении конкретных реформ, и основная задача, которая стоит сейчас перед страной, — стать полноправным участником и партнером мировых образовательных процессов. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Американский специалист в области образования Филипп Олтбах определяет глобализацию как «реальность, выраженную высоким темпом роста мировой экономики, стремительным развитием информационных технологий и формированием мирового научного пространства, в котором укрепляется роль английского языка и возникает потребность в коллективном управлении» (см.: *Higher Education in the New Century: Global Challenges and Innovative Ideas* / P.G. Altbach, P. McGill Peterson (eds). Rotterdam: Sense Publishers, 2007. P. 23–48). Под интернационализацией тот же автор понимает совокупность всех мероприятий, коллективно проводимых высшими учебными заведениями для разрешения проблем мирового значения.

² Altbach P.G., Reisberg L., Rumbley L.E. Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution: A Report Prepared for the UNESCO 2009 World Conference on Higher Education. P: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2009. P. 7.

³ Ibid. P. 6.

⁴ В 2006 году социолог Мартин Трой провел исследование, посвященное тому, как образование распространяется среди разных слоев населения. Трой выделяет три основных этапа: элитный, массовый и всеобщий. Его идея состоит в том, что любое общество в своем развитии проходит каждый из этих этапов, в идеале стремясь как можно скорее добиться всеобщего доступа к образованию. Трой считает, что общество постепенно приближается к выполнению этой цели, хотя и сегодня в некоторых странах мира образование получает менее 10 проц. населения. Растущая массовость образования неизбежно приводит к некоторым

издержкам, в частности, и к снижению академических стандартов. Однако несомненным преимуществом является рост социальной мобильности, дальнейшая интернационализация высшего образования и т. д.

⁵ Altbach P.G et al. Trends in Global Higher Education... P. 2.

⁶ 50 проц. от 22 500 дипломов докторантуры, выданных в США в 2007 году, были получены гражданами иностранных государств. См.: Lahart J. U.S. Keeps Science Lead But Other Countries Gain // The Wall Street Journal. 2010. Jan. 16–17.

⁷ Ирина Дежина и Лорен Грэхем отмечают, что в результате распада Советского Союза и сокращения государственного финансирования «наука России... оказалась в глубоком кризисе... В это время поддержку ей оказали зарубежные организации и фонды, реализовав крупнейшую в истории программу помощи науке. В российскую науку были вложены сотни миллионов долларов зарубежных инвестиций. У некоторых ведущих российских научно-исследовательских институтов зарубежные средства составляли до 50 проц. суммарного объема финансирования». См.: Дежина И., Грэхем Л. Наука в новой России: Кризис, помощь, реформы. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 227.

⁸ В феврале 2010 года в Национальном исследовательском технологическом университете «МИСиС», в котором автор занимает должность проректора по образованию, состоялась встреча руководства университета с сотрудниками Администрации Президента США, отвечающими за международные отношения в сфере науки и технологии. На встрече говорилось о том, что при создании своего рода «силиконовой

долины» было бы целесообразно объединить передовые организации и компании, занятые в технологических областях, а также научно-исследовательские институты и центры и таким образом прочно связать образовательные учреждения с реальной практикой. С тех пор работа над проектом создания российской «кремниевой долины» на базе «Сколково» вступила в активную фазу. В ходе своего визита в США в июне 2010 года, в рамках которого планировалось установление качественно новых отношений между «Сколково» и американскими партнерами, президент Медведев посетил Кремниевую долину. Однако, как мы уже отмечали ранее, органичное процветание наукограда не видится нам в его изоляции. Поэтому мы твердо уверены, что для поддержания инициативы президента по разработке и коммерциализации

новых технологий необходимо сотрудничество с передовыми российскими исследовательскими технологическими университетами. Огромную поддержку «Сколково» в этом деле окажут такие НИУ, как МИСиС и МИФИ. Возможно, в идеале имело бы смысл создать новый университет на базе «Сколково», однако для воплощения такого грандиозного проекта сегодня нет ни времени, ни достаточных финансовых ресурсов. Поэтому на данном этапе остается перестраивать существующие магистерские программы с участием ведущих российских вузов, а также создавать новые совместные проекты как с российскими, так и с иностранными образовательными и частными партнерами.

⁹ *O'Connor T.E.* The Engineer of Revolution: L.B. Krasin and the Bolsheviks, 1870–1926. Boulder Co: Westview Press, 1992. P. 133–138, 141–147.

Стабилизация без модернизации

Антикризисная политика в регионах России не смогла преодолеть институциональные барьеры, препятствующие повышению качества государственного управления

Наталья Зубаревич

В выступлениях федеральных и региональных политиков постоянно звучат два мотива: «кризис позади» и «вперед к модернизации».

Бизнес тоже демонстрирует позитивный настрой: к примеру, весной 2010 года город Екатеринбург украшали растяжки местного банка со словами «Goodbye, кризис». Что отражают эти лозунги — пожелания политиков или реальное положение дел? Для того чтобы оценить то, что происходит на самом деле, приходится обращаться к скучной статистике. Статистические данные показывают, что в разных сферах кризисные процессы развиваются не синхронно: где-то кризис уже уходит в прошлое, а где-то продолжается; некоторые риски отложены на будущее. Три кризиса — произошедший, идущий и отложенный — формируют современную картину развития страны. Но она будет неполной без пространственного ракурса, так как ситуация в промышленности, инвестициях, на рынке труда, в доходах населения и состоянии бюджетов существенно различается по регионам.

Второй вопрос о модернизации: если она все-таки начнется, то из какого исходного положения произойдет движение вперед? Ведь именно кризис создает предпосылки и условия, либо расчищая путь к модернизации, либо образуя дополнительные завалы. И здесь региональный ракурс также принципиально важен: кризис в регионах развивался по разным траекториям, а региональные

власти по-разному адаптируются к его вызовам и заданным сверху «правилам игры».

Состоявшийся и идущий кризис: промышленность, инвестиции, жилье

Острая фаза кризиса в **промышленности** завершилась, но переход в фазу роста неустойчив и в большой степени зависит от глобального спроса на сырье и полуфабрикаты. Промышленное производство в России сократилось за 2009 год на 11 проц.; пик спада пришелся на май (–17 проц. к соответствующему периоду предыдущего года). Региональная картина кризиса очень разная. Можно выделить три группы регионов по темпам спада промышленности и основным факторам динамики.

Первыми испытали спад регионы металлургической специализации — на 25–40 проц. в пиковой фазе, но уже летом 2009 года они начали выходить из кризиса. К концу 2009-го промышленность металлургических регионов стабилизировалась, потеряв 15–20 проц. по сравнению с уровнем 2008 года. Максимальный и самый длительный спад переживают регионы машиностроительной специализации, особенно автомобильной — Самарская, Нижегородская, Ярославская области и др. Длительная депрессия объясняется низкой конкурентоспособностью машиностроения и сократившимся спросом. В Калужской области ранее были созданы новые автомо-

бильные предприятия западных компаний, и это позволило сохранять промышленный рост до апреля 2009-го, но затем производство упало и здесь (на 15 проц. за год). Сильным был спад промышленности двух крупнейших агломераций страны; в результате кризиса в Москве и Санкт-Петербурге экономика приобрела еще более постиндустриальный характер.

Спад был менее серьезным в регионах Юга благодаря специализации на пищевой

регионах последствия кризиса также незначительны: спад в них минимален, а в регионах с новыми месторождениями (Сахалин, Ненецкий АО) продолжается быстрый рост. Только в ведущих регионах добычи газа (Ямало-Ненецкий АО, Астраханская область) снижение было на уровне среднего по стране (в первой половине года выше среднего) из-за неэффективной ценовой политики и высоких издержек компании «Газпром».

“Новым политическим приоритетом федеральных властей стали инвестиции в Ингушетию, при этом со второй половины 2009 года были сокращены инвестиции в Чечню”.

промышленности; после девальвации рубля и сокращения импорта пищевой продукции этой отрасли удалось расширить рынки сбыта. Но «окно возможностей» постепенно закрывается: с укреплением рубля в 2010 году импорт вновь быстро растет, поэтому на Юге трудно ожидать устойчивого роста промышленности. Быстрее выходят из спада развитые регионы с диверсифицированной промышленностью и городами-миллионниками: сочетание экспортно-ресурсных отраслей промышленности и развитого сектора услуг, характерное для крупных городов, повышает устойчивость региональной экономики.

Не заметили кризиса слаборазвитые республики Северного Кавказа; в них неэффективная советская промышленность «умерла» еще в 1990-е, а новая так и не появилась. Схожая динамика отмечается и в большинстве регионов Дальнего Востока и Забайкалья; здесь воздействие кризиса также не слишком заметно, поскольку санация многих неэффективных производств произошла еще в кризис 1990-х годов, а экспортно-сырьевые отрасли, в том числе живущая «в тени» рыбная, более жизнеспособны. В ведущих нефтедобывающих

В неблагоприятных для жизни северных и восточных регионах страны кризис сделал отраслевую структуру промышленности еще более сырьевой и усилил концентрацию производства.

Инвестиции из всех источников финансирования сократились в 2009-м на 16 проц., пик спада также пришелся на первое полугодие (–19 процентов). Одинаковыми темпами просели инвестиции бизнеса и бюджетов, поэтому доля последних не изменилась (21 проц. от всех инвестиций в целом по стране осуществлялся из бюджетов разных уровней). В кризис бюджеты регионов стали инвестировать меньше, чем федеральный бюджет (9,5 и 11 проц. соответственно), хотя в годы экономического роста соотношение было обратным. В основном это следствие резкого спада инвестиций из бюджета Москвы — более чем на четверть.

Заметнее всего сократились инвестиции в федеральных городах и ведущих нефтегазодобывающих регионах, где до кризиса объем капиталовложений в расчете на душу населения был самым большим. Буквально рухнули инвестиции в новые нефтегазодобывающие регионы — Сахалин (на треть) и Ненецкий

АО (на две трети), и это не только следствие кризиса. После того как консорциумы западных компаний в 2007 году добровольно-принудительно передали «Газпрому» контроль над проектами «Сахалин-1» и «Сахалин-2», зарубежные инвесторы стали очень осторожны, и реализация новых проектов затормозилась.

В 2009-м рост инвестиций сохранился только в некоторых регионах, где российские компании разрабатывают новые месторождения нефти (республики Коми, Якутия, Красноярский край) и золота (Чукотский АО). Также выросли инвестиции в регионах, где федеральные власти осуществляют политические проекты, финансируемые из бюджета: в Краснодарском крае (подготовка к Олимпиаде в Сочи 2014 года) и в Приморье (саммит АТЭС во Владивостоке в 2012-м). В последнем рост был максимальным среди всех российских регионов — в 2,2 раза. Новым политическим приоритетом федеральных властей стали инвестиции в Ингушетию (рост в 1,8 раза), при этом со второй половины 2009 года одновременно и резко были сокращены инвестиции в Чечню. Вырос объем капиталовложений и в некоторых слабо- и среднеразвитых регионах Центра и Юга, получивших значительную помощь из федерального бюджета; дополнительные финансовые ресурсы здесь были направлены в строительство — ведь измерить реальную стоимость фундаментов в России невозможно.

В результате российский бизнес инвестирует в «новую нефть» и немного в другие важнейшие экспортные ресурсы; роль государства как инвестора усилилась, но инвестиционные приоритеты федеральных властей в основном политические, что не ускоряет выход из кризиса и не стимулирует модернизацию. В 2010-м инвестиции из бюджетов регионов запланированы в

еще меньшем объеме (примерно на треть) по сравнению с 2009 годом. Кризис в этой сфере продолжается.

Нарастает спад **жилищного строительства**: до середины 2009-го снижения не было, но по итогам года объем ввода жилья снизился на 7 проц., в январе—марте 2010-го — на 8 проц. (к соответствующему периоду предыдущего года). Серьезный спад испытывали многие регионы с развитыми рынками жилья и значительными объемами жилищного строительства — Москва, Московская, Калининградская и Калужская области, Краснодарский край, Республика Татарстан и др. В 2009 году жилищное строительство поддерживали трансферты из Фонда содействия реформированию ЖКХ, их получили более половины субъектов РФ. Объем трансфертов из этого Фонда составил 2 проц. всех доходов бюджетов регионов, а в 14 регионах — 5–6 проц. доходов бюджета, что очень много. Ввод жилья, как и инвестиции, сильнее всего сократился в регионах с высокими докризисными показателями жилищного строительства: в Москве за первый квартал 2010 года более чем наполовину, в Московской области — на треть, в Калининградской области — на четверть, в Санкт-Петербурге — на 16 процентов. Пострадали и регионы с сильным промышленным спадом и, соответственно, значительным снижением доходов населения (Ярославская, Челябинская, Самарская области и др.). Тенденция сокращения ввода жилья с большой вероятностью продолжится из-за снижения объема инвестиций, уменьшения трансфертов из Фонда содействия реформе ЖКХ и стагнации платежеспособного спроса населения.

Неоднозначные итоги 2009-го и начала 2010 года показывают, что в разных сферах экономики регионов нет четкой границы между уже состоявшимся кризисом и тем, что еще продолжается, и пока ни в одной из этих сфер нет устойчивого позитивного тренда.

Отложенный кризис: рынок труда

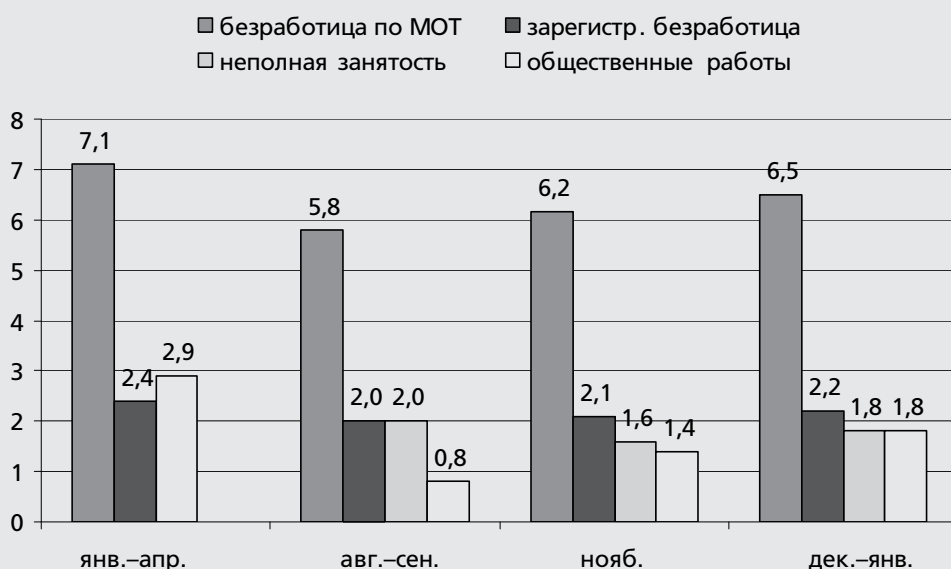
В развитых экономиках кризисы модернизируют рынки труда, сокращая неэффективную занятость. Это болезненный процесс, требующий масштабной поддержки высвобождаемых со стороны государства, но без такой санации модернизация занятости невозможна. В России ситуация иная. Исследования Независимого института социальной политики показали, что в период кризиса 1990-х при спаде экономики в два раза сокращение занятости было небольшим (на 15 проц.), однако резко снизилась заработная плата (в 2,5 раза)¹. Россия продемонстрировала особый путь адаптации — не через стандартное для других стран высвобождение работников, а через распределение кризисных издержек на всех занятых в виде снижения зарплаток.

Изменился ли этот тренд в ходе нового кризиса? Рост **безработицы**, измеряемой по методологии МОТ, оказался в 2009 году более

мягким по сравнению с кризисом 1998 года (9 и 13 проц. соответственно). Фаза быстрого роста безработицы продолжалась до апреля 2009 года, затем летом началось сезонное снижение показателей, а с ноября ситуация на рынке труда вновь ухудшилась (зимой безработица обычно растет). Помимо сезонности, есть и другие причины такой динамики, связанные с политикой государства на рынке труда. В острой фазе кризиса, чтобы избежать нарастания социальной напряженности, власти искусственно сдерживали рост безработицы, переводя ее в скрытые формы. Были введены политические ограничения на увольнение работников, занятых на модернизированных и неконкурентоспособных предприятиях, которые из-за кризиса стали убыточными. Например, в регионах Урала санкцию на увольнение давал прокурор, ставший «ведущим специалистом» по рынку труда.

Рис. 1

РАЗНЫЕ ФОРМЫ ОТКРЫТОЙ И СКРЫТОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В 2009 ГОДУ, МЛН ЧЕЛ.
(ДАНЫ МАКСИМАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ПЕРИОДА)

К скрытой безработице обычно относят занятых неполное рабочее время и находящиеся в административных отпусках. Туда же можно отнести и занятость на общественных работах ² (в основном это уборка мусора, покраска заборов и т. п. на предприятиях и в муниципалитетах), почти полностью финансируемая из федерального бюджета. Трансферты из федерального бюджета на поддержку региональных рынков труда выросли в 2009 году в три раза и составили 2 проц. доходов бюджетов регионов, а в 16 регионах (см. ниже в анализе бюджетов)

прежде всего из-за чрезвычайно высокой затратности: бюджетные ограничения не позволяют сохранять столь высокие расходы длительное время. В конце 2009-го власти стали подавать сигналы в СМИ, что они готовы к росту безработицы, первым об этом сказал президент Медведев в декабре, назвав угрозу роста безработицы важнейшей проблемой 2010 года ³. Кризис на рынке труда отнесен к отложенным, потому что большой «пузырь» скрытой безработицы будет сдуваться постепенно: далеко не вся скрытая безработица перейдет в открытую форму,

“Власти будут следить за процессом высвобождения рабочей силы с тем, чтобы минимизировать социальные последствия, связанные с возможным ростом безработицы”.

достигали 4–8 проц. доходов их бюджетов. Если сложить все формы скрытой безработицы и открытую безработицу по методологии МОТ, то безработных в России оказывается около 10 млн чел. (см. рис. 1), а уровень безработицы в 2009-м достигал 12–13 проц., то есть масштабы реального сокращения занятости сопоставимы с кризисом 1998 года.

Политика сохранения неэффективной занятости до поры до времени устраивала все группы интересов. Сформировался своего рода антимодернизационный консенсус: федеральные и региональные власти такой ценой покупали политическую стабильность, бизнес перекладывал издержки на государство, которое финансировало искусственную занятость, а население полагало (а многие продолжают так думать до сих пор), что нужно немного потерпеть, все вернется «на круги своя» и неконкурентоспособные предприятия вновь заработают. Неэффективность такой политики стала очевидной для федеральных властей только в конце 2009 года. И не только потому, что проблема занятости на деле не решалась, а

часть занятых переместится на рынки труда других регионов и городов в виде трудовых мигрантов, часть вообще уйдет с рынка труда, станет экономически неактивной и осядет на своих грядках. Соотношение этих трендов будет неодинаковым для разных регионов. Власти будут внимательно следить за процессом высвобождения рабочей силы с тем, чтобы минимизировать социальные последствия, связанные с возможным ростом безработицы.

Официальная статистика безработицы не отражает ее скрытых форм. Как следствие, региональные различия в уровне безработицы, измеряемой по методологии МОТ, были обусловлены в 2009 году не только кризисом. Существенный кризисный рост безработицы по МОТ (вдвое к концу 2009-го) произошел только в 10–15 регионах с трудоемкой обрабатывающей промышленностью. Зарегистрированная безработица выросла не слишком существенно благодаря административным запретам на увольнения, по регионам она дифференцирована еще более причудливо.

По уровню скрытой безработицы можно более четко определить кризисные территории: высокий уровень (6–11 проц. занятых в начале 2009 года и 4–6 проц. в конце) ⁴ зафиксирован в машиностроительных и металлургических регионах Поволжья (Самарская, Нижегородская, Ульяновская, Кировская области, Чувашия, Удмуртия и др.), Урала (Свердловская, Челябинская, Курганская области) и Центра (Владимирская, Брянская, Ярославская и др.). При этом в областях Центра резкий кризисный рост скрытой безработицы в первом

лению из бюджетов регионов увеличились на 34 процента. Кризис «залили» накопленными деньгами, о чем не могли и мечтать в 1998 году при пустом бюджете.

Региональная картина менее благополучна, хотя следует учитывать недостаточную достоверность статистических измерений. Снижение реальных доходов населения в 2009-м произошло более чем в половине субъектов РФ, наиболее ощутимо — в регионах со специализацией на отраслях ТЭК и металлургии. Рост доходов сохранился в наименее развитых республиках и некоторых

“Кризис еще раз показал, что **низкая мобильность** — один из сильных барьеров на пути модернизации человеческого капитала в России”.

квартале 2009 года быстрее, чем в Поволжье и на Урале, сменился убылью; к лету проблема смягчилась благодаря возможностям трудовых миграций в Московскую столичную агломерацию. Однако во многих городах и поселках Урала, Поволжья и Сибири, особенно периферийных, где нет условий для подобной мобильности, повышенный уровень безработицы сохранится надолго, она может стать застойной. Кризис еще раз показал, что низкая мобильность — один из сильных барьеров на пути модернизации человеческого капитала в России.

В динамике **заработной платы и доходов населения** видно значительное различие между кризисами — нынешним и 1990-х годов. Небольшой спад доходов населения и заработной платы летом (на 5 проц. в августе 2009-го в целом по стране) был преодолен к концу года, а в январе–феврале 2010-го доходы населения выросли на 7 проц. (к аналогичному периоду 2009 года). Федеральные власти использовали финансовые резервы, чтобы повысить пенсии и другие социальные выплаты; в 2009-м социальные пособия насе-

регионах Дальнего Востока, слабо затронутых кризисом и получавших большие трансферты из федерального бюджета. Самые высокие темпы роста доходов населения в 2009 году отмечены в Москве — на 16 проц. к 2008-му. Есть два объяснения опережающего роста доходов населения столицы — институциональное (когда мировые цены на нефть растут, доходы от ее экспорта концентрируются в Москве благодаря «столичной ренте») и чисто статистическое (эффект базы, обусловленный методикой дооценки доходов населения) ⁵.

Динамика номинальной заработной платы (без учета инфляции) слабо коррелирует с динамикой денежных доходов населения. Например, Москва не выделялась быстрым ростом заработной платы, что подтверждает «статистическую» версию роста доходов столичных жителей. Лидерами в 2009 году оказались слабо развитые республики Юга и Сибири с высокой долей федеральных трансфертов, которые направлялись на повышение оплаты труда в отраслях бюджетной сферы. Рост заработной платы, хотя и

медленный, фиксируется с осени 2009-го в большинстве регионов.

Динамику потребления отражает показатель **оборота розничной торговли**. Его объемы в реальном выражении сократились за 2009 год на 5 проц., и, несмотря на рост заработной платы и доходов осенью 2009 года и в начале 2010-го, потребление выросло незначительно (на 1 проц. за первый квартал 2010 года). Сжатие потребления было более заметным в регионах с сильным промышленным спадом, в нефтегазодобывающих регионах (из-за уменьшения премий и бонусов, которые в этой отрасли превышали постоянную часть заработной платы) и в регионах с крупными агломерациями, где кризис негативно повлиял на доходы занятых в секторе услуг и малом бизнесе.

По мнению экспертов, с весны 2009-го в России возобладала стратегия сберегающего потребительского поведения домашних хозяйств, что препятствует росту спроса на внутреннем рынке. Бизнес предпринимает попытки вновь раскрутить потребительское кредитование, стимулировавшее спрос в последние годы перед кризисом. Пока трудно оценить, насколько коротка память у россиян. Но можно предполагать, что она окажется «длиннее» в крупных региональных центрах и «богатых» моногородах с экспортной промышленностью, особенно металлургических, где многие набрали большие кредиты и с трудом возвращали их в период кризиса (наиболее тяжелыми были проблемы возврата жилищных кредитов в Магнитогорске).

Ненадолго отложенный кризис: бюджеты регионов

Лучшим доказательством того, что Россия — «тихая гавань» в океане мирового кризиса, служат **доходы бюджетов регионов**. В 2009 году они сократились только на 4 процента. Причина устойчивости та же, что и в

доходах населения, — резкий рост финансовой поддержки из федерального бюджета. В острой фазе кризиса объем безвозмездных поступлений (трансфертов) из федерального бюджета увеличился в полтора раза (январь—август 2009 года к январю—августу 2008-го). Во второй половине года ситуация стабилизировалась: прекратился промышленный спад, и благодаря росту мировых цен на сырье немного выросли поступления налога на прибыль в бюджеты регионов. У федеральных властей появилось ощущение, что самое трудное позади, и объем трансфертов из федерального бюджета был сокращен. В целом за год трансферты выросли на 34 проц., что составляет огромную сумму в 400 млрд рублей.

Масштабная помощь смягчила кризисные риски, но в результате резко выросла зависимость регионов от федерального бюджета: доля трансфертов в доходах бюджетов субъектов РФ увеличилась с 19 проц. до 27 процентов.

Зависимость бюджетов регионов от федеральных трансфертов росла и в предшествующие два года — это закономерное следствие централизации возросших поступлений сырьевых налогов и последующего перераспределения финансовых средств. Данная тенденция еще более усугубилась, поскольку из-за кризиса резко сократились поступления налога на прибыль, важнейшего для развитых регионов. В первом квартале 2009 года сокращение было двукратным (на 55 проц.), а по итогам года — на 39 проц., то есть «дно» уже пройдено. Однако региональные различия в динамике налога на прибыль за 2009 год огромны: на Сахалине его поступления выросли в 1,8 раза благодаря растущей добыче нефти и газа, а в регионах металлургической специализации (Вологодской, Челябинской, Кемеровской, Липецкой областях), которые более других пострадали от кризиса, сократились в 4—7

раз. Стабилизирующую роль сыграл налог на доходы физических лиц (НДФЛ), его поступления в 2009 году не изменились.

Кризис разделил регионы на две группы. Более чем в 50 субъектах РФ сохранилась положительная динамика доходов консолидированного бюджета, но при этом в подавляющем большинстве из них рост доходов обеспечивался за счет федеральных трансфертов. Только на Чукотке доходы бюджета выросли на 40 проц. благодаря введению в строй нового добывающего производства; в 8 раз выросли поступления от налога на прибыль. В Приморском крае доходы консолидированного бюджета выросли еще больше (на 45 проц.), но за счет федеральных трансфертов; при этом собственные (налоговые и неналоговые) доходы остались на уровне 2008 года.

В 30 регионах доходы бюджетов сократились, особенно заметно — в Москве, Тюменской и Вологодской областях (на 21–23 проц.) из-за резкого снижения поступлений налога на прибыль (до кризиса его доля в доходах бюджета этих регионов достигала 42–48 процентов). Для бюджетов Москвы и Тюменской области потери бюджета даже на четверть терпимы, так как в последние годы эти два субъекта РФ имели сверхдоходы. В Вологодской, а также в Челябинской, Астраханской, Кемеровской областях, где доходы сократились на 15–17 проц., «жировой» прослойки в бюджете не было, поэтому потери очень чувствительны. Чтобы адаптироваться к новым условиям, всем этим регионам пришлось урезать расходы.

Кризисный период, как лакмусовая бумажка, проявил эффекты и дефекты «ручного управления». Очень показательны **финансовые инструменты**, используемые для поддержки регионов; их стоит рассмотреть подробнее, ведь от политики федеральных властей зависит, какие стимулы будут соз-

даны для регионального развития. До кризиса важнейшей целью господдержки было выравнивание бюджетной обеспеченности; на эти цели направлялись дотации из Фонда финансовой поддержки регионов (ФФПР), которые рассчитываются по формуле и зависят от уровня экономического развития регионов. В кризисных условиях задача выравнивания отошла на задний план, что вполне объяснимо. В первой половине 2009-го объем дотаций на выравнивание даже снизился, небольшой рост начался только в более спокойной второй половине года. В целом за 2009 год дотации на выравнивание обеспечили только 6 проц. доходов бюджетов регионов.

Имеют ли другие виды трансфертов антикризисную направленность? Второй по объему вид перечислений — дотации на поддержку сбалансированности бюджетов регионов. Они выросли за 2009 год более чем в четыре раза и достигли половины объема тех средств, которые были выделены на выравнивание бюджетной обеспеченности. В отличие от дотаций на выравнивание, которые рассчитываются по формуле, дотации на сбалансированность выделяются преимущественно в «ручном режиме» и зачастую под влиянием лоббистов или политических факторов. Эти дотации составляют в среднем 3 проц. от доходов бюджета регионов, но в Чукотском АО — 32 проц., в Чечне — 27 проц., в Камчатском, Приморском краях, Калининградской области и Республике Мордовия — 11–15 процентов. Большие дотации на сбалансированность нельзя считать антикризисными, так как в 2009 году в вышеперечисленных регионах не было серьезного промышленного спада и налоговых потерь. Дополнительное финансирование выделялось для иных целей — поддержки особой экономической зоны (Калининград), строительства объектов для проведения саммита АТЭС (Владивосток), восполнения

потерь бюджета Чукотки после ухода оттуда «Сибнефти» и др. Не имеют антикризисной направленности и субсидии на реализацию федеральных целевых программ (ФЦП), на которые в среднем приходится 2 проц. доходов регионов. Наиболее велика их доля в доходах бюджетов тех самых регионов, которые получают особую федеральную поддержку: Чечни (26 проц.), Приморского края (21 проц.), Калининградской области (14 проц.) и, как ни странно, Калмыкии (14 проц.) и Еврейской автономной области (12 проц.).

Антикризисными являются и трансферты на поддержку занятости. Как уже отмечалось, перечисления на эти цели составили в среднем 2 проц. всех доходов бюджетов регионов в 2009 году; по сравнению с 2008-м они выросли в три раза. Используются два инструмента: субвенции на осуществление полномочий Российской Федерации в области содействия занятости населения (с 2007 года) и субсидии бюджетам регионов на реализацию дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда (новая анти-

“Для бюджетов Москвы и Тюменской области потери бюджета даже на четверть терпимы, так как в последние годы эти два субъекта РФ имели сверхдоходы”.

К антикризисным мерам можно отнести перечисления из Фонда содействия реформе ЖКХ. Эти средства, объем которых сопоставим с расходами на федеральные целевые программы (почти 2 проц. доходов бюджетов регионов), выделялись на ремонт и переселение из ветхого и аварийного жилья и способствовали поддержке строительной отрасли в регионах. Наиболее значительную роль трансферты из Фонда сыграли в доходах бюджетов 14 регионов (5–6 проц.), в основном расположенных в европейской части. Однако проблема ветхого и аварийного жилья более остра на востоке страны и в некоторых республиках Северного Кавказа.

Еще один вид антикризисной помощи — увеличение в 5,2 раза объемов поддержки малого и среднего предпринимательства и распространение этих трансфертов на все регионы страны (в 2008 году их получали 82 проц. регионов). Этот вид трансфертов распределяется более равномерно, но его объемы невелики — 0,3 проц. доходов бюджетов регионов.

кризисная мера). Сумма субвенций и субсидий на поддержку занятости покрывает почти все расходы на эти цели, из бюджетов регионов добавляется немного. Наиболее значительно (в 6–8 раз) выросли трансферты в тех регионах, где кризис резко усилил проблемы на рынке труда. До осени 2009-го масштабы антикризисной поддержки занятости из федерального бюджета были очень значительными, они достигали 4–7 проц. доходов бюджета Вологодской области (Северо-Запад), Ивановской, Владимирской, Орловской, Ярославской областей (Центр), Кировской, Ульяновской областей, республик Удмуртия и Чувашия (Приволжский ФО), Челябинской, Свердловской и Курганской областей (Урал), Алтайского края и Кемеровской области (Сибирь). Для слаборазвитых республик масштабы федеральной поддержки еще выше, но это следствие не кризиса, а долгосрочных проблем занятости.

Летом 2009-го ситуация на рынке труда немного улучшилась, и федеральные власти во второй половине года сократили объем

средств, выделяемых для поддержки занятости. По сравнению с данными за 8 месяцев, в целом за год доля этих трансфертов в доходах бюджетов сократилась почти во всех регионах страны, за исключением Самарской области, где сохраняется кризисное положение на рынке труда. В целом бюджетная политика в сфере поддержки занятости выглядит наиболее адекватной в региональном разрезе (средства выделялись с учетом состояния рынка труда регионов), если не принимать во внимание критерий

ется. Можно выделить регионы с особыми межбюджетными отношениями, которые обусловлены либо политическими приоритетами федеральных властей (Татарстан, Приморский край), либо обязательствами федерального центра по выплате дополнительных средств на объединение с автономными округами (Красноярский и Камчатский края), либо тем фактом, что (как в случае Чукотского АО) федеральному бюджету приходится компенсировать выпадающие доходы в связи с уходом зарегистрированной

“Помощь получали те, кто проявлял большую настойчивость. А регионы, которые проводили более эффективную антикризисную политику, оказались в дураках”.

эффективности (средства расходовались на поддержку занятости на неконкурентоспособных предприятиях).

Если проанализировать структуру федеральных перечислений в бюджеты субъектов РФ, то можно увидеть, что соотношения разных видов трансфертов индивидуальны для каждого региона. Например, в группе высокдотационных регионов, где основной выравнивающий инструмент — дотации из ФФПР, Чеченская Республика получала дополнительную помощь в виде дотаций на сбалансированность и субсидий на реализацию ФЦП, значительно превосходящую по объему дотации на выравнивание. Особая финансовая поддержка республики обусловлена политическими причинами, выделяемые «в ручном режиме» дополнительные федеральные трансферты обеспечивают объем доходов ее бюджета, сопоставимый с бюджетами Ставропольского края и Республики Дагестан, хотя население этих регионов в 2,2 раза больше.

В группах средне- и более развитых регионов структура перечислений из федерального бюджета также существенно различа-

ется здесь компании «Сибнефть», применявшей схемы налоговой оптимизации.

Преимуществом ручной системы управления является гибкость, необходимая в острой фазе кризиса, но одновременно такая система оказывает развращающее воздействие на региональные власти, наказывая невиновных и награждая непричастных. Распределение федеральных трансфертов во многих случаях было обусловлено не острой кризисных проблем регионов, а давлением лоббистов и политическими предпочтениями. В конечном итоге помощь получали те, кто проявлял большую настойчивость. А регионы, которые проводили более эффективную антикризисную политику и оптимизировали расходы, оказались в дураках.

Федеральные власти понимают неэффективность сложившейся системы перераспределения для модернизации страны, но они не могут ее изменить в существующих институциональных условиях (давления лоббистских групп и приоритета политических задач над собственно экономическими). В результате был выбран самый простой путь экономии бюджетных расходов — сокраще-

ние трансфертов в 2010 году на 20 процентов. Это означает, что большинство регионов, которые пока еще не почувствовали на себе воздействие бюджетного кризиса, столкнутся с ним вплотную в текущем году. Это и есть отложенный кризис, который придется решать уже не столько путем рациональной оптимизации, сколько с помощью жесткого сокращения бюджетных расходов.

Еще один отложенный кризис — **долговой**. В трети регионов долг превышает 30 проц. собственных (налоговых и неналоговых) доходов консолидированного бюджета, а в Московской области достигает 64 проц. и продолжает расти. Власти Московской области вели безответственную политику, раздавая бюджетные гарантии по сомнительным и частично разворованным кредитам областного инвестиционного фонда, и для того, чтобы избежать дефолта по огромным долговым обязательствам (162 млрд руб.), федеральный бюджет несколько раз «вручную» выделял области дотации на сбалансированность. В результате с помощью ручного управления удалось «выручить» плохой менеджмент. Но этот механизм не может системно решить проблемы долга для инвестиционно активных регионов, которые до кризиса брали кредиты на инфраструктурные инвестиции в особые зоны и технопарки (Калужская, Томская, Калининградская области, Республика Татарстан и др.)⁶. Нерешенность проблемы долга усугубляет и без того напряженное положение бюджетов регионов, которым в 2010 году предстоит 20-процентное сокращение федеральных трансфертов и придется изыскивать финансовые ресурсы для выполнения социальных обязательств. Но главное то, что «наказаны» в первую очередь как раз те регионы, которые стремились модернизировать экономику.

Важное направление модернизации — повышение эффективности **расходов бюджетов** регионов. Однако кризисный 2009 год

в большинстве регионов не стимулировал такую политику. Суммарные расходы консолидированных бюджетов регионов росли до августа (на 4 проц.), а по итогам 2009-го сохранились на уровне 2008 года. Рост продолжался в 64 регионах из 83 и более всего там, где кризис почти не ощущался: в Ингушетии (в 1,7 раза), Дагестане, Адыгее и Приморском крае (на треть); увеличение расходов во всех случаях было обеспечено федеральными трансфертами. Высокие темпы роста расходов наблюдались и в других слабо развитых регионах, а также в некоторых областях Центральной России. Существенно сократились расходы бюджета только в развитых регионах, где произошел обвал поступлений налога на прибыль: в Ханты-Мансийском АО, Тюменской и Челябинской областях (на 16–19 проц.), в Москве (на 12 проц.; сокращение было бы более значительным, если бы не заимствования (Москва каждый год берет займы на рынке), Санкт-Петербурге и Свердловской области (на 9 процентов).

Реакцией на кризис стало общее сокращение расходов на ЖКХ на 16 проц., хотя в половине регионов они выросли благодаря трансфертам из Фонда содействия реформированию ЖКХ. В текущем году масштабы трансфертов будут меньше, поэтому еще более сократятся и расходы. Проблема в том, что сокращение расходов без реформирования ЖКХ ведет только к росту протечек, аварий и обветшанию жилфонда. Пытаясь решить проблему, многие регионы резко повысили тарифы на ЖКХ для населения в начале 2010 года (без реформирования неэффективных локальных монополий), но федеральные власти резко отреагировали на такие решения, понимая их политические риски. В результате недофинансирование растет, но стимулов для модернизации отрасли не создано. Несущественно сокращались расходы на госуправление, которые

в кризисный период необходимо уменьшать в первую очередь. В целом по стране расходы на госуправление сократились на 4 проц., но почти в половине регионов (в 39 из 83) они продолжали расти (при расчетах исключалось обслуживание долга). «Чемпионами» расточительности оказались Ингушетия (рост расходов на госуправление в 2,5 раза), Камчатский край (на 52 проц.), Республика Карачаево-Черкесия (36 проц.), Тыва и Санкт-Петербург (24–26 процентов). В Самарской области, несмотря на остроту кризиса и высокие темпы промышленного спада, расходы на госуправление выросли на 17 процентов. Новый бронированный «Мерседес» самарского губернатора и оплата самолета для еженедельных поездок в Москву на выходные дорого обошлись бюджету. Из других регионов, где произошел сильный промышленный спад, резко увеличили расходы на госуправление Новгородская и Тверская области (на 20–22 проц.). В Москве, несмотря на сокращение доходов бюджета почти на четверть, расходы на госуправление почти не изменились по сравнению с 2008 годом; власти города на этом не сэкономили. Лишь в нескольких развитых регионах с сильным спадом доходов бюджета (Ямало-Ненецкий АО, Свердловская, Кемеровская, Тюменская, Челябинская области) кризис вынудил сжать на 15–27 проц. раздутые расходы на бюрократию. Вряд ли эта картина существенно изменится даже при жестких бюджетных ограничениях 2010 года.

Расходы «на национальную экономику» также выросли более чем в половине регионов (в 49 из 83). Здесь другие «чемпионы» — Дагестан (в 2,4 раза) и Приморский край (в 2,3 раза), где бюджетные средства по максимуму вкладываются в подготовку Владивостока к саммиту АТЭС. Далее следуют республики Бурятия, Калмыкия, Ингушетия, Адыгея, Северная Осетия,

Чечня (1,5–1,8 раза), а также Ярославская область, которая готовится к 1000-летию Ярославля. В других регионах, где юбилеев не было, местные власти воспользовались щедрыми федеральными трансфертами для расточительных инвестиций из бюджетов. Резкое сокращение этого вида расходов (на 30–40 проц.) произошло только в регионах с сильнейшим спадом доходов бюджета — в Самарской, Челябинской, Свердловской областях, Ханты-Мансийском АО и Москве. В Омской области и Чувашии снижение расходов на национальную экономику обусловлено высокой долговой нагрузкой. По оценкам ФБК, в 2010 году расходы бюджетов регионов на национальную экономику сократятся на треть⁷, и этот «холодный душ» — также проявление отложенного кризиса.

В кризис неизбежно усиливается социальная ориентация бюджетов субъектов РФ, но при этом регионы уделяют разное внимание задачам воспроизводства человеческого капитала (образование, здравоохранение) и социальной защиты населения. Расходы на образование продолжали расти, динамика по регионам почти не отличалась от динамики всех расходов бюджетов или была более позитивной. Исключений немного. В Приморском крае при росте всех расходов бюджета на треть образование и здравоохранение оказались «пасынками», и соответствующие расходы увеличились только на 5–7 проц. по сравнению с 2008 годом, то есть рост оказался ниже уровня инфляции. В Красноярском крае эти расходы сократились, несмотря на 11-процентный рост всех расходов бюджета. Самый значительный разрыв — в Татарстане, где расходы на образование уменьшились на 21 проц. при росте всех расходов бюджета на 4 процента. Решения региональных властей позволяют судить об их реальных приоритетах.

Расходы на здравоохранение пострадали от кризиса в большей степени, хотя следу-

ет отметить, что в расчетах учтены только бюджетные расходы без финансирования из территориальных фондов обязательного медицинского страхования. Для половины регионов рост расходов на здравоохранение в предкризисные годы (в том числе за счет реализации нацпроекта «Здоровье») оказался неустойчивым и в 2009 году сменился спадом. В сильно пострадавших от кризиса Самарской, Свердловской и Челябинской областях бюджетные расходы на здравоохранение сократились на четверть. Наоборот, в самых проблемных республиках

Ингушетии на социальную политику составляла только 30 проц. (в других регионах 70–80 проц.), а в 2009-м власти республики навели элементарный порядок и повысили эту долю до 88 процентов. Если меньше «пилить», то деньги на социальные выплаты находятся.

Трансферты из федерального бюджета на социальные выплаты населению выделялись с приоритетом для федеральных категорий льготников, численность которых немного больше, чем региональных. Софинансирование выплат региональным

“Отвечая за «своих» льготников, федеральный центр в 2009 году постепенно перекладывал проблемы поддержки региональных льготников на бюджеты регионов”.

Северного Кавказа (Чечня, Ингушетия) они выросли в 1,4–1,6 раза, а в некоторых регионах Дальнего Востока — на 25–33 проц. (Чукотский АО, Камчатский край, Амурская область). В 2010-м снижение бюджетных расходов продолжится, а при невысоком уровне финансирования здравоохранения трудно рассчитывать на устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни и позитивную динамику других социально-демографических индикаторов.

Наиболее стабильно и масштабно росли расходы на социальную политику, которая включает социальную защиту населения и поддержку занятости, и особенно на социальные выплаты населению. Только в трех регионах эти расходы либо сократились, либо не увеличились по сравнению с 2008 годом (Сахалинская область, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий АО и др.). Уникальна ситуация в Ингушетии: при росте социальных выплат населению в 2,3 раза расходы на социальную политику сократились почти на четверть. Дело в том, что в 2008 году доля пособий населению в расходах бюджета

категориям льготников выросло несущественно (на 4–7 процентов). Это означает, что, отвечая за «своих» льготников, федеральный центр в 2009 году постепенно перекладывал проблемы поддержки региональных льготников на бюджеты регионов, хотя в предыдущие годы слабо- и среднеразвитым регионам оказывалась значительная помощь из федерального бюджета. В 2010 году из федерального бюджета будут софинансироваться только меры по поддержке самой немногочисленной категории региональных льготников — пострадавших от репрессий, а остальные виды помощи (выплаты детских пособий, пособий ветеранам труда и труженикам тыла) регионы должны финансировать сами. Фактически под прикрытием кризиса предпринята еще одна попытка реализации 122 Федерального закона, известного как закон о «монетизации льгот», основное содержание которого сводится к разграничению полномочий по социальной защите между бюджетами разного уровня.

В результате получается, что если раньше федеральный центр протягивал регионам

руку помощи, то в 2010 году большинство из них оказались в «ежовых рукавицах». Из-за сокращения федеральных трансфертов им приходится принимать тяжелые решения в социальной сфере: урезать финансирование бюджетных учреждений образования и здравоохранения (поскольку зарплаты резать нельзя, большинство регионов пойдет по пути оптимизации, а точнее, сокращения сети учреждений) и искать средства на социальные выплаты региональным категориям льготников. Эти выплаты вряд ли будут индексироваться, а некоторые регионы уже попытались оптимизировать число получателей (в частности, Калининградская область попробовала сократить расходы на поддержку ветеранов труда). Предстоят тяжелые «позиционные бои» с собственным населением, причем ответственность за их исход придется нести региональным властям. При этом в случае роста социального напряжения в отдельных регионах федеральный «ларчик» с трансфертами, по всей видимости, вновь откроется пошире: хотя денег жалко и они нужны для выплат пенсий и подготовки

Олимпиады, ради политической стабильности Кремль готов потратиться.

Но основной тренд будет иным.

Примером могут служить изменения социальной политики, предпринятые московскими властями после того, как в результате кризиса доходы огромного столичного бюджета сократились на 22 проц. — с 1,3 трлн руб. в 2008 году до 1,0 трлн руб. в 2009-м (см. подверстку на с. 94).

Модернизация в регионах: настоящих буйных мало?

Чтобы оценить стартовую позицию для столь необходимой России модернизации, подведем итоги кризисного 2009 года. Они таковы:

- острая фаза кризиса в промышленности закончилась, но восстановление нестабильно и медленнее всего идет в регионах машиностроительной специализации;
- экономика России и ее регионов в период кризиса стала еще более сырьевой;
- инвестиции «лежат на дне» во всех регионах, кроме тех, где имеются политически

Изменения социальной политики в столичном регионе

Доля расходов на социальную политику достигла исторического максимума — 16 проц. всех расходов московского бюджета (в 2008 году — 11 процентов). Городские власти потратили на социальную политику 181 млрд руб.; почти половина из этой суммы (82 млрд руб., или 8 проц. всех расходов бюджета) пошла на доплаты пенсионерам (так называемая «московская надбавка» к пенсии). Объем московских доплат к пенсиям сопоставим с бюджетом крупного региона страны. Отменить доплаты по политическим причинам невозможно, поэтому столичные власти начали искать обходные пути. Сначала с помощью федеральных налоговых органов были выявлены все работающие пенсионеры, которым не положена надбавка к пенсии, и хотя эта мера позволяла властям города сэкономить не более 4—5 млрд руб., им предложили вернуть

выплаченные надбавки. Попытка закончилась публичным скандалом. Затем предпочтение было отдано непубличному, но эффективному для бюджета способу — постепенному снижению размера прожиточного минимума для столичных пенсионеров, от которого рассчитывается надбавка. В конце 2009 года прожиточный минимум для трудоспособных москвичей был выше среднего по стране в полтора раза, а для пенсионеров — только на 13 процентов. Пример Москвы показывает, что в условиях кризиса социальные обязательства, основанные на категориальном принципе, а не на реальной нуждаемости (термин, определяющий малоимущее население), трудно выполнить даже в сверхбогатом регионе. Однако власти столицы не реформируют социальную политику, а потихоньку ее «переформатируют» для минимизации расходов бюджета.

приоритетные проекты федеральных властей, и нефтегазодобывающих регионов с новыми месторождениями;

- спад жилищного строительства продолжается, ощутимее всего он отразился на ведущих рынках жилья;
- в регионах, сильнее всего затронутых кризисом, велика скрытая безработица, которая в 2010 году начала переходить в открытую форму и зачастую приобретает застойный характер;
- не произошло санации неэффективных рабочих мест, почти не создаются новые рабочие места;

отложено. Результат — временная стабилизация без модернизации, кризис не помог преодолеть институциональные барьеры, препятствующие повышению качества государственного управления.

Впрочем, данный вывод справедлив в отношении не всех регионов: часть из них, хотя и небольшая, раньше и быстрее начала адаптироваться к жестким ограничениям, создавая условия для модернизации. Это те регионы, которые пережили сильный спад доходов бюджета в 2009 году, не полностью компенсированный федеральными трансфертами. Однако далеко не все, кто

“Часть регионов, хотя и небольшая, раньше и быстрее начала адаптироваться к жестким ограничениям, создавая условия для модернизации”.

- доходы населения удалось сохранить благодаря росту на треть социальных выплат из бюджета и повышению пенсий, но устойчивого роста доходов нет, особенно в регионах, сильно затронутых промышленным кризисом, а также в крупных городах;
- бюджеты почти 2/3 регионов в 2009 году не почувствовали кризиса, их доходы росли, что стимулировало неэффективные расходы (в первую очередь рост расходов на госуправление), и только в 2010-м эти регионы получили тяжелую встряску и начали медленно адаптироваться к жестким бюджетным ограничениям;
- федеральная политика не стимулировала сокращение неэффективных расходов региональных бюджетов; трансферты выделялись в «ручном режиме» под сильным влиянием лоббистов; власти руководствовались не антикризисными, а политическими приоритетами.

Итак, многие кризисные проблемы «залили» деньгами из бюджета, их решение было

оказался в таком положении, избрал путь, ведущий к модернизации, — достаточно вспомнить пример Москвы. Одних стесненных обстоятельств оказывается недостаточно, нужна вторая составляющая, и в некоторых субъектах Федерации она есть — это сложившаяся еще до кризиса политика, направленная на повышение конкурентных преимуществ региона и санацию неэффективных расходов. При проведении такого курса кризис расчищает поле возможностей и создает предпосылки для модернизационного развития. Представляется, что именно по такому пути движутся Пермский край, Томская, Калужская, Свердловская, Ленинградская области и еще несколько регионов, которым кризис дает реальный шанс уйти в отрыв. Таким образом, реальный запрос на модернизацию, хотя и точечный, формируется именно снизу, в регионах.

Как известно, «согласие есть продукт непротивления обеих сторон...». Без взаимодействия Центра и регионов модернизация

вряд ли осуществима. Регионов, готовых к реальной модернизации, немного, но, судя по всему, еще меньше готова идти по этому пути (не на словах, а на деле) федеральная власть. Политика продвинутых регионов

может стать стимулом для изменения ситуации, но для этого регионы должны иметь более широкие полномочия, чтобы реализовать свои конкурентные преимущества, в том числе и в качестве управления. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Обзор социальной политики в России: начало 2000-х / Под ред. Т.М. Малевой. М.: НИСП, 2007.

² Численность занятых на общественных работах дается нарастающим итогом за год, а не на момент измерения, поэтому вклад общественных работ в рассчитанный автором суммарный показатель уровня безработицы (открытой и скрытой) завышен.

³ См.: Выступление на заседании Совета законодателей. Москва. 28 дек. 2009 года (<http://news.kremlin.ru/transcripts/6497>).

⁴ Рассчитан по данным Росстата, которые начали публиковаться с 2009 года.

⁵ В методике дооценки доходов населения балансовым методом учитывается обмен валюты; москвичи наиболее активно избавлялись от рублей в период девальвации, что искусственно занизило доходы населения и создало эффект низкой базы при сопоставлениях с 2009 годом.

⁶ Попадание в группу долгового риска слабо-развитых республик и Чукотского АО обусловлено эффектом базы: их доходы (без учета трансфертов из федерального бюджета) невелики, поэтому при сопоставлении с доходами даже относительно небольшой объем долга становится значительным.

⁷ *Письменная Е.* Долги вместо инвестиций // Ведомости. 2010. 20 апр.

«Глиняные ноги» партии власти

Чем обусловлены проигрыши «Единой России» на местных выборах 2008—2010 годов: кризисом в обществе или самой ее природой?

Олег Подвинцев

Характерные черты нынешнего политического режима в России и перспективы его дальнейшей трансформации во многом можно понять, рассмотрев и проанализировав реальные возможности пресловутой партии власти. Наименее изученным с этой точки зрения представляется развитие политических процессов и электоральных практик на локальном уровне.

Попытки «Единой России» (ЕР) повлиять на исход выборов на локальном уровне, в частности на результаты выборов глав муниципальных образований, путем поддержки тех или иных кандидатов последние несколько лет во многих регионах оказывались недостаточно результативными. До 2008 года подобную неудачу можно было объяснить тем, что процесс становления партии еще не завершен: партия власти строится сверху вниз, а монополизация политического влияния и управленческих процессов, к которой она, по сути, стремится, будет последовательно распространяться с одного уровня на другой — с федерального на региональный, с регионального на локальный. К 2008-му на федеральном, а в значительной степени и на региональном уровнях эти цели были достигнуты, но вместе с тем осенью того же года «Единая Россия» в некоторых регионах потерпела ряд ощутимых поражений именно на местных выборах, прежде всего на выборах глав местного самоуправления. То же самое повторилось и в марте 2009

года. По итогам осеннего пула голосований 2009-го также нельзя было говорить об изменении наметившейся тенденции, несмотря на скандальный успех ЕР на выборах представительных органов некоторых субъектов Российской Федерации. По окончании мартовских выборов 2010 года данная тенденция стала еще более явной.

Основное внимание комментаторов привлекли неудачи партии власти на выборах градоначальников областных центров: Мурманска и Смоленска в марте 2009-го, Иркутска в марте 2010 года. Последнее разгромное поражение со всей очевидностью показало, что отныне снятие с дистанции неугодных соперников не приводит к увеличению доли голосов, подаваемых за официального ставленника «Единой России», а скорее, напротив, может способствовать ее сокращению. Безусловно, сам по себе сбой в работе подобных технологий весьма симптоматичен.

Тем не менее, с нашей точки зрения, гораздо примечательнее количество проигрывшей кандидатов-единороссов на выборах глав не столь крупных, не обладающих столичным статусом муниципальных образований. По ряду причин сравнительный статистический анализ проигрывшей и побед кандидатов от «Единой России», например, в 2005—2007 годах и в последние пару лет, затруднителен и малопродуктивен. Однако с уверенностью можно утверждать, что число таких поражений на выборах глав муници-

пальных образований оказалось значительно больше, чем ожидали, в том числе и руководители самой партии власти.

Черeda поражений

Только в Пермском крае кандидаты, выдвинутые или поддержанные «Единой Россией», в октябре 2008 — марте 2010 года потерпели неудачу на выборах глав в городах Краснокамске, Чусовом, Кизеле, Чермозе, Добрянке, в Куединском, Соликамском, Чердынском, Александровском, Бардымском, Еловском районах, в городе Чайковском и в Чайковском районе.

В Свердловской области принципиальным стало сокрушительное поражение осенью 2008-го кандидата от «Единой России» на выборах главы Нижнего Тагила — второго по величине города региона, а также проигрыш на выборах мэров Алапаевска и Дегтярска. За этим последовало поражение в марте 2009 года ставленников партии власти еще в ряде мест — в Реже, Краснотурьинске, Ирбите и Сысерти. Как отмечают эксперты, число таких случаев, вероятно, было бы гораздо большим, если бы в Свердловской области выборы глав муниципальных образований проводились, как в Пермском крае: не по простой, а по сложной мажоритарной системе, предусматривающей возможность второго тура голосований¹. Наконец, в марте 2010-го, уже при новом губернаторе региона, выдвиженцы от «Единой России» проиграли во всех четырех муниципальных образованиях, где проходили выборы глав.

В некоторых случаях проигрыш кандидата от партии власти был разгромным, иногда кандидат-единоросс оказывался по итогам голосования лишь на третьем-четвертом месте и зачастую уступал сопернику, находившемуся в условиях избирательной кампании в заведомо неравном положении. В Челябинской области значительный общественный резонанс и язвительные ком-

ментарии информагентств в марте 2009 года стали причиной поражения кандидата от ЕР на пост главы города Трехгорный, получившего 36,35 проц. голосов². На внеочередных выборах главы Калачевского муниципального района Волгоградской области, состоявшихся в июне 2009-го, кандидат-единоросс, несмотря на активную поддержку со стороны губернатора и руководства областной партийной организации, получил лишь 32,6 проц. голосов пришедших на выборы избирателей, в то время как победивший представитель «Справедливой России» — 55 процентов. Сенсационными стали результаты прошедших тогда же выборов главы подмосковного Звездного городка, на которых с результатом 82,61 проц. голосов победу одержал находящийся под следствием Николай Рыбкин, а противостоявший ему представитель «Единой России» заручился поддержкой всего 11 проц. пришедших на выборы избирателей.

Появились и территории, где ЕР стала уже регулярно проигрывать местные выборы. Так, в течение года с небольшим ставленники партии власти одну за другой проиграли три избирательные кампании в городе Чайковский Пермского края. Сначала в октябре 2008-го выборы главы Чайковского городского поселения, затем в марте 2009 года выборы главы Чайковского муниципального района (основная часть жителей которого сосредоточена в том же городе). И наконец, в декабре 2009-го вновь выборы главы городского поселения, проводившиеся по той причине, что летом дума города Чайковского по инициативе губернатора Олега Чиркунова досрочно отправила действующего мэра в отставку.

В целом география поражений кандидатов от «Единой России» на выборах глав отдельных муниципалитетов уже весной 2009 года была обширна — от Калининградской области (Гурьевский и Озерский районы) на запа-

де до Приморского края (Партизанск) на востоке и Ростовской области на юге. В последней кандидат от ЕР в марте 2009-го пусть и с небольшим отставанием, но проиграл выборы главы сотысячного Новошахтинска, а в марте 2010 года выдвиженец партии власти на выборах главы 170-тысячного Новочеркасска уступил уже со значительным отрывом сопернику-коммунисту и показал ненамного лучший результат, чем представитель «Справедливой России».

В ряде случаев ставленники партии власти потерпели поражение на выборах глав муниципальных образований даже в «электорально управляемых», по определению экспертов, регионах. Например, в октябре 2009-го оппозиционный кандидат уверенно победил соперника-единоросса на выборах главы города Карачаевска в Карачаево-Черкесии³. В этом ряду следует упомянуть и беспрецедентные нарушения, на которые решились в ходе выборов главы дагестанского Дербента сторонники кандидата от «Единой России», чтобы обеспечить его победу, но которые в конечном счете привели к отмене результатов голосования.

Таким образом, итоги избирательных кампаний с осени 2008-го по весну 2010 года позволяют сделать вывод о нарастании у «Единой России» проблем на выборах глав муниципалитетов.

При этом не стоит недооценивать значимость выборов глав муниципальных образований, зачастую они имеют принципиальное значение. Явка избирателей на них, как правило, уступает явке на федеральные выборы, в том числе на выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ, но у общественно активной части населения они вызывают, возможно, даже больший интерес. Кроме того, речь идет о власти, которая находится ближе всего к жителям той или иной территории и, соответственно, наиболее им знакома.

Сбой на локальном уровне

Итоги мартовских, 2009 года, выборов, в том числе и местного уровня, вызвали прилив энтузиазма у критически настроенных по отношению к институту партии власти экспертов. Александр Кынев даже заявил, что результаты региональных и местных выборов, состоявшихся 1 марта 2009-го, позволяют говорить о «начале конца «Единой России»», и сравнил их с выборами народных депутатов СССР в 1989 году, «ставшими точкой отсчета падения монополии КПСС на власть в стране»⁴. Результаты голосования удивили также и западных наблюдателей, впрочем, как правило, плохо знакомых с тем, что собой представляют и как протекают политические процессы в России на региональном и тем более на локальном уровне. Так, корреспондент «Вашингтон пост», комментируя проигрыш кандидата от «Единой России» на выборах главы Можайского района Московской области, отмечал: «Неожиданная победа Белановича (независимого кандидата-эколога. — О.П.) демонстрирует, что в России до сих пор возможно одержать верх над правящей партией Путина на выборах в местные органы власти»⁵.

Подобные суждения и оценки, на наш взгляд, по сути верны, но содержат в себе некоторое преувеличение. «Единая Россия» все же никогда не была прямым аналогом КПСС, и вопрос заключается в том, могла ли (или может ли) она стать таковым. Исходя из этого, достаточно поверхностной представляется и позиция экспертов, которые связывали неудачи партии власти в течение рассматриваемого периода исключительно с возникшими экономическими проблемами и всплеском недовольства среди населения и которые полагали, что единороссы смогут купировать эти тенденции с помощью новых институциональных ухищрений (отмена регистрации кандидатов по залогу, отстране-

ние общественных объединений от участия в местных выборах и т. д.)⁶. На самом деле необходимо выяснить, насколько поражения, которые «Единая Россия» несет на местных выборах с конца 2008 года, отражают кризис в обществе и, соответственно, рост протестных настроений, а насколько они обусловлены природой самой партии власти, пределами ее возможностей, ее внутренними противоречиями.

С нашей точки зрения, есть все основания полагать, что последний фактор имеет немаловажное значение. Становление партии власти — не причина, а следствие изживания публичной политической конкуренции, в том числе (а быть может, и прежде всего) при проведении выборов. Наиболее

давления, ресурсы которого тем мощнее, чем выше уровень принятия решения.

Однако подобные механизмы эффективны только при наличии ряда условий, к которым относятся: ограниченное число предвыборных ситуаций и задействованных в них основных акторов, сосредоточение ключевых (административных, информационных, финансовых) ресурсов в одних руках и возможность конвертировать эти ресурсы в конкретный электоральный результат. Такие условия сложились в период президентства Владимира Путина на федеральном уровне и до некоторой степени на региональном (в различных субъектах РФ по-разному). Но подобные условия фактически невозможны на локальном уровне, если там существует

“Становление партии власти — не причина, а следствие изживания публичной политической конкуренции, в том числе при проведении выборов”.

влиятельные акторы заранее «разруливают» ситуацию, сводя собственно электоральное соперничество к минимуму. Делается это и путем силового давления, и путем торга, одной из площадок которого становятся структуры «Единой России». Те, кто уже обладает властным ресурсом того или иного уровня, имеют в данном случае несомненные преимущества. Как правило, только позиция руководителей более высокого ранга может существенно повлиять на их шансы получить партийную поддержку в качестве кандидатов на выборах (либо рассчитывать на поддержку своих ставленников). Тем не менее процесс принятия решения так или иначе включает в себя серию неформальных внутриэлитных переговоров и компромиссов, и лишь в отношении тех потенциальных претендентов на выборный пост, с кем не смогли или не захотели прийти к соглашению, применяется вся сила административного

конкурентная среда и выборы проводятся на альтернативной основе.

Речь идет не только о том, что количество предвыборных ситуаций в данном случае достаточно велико, равно как и число конкретных акторов, что парализует процесс централизованного принятия решений. Дело еще и в том, что перечисленные выше ресурсы на местном уровне имеют меньшее значение и возможности для их конвертации ограничены.

Так, при выборах главы небольшого города монопольное влияние на единственный местный телевизионный канал не имеет столь уж принципиального значения, если рейтинг этого канала низок, а местные новости и комментарии к ним распространяются преимущественно через неформальные сети. Попытки в локальных условиях с помощью телевизионного воздействия сформировать у избирателей

некие представления и образы, которые противоречат их личному опыту, рискованны и вполне могут привести к противоположному результату. Примером может служить ситуация на выборах главы Чусовского городского поселения (Пермский край) осенью 2008 года, когда представители градообразующего предприятия, действуя под флагом «Единой России», стремились не допустить избрания Виктора Бурьянова, который ранее (вплоть до 2006-го) возглавлял Чусовской район. Исследовательница Оксана Рябова, основываясь на собственном включенном наблюдении, отмечает: «Показываемые по местному телевидению душераздирающие программы о периоде деятельности прежней (бурьяновской) власти как о временах разрухи и упадка для Чусового, с красочным названием “Город, который мы потеряли” ... достигали скорее обратного эффекта: воспоминания о том времени были еще свежи, и они говорили о том, что отнюдь не все было так плохо. Такие приемы заводской команды скорее разозлили колеблющуюся часть электората и заставили ее склониться на сторону Бурьянова»⁷. С другой стороны, грамотно составленные информационные листовки в условиях малого города могут иметь не меньший эффект, чем та или иная телевизионная передача.

Нехватка квалифицированных кадров, грамотных и опытных специалистов, которая ощущается в большинстве муниципалитетов, зачастую не позволяет в полной мере задействовать в предвыборных целях управленческую вертикаль. Вряд ли будет эффективным давление по административной линии на главврача районной больницы или директора местной школы, если этот врач или директор давно уже грозит положить на стол заявление об уходе и перебраться в областной центр.

Многократное превосходство в финансовых ресурсах также может не играть особой роли, поскольку не только формальные, но и реальные возможности потратить эти средства на проведение избирательной кампании на данном уровне в ряде случаев ограничены. Здесь достаточно легко достичь того предела, перейдя который заказчик, сколько бы он дальше ни увеличивал финансирование, приобретает фактически один и тот же набор электоральных услуг без гарантии конечного результата.

Возможностей добиться под каким-либо предлогом снятия неугодных соперников с предвыборной гонки и тем самым расчистить путь своему ставленнику у партии власти и стоящих за нею сил на местных выборах меньше, чем на выборах регионального или федерального уровня. Во-первых, в каждом таком случае или, по крайней мере, в большинстве из них необходимо обеспечить своему выдвиженцу набор безопасных спарринг-партнеров, чтобы соблюсти видимость конкуренции и альтернативности выбора. Сама по себе подобная задача не так уж проста и требует значительных усилий и затрат. При этом избиратели могут настолько не принимать представителя партии власти, что они отдадут свои голоса любому альтернативному претенденту на замещаемый пост (вряд ли подобное можно ожидать, например, на президентских выборах). Среди упомянутых выше случаев есть примеры, когда на выборах глав муниципальных образований побеждали кандидаты, чьи шансы на старте кампании оценивались как ничтожные. Во-вторых, принятые в политических штабах единороссов решения о нейтрализации потенциально сильных соперников не обязательно будут исполнены. Руководители и члены местных избирательных комиссий от «Единой России» — люди с очень разными дружескими, деловыми, родственными связями, и партийная дисци-

плина среди них хромает ничуть не меньше, чем среди потенциальных кандидатов. Все это, безусловно, можно преодолеть с помощью чрезвычайного административного давления, но такое давление нельзя применять постоянно и повсеместно (исключение составляют лишь тоталитарные режимы).

В результате при проведении выборов в местные органы власти «Единая Россия» оказывается в непривычном для себя положении участника публичной и относительно равной политической борьбы. Как правило, структуры этой партии даже не пытаются подготовить своего собственного кандидата на пост главы местного самоуправления и, если четкая позиция на сей счет у вышестоящих властей отсутствует, выбирают из числа тех претендентов, которые уже определены (в настоящее время большинство из них, получив подобное предложение, не отвергает покровительство партии власти). Однако, когда ставка делается на бесспорного фаворита, значимость политического ресурса ЕР оказывается сомнительной, поскольку победа была бы одержана и без ее помощи. Связь с партией для такого кандидата — лишь выражение его лояльности вышестоящим властям, без чего в современных условиях можно и обойтись. Если же приходится выбирать из кандидатов с сопоставимыми шансами, риск поражения резко возрастает и становится очевидным, что «решающее слово» отнюдь не за «Единой Россией» (что так необходимо для сохранения статуса партии власти). Уже само по себе стремление «угадать» победителя, которое никак нельзя скрыть, поскольку оно требует времени и не только закулисных, но и публичных согласований, подрывает основу основ подобного рода партийных претензий. Не говоря уже о том, что в выборе можно ошибиться или, более того, своей поддержкой только навредить кандидату, заставив сплотиться против него основных соперников. Таким образом, у

внимательного наблюдателя способны лишь вызвать улыбку следующие рассуждения руководителя ЦИК «Единой России» Андрея Воробьева: «Примитивные технологии, которые работали 10–15 лет назад, сегодня, к счастью, не актуальны. Выборы начинаются не за 30 дней до дня голосования, а как минимум за полгода. Это время необходимо, чтобы подготовить своих кандидатов, выявить лучших и делегировать их на соответствующие позиции. Чтобы одни понимали, за кого голосуют, а другие сознавали полноту ответственности»⁸. На самом деле именно в силу того, что «примитивные технологии» оказываются «неактуальными», становится очевидной ограниченность собственно политических ресурсов «Единой России», особенно на местном уровне.

Избирательные технологии единороссов

Впрочем, и в отношении технологий все обстоит непросто. Проигрыши партии власти на муниципальном уровне нередко объясняют самоуверенностью ее представителей, технологической косностью, нежеланием прибегать к услугам профессиональных электоральных менеджеров. Все это тоже заложено в самой природе партии власти, которая по определению должна быть уверенной в своих силах, иначе основная мотивация участия в ней представителей политической элиты теряет смысл. Такая партия неизбежно будет отставать в развитии и использовании всех политических технологий, кроме административных, поскольку административный ресурс представляет собой основную гарантию ее существования. У этой партии неизбежно будут складываться сложные отношения с большей частью электоральных менеджеров только потому, что, помогая ей монополизировать политические процессы, они тем самым лишают себя перспектив дальнейшей работы.

Тот факт, что «Единая Россия» привлекает в свои ряды, уже после выборов, избранных глав и депутатов, которые обошли ее ставленников (многие из этих победителей в нынешних условиях уже состояли в ЕР раньше и были исключены за неподчинение партийной дисциплине), также не решает проблем партии власти на уровне муниципалитетов. Подобные действия результативны, если они применяются в исключительных случаях и могут быть представлены как временно допустимые отклонения от нормы. Превращаясь же в распространенную и постоянную прак-

не, а сохраняет полную зависимость от тех структур, которые обеспечивают ей особые условия существования. Выборы глав муниципальных образований в таких регионах превращаются в легитимирующий ритуал, с помощью которого вводятся в действие уже назначенные люди. Причем эти назначения практически во всех случаях исходят от региональных лидеров. Такая система не распространяется на все регионы современной России по той простой причине, что возможности формирования авторитарных лидерских режимов ограничены, да и в целом это

“На выборах в местные органы власти «Единая Россия» оказывается в непривычном для себя положении участника публичной и относительно равной политической борьбы”.

тику, они разрушают харизму партии власти и еще больше подрывают ее авторитет⁹. При этом руководство региональных отделений «Единой России» ориентировано именно не на реальный политический результат, а на создание его видимости. Как правило, их интересуют не причины, по которым потерпел поражение ставленник ЕР, а возможности представить поражение победой или почти победой.

Таким образом, лишь полное устранение реальной конкуренции на локальном уровне может стать гарантией того, что кандидаты от партии власти выиграют местные выборы, что и происходит в некоторых субъектах РФ. Но такая ситуация сложилась в них фактически без участия партии власти и зачастую задолго до ее появления. Она связана с особенностями внутрирегиональных политических режимов, которые носят персонафицированный характер и зависят от судьбы своих лидеров. А это означает, что «Единая Россия» в данном случае не становится самостоятельной силой, контролирующей политические процессы на локальном уровне

не отвечает интересам федерального центра, о чем, в частности, свидетельствует последняя практика подбора кандидатур на губернаторские должности.

Как стремление ограничить политическую конкуренцию на локальном уровне следует рассматривать попытки ряда глав субъектов РФ добиться перехода в своих регионах к пропорциональной или, по крайней мере, смешанной системе выборов представительных органов местного самоуправления и одновременно к выборам глав муниципальных образований из числа депутатов тех же представительных органов. Таким образом, они стремятся задействовать на локальном уровне те же способы политического манипулирования, что уже опробованы на федеральном и региональном уровнях. Тем не менее в данном случае проблема политических рисков для партии власти сохраняется, хотя и предстает в несколько измененном виде: число предвыборных ситуаций в какой-то мере сокращается (в связи с уменьшением избирательных округов), но зато значимость каждой из них возрастает. Относительная

неудача списка «Единой России» на выборах может привести к полной утрате ею особых позиций в рамках того или иного муниципалитета и серьезно поколебать веру в неизбежность партийного доминирования на всех уровнях власти. Подобная ситуация уже сложилась, например, в октябре 2008-го в Вышнем Волочке Тверской области, в марте 2009 года в Новозыбкове Брянской области, в марте 2010-го в Верещагинском районе Пермского края и т. д.

Следует также учитывать, что любой список кандидатов в современных российских условиях неизбежно будет восприниматься персонифицированно, а составить его таким образом, чтобы все ключевые фигуры не вызывали отторжения у необходимого для получения абсолютного большинства депутатских мест числа избирателей, задача в небольшом городе, поселке или селе, где все друг друга знают или хотя бы друг о друге слышали, очень сложная. Не удивительно, что энтузиазм властей по поводу перехода на местном уровне к выборам по партийным спискам уже к концу 2009 года в значительной степени иссяк.

Заключение

Таким образом, как нам представляется, независимо от состояния экономики и колебаний уровня жизни «Единая Россия» располагает ограниченными возможностями по установлению контроля над органами местного самоуправления. Никакие институциональные ухищрения не могут принципиально изменить данное положение, если только не будет устранена даже видимость политической конкуренции и выборы не станут фактически безальтернативными. Вряд ли творцы нынешней системы власти в России смогут это осуществить, учитывая, что на более высоких уровнях политики они сумели успешно без этого обойтись.

Можно согласиться с мнением депутата Госдумы от КПРФ Вадима Соловьёва, кото-

рый считает, что муниципальный уровень в настоящее время «единственный, где выборы в состоянии показать изменения настроений в оппозиционную сторону»¹⁰. Но следует учитывать, что даже при отсутствии кризиса и роста оппозиционных настроений «осечки» партии власти на местах были бы неизбежны и даже должны были множиться. Это вовсе не означает, что негативные для партии власти электоральные тенденции непременно образом стремительно перетекут с локального уровня развития политических процессов на региональный и федеральный.

Между тем беспомощность, которую проявляют региональные и местные организации «Единой России» на региональных и муниципальных выборах, в значительной мере затрудняет (если делает возможным вообще) выстраивание полноценной партийной структуры на локальном уровне. Такая структура становится во многом искусственной и слабо востребованной, превращается в придаток местных администраций или градообразующих предприятий. В результате наращенная на других уровнях политическая мощь оказывается замкнутой в пределах Садового кольца, губернаторских резиденций и стен региональных парламентов. Разрыв между политическими процессами на федеральном, региональном и локальном уровнях не только сохраняется, но даже усиливается. Избирателю, в частности, ничто не мешает воспринимать «Единую Россию» как «партию Путина» на федеральных выборах и как «партию Пупкина» на локальных. Вполне возможно, что этот местный «Пупкин» окажется фигурой влиятельной, авторитетной, популярной и даже харизматичной. Но с не меньшей вероятностью он может быть уязвимым, слабым, критикуемым и даже вызывающим презрение у избирателей.

«Большая» и «малая» политика в современной России развиваются обособленно друг от друга. С этой точки зрения кризисные явления и рост политического протеста действительно представляют собой серьезное испытание на прочность для данной

системы. Однако даже если последствия кризиса будут более или менее благополучно преодолены, рассмотренную тенденцию вряд ли можно переломить в рамках логики существующего ныне в России политического режима. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Из личной беседы с заместителем директора ИФиП УРО РАН К.В. Киселевым.

² См., напр.: *На выборах* главы города Трехгорный в Челябинской области кандидат-единоросс проиграл беспартийному бухгалтеру // Интерфакс. 2009. 2 марта. http://www.interfax-russia.ru/r/B/uralPol/160.html?menu=6&id_issue=12234807. (Интересно, что данное сообщение было опубликовано агентством в разделе «происшествия».); *Выборы-2009* в Трехгорном авторитет личности перевесил принадлежность к партии большинства // Новый регион — выборы. 2009. 4 марта (www.nr2.ru/election/222926.html); *Главный* южноуральский единоросс прокомментировал итоги выборов // ФедералПресс. 2009. 2 марта (http://www.amurpolit.ru/federal/polit/part/id_132007.html).

³ См.: Бузин А., Кынев А. Выборы в России 11 октября 2009 года. Аналитический доклад. М.: ГОЛСО, 2009. С. 136 (http://www.golos.org/IMG/pdf/Doklad_GOLOS_11-10-2009.pdf).

⁴ Кынев А. Выборы 1 марта — начало конца «Единой России» // Новый регион — Москва. 2009. 2 марта (www.nr2.ru/chel/222601.htm).

⁵ Цит. по: Пэн Ф.П. Голосование с зеленым оттенком // The Washington Post/

InoPressa. 2009. 10 апр. (<http://www.inopress.ru/article/10Apr2009/wp/ecology.html>).

⁶ См., напр.: *Итоги* выборов в регионах России: как повлиял кризис // Русская служба Би-би-си. 2009. 2 марта (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7919000/7919869.stm).

⁷ Рябова О.А. Градообразующие предприятия как акторы локальной и региональной политики // Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. наук. Пермь, 2009. С. 78–79.

⁸ Воробьев А. Уроки для оппозиции // Известия. 2009. 03 нояб. (<http://www.izvestia.ru/comment/article3134985/>).

⁹ Весьма показательно, что подобная практика уже стала предметом анекдотов. Один из них приводится в статье, посвященной выборам в Волгоградской области: «Как опознать кандидата от «Единой России»?» — «Да кто победил на выборах, тот и кандидат». См.: Серенко А. Партии власти на Волге тяжело. Итоги выборов стали настоящим шоком для региональной элиты // Независимая газета. 2009. 30 июня (http://www.ng.ru/regions/2009-06-30/1_Volgograd.html).

¹⁰ См.: «Единая Россия» смогла проиграть выборы мэров / Ленинградская правда. 2009. 2 марта (<http://www.lenpravda.ru/today/270997.html>).

Ronald D. Asmus. A Little War that Shook the World: Georgia, Russia, and the Future of the West. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 272 p.

Тринадцатого марта 2010 года в восемь часов вечера грузинский проправительственный телевизионный канал «Имеди» «вверг» Грузию в новую войну. В его полчасовой передаче зрителям был предложен леденящий душу сценарий: российские танки рвутся к грузинской столице, чтобы завершить начатое в августе 2008-го. Далее, как следовало из сценария, грузинский президент Михаил Саакашвили не то сбежал, не то был убит, а к власти в Грузии пришло лояльное Москве «народное правительство», возглавляемое двумя грузинскими политиками, которые незадолго перед тем переметнулись в лагерь оппозиции; в довершение всего три батальона грузинской армии перешли на сторону России.

Однако всё это, как оказалось, происходило в виртуальной реальности. По окончании показа на экране телевизора появился телеведущий, который объяснил зрителям, что все увиденное ими — вымысел, предназначенный напомнить всем и каждому, какое будущее может ожидать Грузию. Якобы прямые репортажи, в которых фигурировали и грозящий карами президент Медведев, и выражающий глубокую озабоченность президент Обама, и выступившие с заявлениями британский и французский послы в Тбилиси, были смонтированы из видеоматериалов, отснятых во время реальной войны 2008 года. Но тысячи простых людей, особенно те, кто живут за пределами столицы и кому недо-

ступны альтернативные источники информации, приняли всё за чистую монету, поверив, что в их стране снова запылала война. Сообщалось о возникшей панике, о сбоях в сети мобильной связи из-за перегруженности и, по меньшей мере, об одном случае преждевременных родов. А перед головным офисом «Имеди» собрались толпы людей, протестовавших против такого рода «репортажей».

На следующий день, выступая перед жителями небольшого городка неподалеку от Тбилиси, президент Саакашвили сначала вроде бы дистанцировался от всей этой затеи: дескать, надо было дать титры, предупреждающие телезрителей, что передача всего лишь мистификация. Но затем он быстро пошел на попятную, поддержав саму идею: «Самое неприятное — и я хочу, чтобы люди хорошо это поняли, — в том, что показанное абсолютно точно отражает возможный ход реальных событий и подлинные намерения врага Грузии».

Интрига стала еще запутанней после того, как на сайте www.coroka.net появилась (с переводом на русский язык) запись подслушанного телефонного разговора между руководителем телеканала «Имеди» Георгием Арвеладзе и его заместителем. В ходе этого разговора Арвеладзе, близкое доверенное лицо Саакашвили, сказал, будто президент одобрил передачу, но возражал против титров, информирующих о том, что сюжет — вымысел: мол, весь смысл в том, чтобы без титров. Между тем и грузинский президент, и Арвеладзе отрицают факт подобного разговора, а грузинские официальные лица утверждают, что запись сфабриковали российские спецслужбы.

ПЕРЕВОД РЕЦЕНЗИИ ТОМАСА ДЕ ВААЛА (THOMAS DE WAAL) "MISSILES OVER TSKHINVALI", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ THE NATIONAL INTEREST (NO 107, MAY / JUNE 2010) © 2010, THE NATIONAL INTEREST, INC. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ THE NATIONAL INTEREST. АВТОРОМ ВНЕСЕНЫ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКУЮ ВЕРСИЮ ТЕКСТА

За три дня, последовавших за этой трансляцией, «коллективное кровавое давление» грузинской нации, и так высокое, подскочило еще больше. И не похоже, что оно в скором времени придет в норму. Нельзя с уверенностью утверждать, что организаторы злосчастной передачи действовали по прямому указанию Саакашвили, но в то же время трудно поверить, учитывая тесные связи Арвеладзе с президентом, что тот не санкционировал показ программы. Ведь грузинский лидер поставил «русскую угрозу» во главу угла своей политики на три оставшихся года президентства. Он постоянно напоминает грузинам о возможном повторении событий 1921 года, когда большевики захватили Грузию, подавив первую попытку страны обрести независимость. Риторика грузинского президента повысила свой градус после того, как два бывших высокопоставленных лица, экс-спикер парламента Нино Буржанадзе и экс-премьер-министр Зураб Ногаидели, которые в пресловутой передаче изображены предателями, нарушив табу, наложенное Тбилиси на прямые переговоры с российским руководством, встретились с заклятым врагом Саакашвили — российским премьер-министром Владимиром Путиным. Взбешённый лидер Грузии и его бывшие соратники обменялись оскорблениями, назвав друг друга изменниками и врагами грузинского народа. Лексика этих обвинений возвращает нас к националистической истерии в Грузии 1991 года или к сталинским разоблачениям 1930-х.

Чтобы разобраться, в чем же на самом деле состоит «российская угроза», нам придется вернуться к событиям пятидневной войны августа 2008 года и попытаться ответить на извечный вопрос «кто виноват?». Роналду Асмусу, исполнительному директору трансатлантического представительства Фонда Германа Маршалла, чтобы ответить на этот вопрос, пришлось написать целую

книгу под названием «Маленькая война, которая потрясла мир: Грузия, Россия и будущее Запада». Вердикт ее автора таков: война 2008-го была спланированным военным вторжением России в Грузию, имевшим целью воспрепятствовать западному выбору Саакашвили. Россия наказала своего маленького соседа за непослушание и преданность западной модели демократического развития: «Чем больших успехов добивался Тбилиси, тем более озабоченной и враждебной становилась Москва». Асмус идет еще дальше, выражаясь прямо-таки в духе холодной войны: «Своей главной задачей в Европе администрация Буша считала создание целостного и свободного сообщества европейских стран, простирающегося от Балтийского до Черного моря. Москва, независимо от совершенных Тбилиси ошибок, нарушила эту базовую концепцию и переступила через основополагающие принципы, на которых зиждется европейская безопасность».

Другими словами, ключевым европейским институтом для Асмуса является не ЕС, а НАТО, Соединенные же Штаты выступают в роли гаранта, защищающего малые страны от набирающей силу России. Эта стратегия была опробована на Грузии, поскольку та бросила вызов Москве и ее доктрине, предусматривающей пересмотр сложившейся ситуации. Однако данный тезис весьма рискован, поскольку он требует, чтобы НАТО поддерживала лидеров, которые объявляют о приверженности западным ценностям, но в то же время имеют свою собственную историю отношений с Россией. Более того, этот тезис требует от нас поддерживать такие страны, не вникая в суть их конфликта с Москвой.

Вряд ли можно сомневаться, что в августе 2008 года Москва хладнокровно использовала в своих интересах застарелый территориальный конфликт Тбилиси с Абхазией и Южной Осетией — территориями, которые

фактически отделились от Грузии в начале 1990-х при распаде Советского Союза. Русские сначала нанесли Саакашвили военное поражение, а затем признали независимость этих двух самопровозглашенных республик, включив их в орбиту Москвы.

Российские официальные лица не упускают случая дискредитировать Саакашвили. Так, президент Дмитрий Медведев назвал его «персоной нон грата» и заявил, что отношения с Грузией наладятся только после прекращения полномочий нынешнего грузинского президента. Как известно, во время пятидневной войны Владимир Путин сказал французскому президенту Николя Саркози, что ему хотелось бы повесить Саакашвили за причинное место. Все это подпитывает опасения грузин относительно намерений Москвы. Российские войска все еще развернуты менее чем в 50 км от Тбилиси. Не исключено, однако, что российское руководство как раз устраивает слабый грузинский президент, погрязший во внутренних распрях и неспособный проводить внятную прозападную политику. Это позволило бы Москве закрепить статус-кво, достигнутый благодаря российской победе, и сконцентрировать внимание на других проблемах, например, на «перегрузке» в отношениях с Соединенными Штатами.

Если бы с Грузией всё было так просто! Недостаток книги «Маленькая война, которая потрясла мир» состоит в том, что в ней отсутствуют реалии Кавказа. Асмус беседовал с высокопоставленными представителями администрации Буша, НАТО, ЕС, с официальными лицами правительства Грузии, но не с русскими, осетинами, и очень мало с простыми грузинами. Это взгляд на регион как бы в масштабе космической съемки.

Грузия долгое время была самой привлекательной из бывших советских республик. В 1924 году писательница Одетта Кean (*Odette Keun*) сравнила ее со «скаковой лошадью,

трепетной, неистовой, бешено несущейся не ведая куда, встающей на дыбы перед малейшим препятствием, не усвоившей еще, что от нее требуется или что ей дозволено делать». Я тоже не мог не поддаться очарованию Грузии, однако кавказская порывистость может завести слишком далеко. Грузинский темперамент породил уличные протесты 2003 года и «революцию роз», приведшую к власти молодого харизматического лидера Михаила Саакашвили. Однако для решения запущенных проблем страны требовались иные, более прозаические качества. После 2004-го можно говорить, по существу, о двух Грузиях. Одну Грузию олицетворяет президент Саакашвили, который весьма успешно «продает» ее за рубеж, продвигая бренд «революции роз» в качестве успешной модели постсоветской прозападной трансформации. А другая Грузия погрязла в местных реалиях национализма, фракционности, политики заговоров и скандалов.

Асмус оперирует брендом, предназначенным для заграницы, даже не попытавшись вникнуть, что за местный продукт скрывается за рекламируемой торговой маркой. Его отчет о событиях изрядно идеализирован и вряд ли принесет пользу реальной Грузии. Он предлагает свою версию войны 2008 года, которая полностью снимает вину с грузинского руководства: «Сейчас в Тбилиси 7 августа 2008-го, 23.35. Президент Грузии Михаил Саакашвили только что положил телефонную трубку. Минуту назад он отдал приказ грузинским вооруженным силам атаковать колонну российских войск, которая, по данным разведки, выдвигается из юго-осетинского городка Джава, расположенного южнее российско-грузинской границы, в направлении Цхинвали, столицы небольшого сепаратистского анклава, а также приказал атаковать российские боевые части, входящие в Грузию через Рокский тоннель. Саакашвили также потребовал,

чтобы вооруженные силы подавили огневые точки, из которых югоосетинская милиция вела артиллерийский обстрел грузинских сел, находящихся под контролем грузинских миротворцев и полиции. Артобстрелы начинались и прекращались всю прошлую неделю, но этим вечером они возобновились с удвоенной силой, несмотря на одностороннее прекращение огня грузинской стороной. Среди грузинских мирных жителей и миротворцев есть раненые и убитые. Саакашвили помедлил, снова снял трубку и отдал третий приказ: «Свести к минимуму потери среди мирного населения»».

Эта версия начала августовской войны ошибочна по всем основным пунктам: и в том, что агрессивные действия первыми начали российские войска, и в отношении артобстрела грузинских сел югоосетинской милицией в часы, предшествовавшие атаке грузинских войск, и в том, что касается заинтересованности грузинского руководства свести потери среди мирного населения к минимуму. Грузинский президент отправил миру послание, в котором его страна выглядит безусловной жертвой: Россия вторглась в Грузию, чтобы захватить ее территорию, непосредственно после того, как югоосетинские вооруженные формирования безо всяких на то оснований напали на мирных грузинских жителей. Это искусно составленное послание было предназначено для западных столиц и рассчитано на их благосклонную реакцию, притом что содержавшаяся в нем информация была далека от истины.

Первое утверждение — будто российская военная колонна вошла в Южную Осетию, то есть на территорию Грузии, незадолго до полуночи 7 августа — можно оспорить, просто обратившись к официальным грузинским источникам. Фактически о вторжении российской военной колонны грузинские руководители заявили лишь по истечении двух дней войны. Восьмого августа власти в

Тбилиси обратились к Совету Безопасности ООН, утверждая, что российские войска прошли через тоннель в 5.30 того же дня, то есть через шесть часов после грузинского нападения. Та же самая информация содержалась и в указе о введении военного положения в стране, вынесенном президентом на рассмотрение грузинского парламента 9 августа.

Второе утверждение — что Саакашвили отдал приказ о начале боевых действий лишь после длительного артобстрела грузинских сел вечером 7 августа — противоречит докладу трех международных наблюдателей из Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которые в ту ночь укрылись в одном из подвалов в Цхинвали и, конечно, слышали бы, особенно в ночное время, артиллерийскую стрельбу по грузинским селам. В закрытом докладе этих наблюдателей (хотя для дипломатов в Тбилиси это было секретом Полишинеля), который попал на страницы *The New York Times* лишь спустя три месяца после событий в Цхинвали, сообщается, что вечером 7 августа до нападения грузинских войск все было спокойно.

Теперь что касается предполагаемого призыва Саакашвили свести к минимуму потери среди мирного населения. В результате артобстрелов 7 и 8 августа погибли десятки мирных осетин, и число жертв могло быть больше, если бы в предшествующие дни не была проведена массовая эвакуация жителей города. Так что дело, как видим, не в милосердии грузинской армии. Жители Грозного хорошо помнят, что советские ракетные системы залпового огня «Град», которыми грузинские войска обстреливали Цхинвали, являются оружием неизбирательного действия, неизбежно убивающим и калечащим мирных жителей при поражении целей в черте города. В опубликованном правозащитной организацией «Эмнести интернешнл»

докладе о грузинской войне сообщается, что ее «представители видели собственными глазами разрушения, вызванные применением ракетных систем “Град” ночью 7 августа, в жилых районах [Цхинвали] на расстоянии, по меньшей мере, полукилометра» от заданных целей — баз российских миротворцев, складов вооружений и топлива, расположенных на южной и западной окраинах города.

Сейчас нам известна почти вся правда о начале войны, особенно после того, как в 2009-м был опубликован подробный доклад Европейского союза о российско-грузинском конфликте. И эта правда сильно отличается от стандартного освещения хода войны западными СМИ. На самом деле события развивались примерно следующим образом. Седьмого августа 2008 года, после нескольких недель sporadических перестрелок в отколовшейся провинции Южная Осетия, президент Саакашвили принял решение атаковать и захватить ее столицу Цхинвали. В течение предыдущих недель Россия наращивала здесь свое присутствие, увеличивая число миротворцев, и, вполне вероятно, вела подготовку к собственной войсковой операции, возможно, с целью сместить альтернативного — прогрузинского — лидера Южной Осетии Дмитрия Санакуева. Конечно, Саакашвили тоже действовал в условиях угроз и провокаций, но все же первым начал боевые действия именно он. Какое-то время российское руководство находилось в растерянности. Владимир Путин был за пределами страны (он улетел в Пекин на церемонию открытия Олимпийских игр), и для принятия ответных мер потребовалось полдня.

Грузинские войска захватили почти весь Цхинвали, и на 24 часа Саакашвили стал для многих грузин героем. И сам «герой», и его окружение заговорили об «освобождении» Южной Осетии. Однако грузинское наступление быстро выдохлось из-за нехватки профессиональных войск, в то время как резер-

висты не были готовы к боевым действиям, а подкрепление не смогло прибыть вовремя из мест его дислокации в Ираке. К тому же Кремль запаздывал всего на несколько часов. Путину представилась великолепная возможность потешить свои амбиции, отомстив ненавистному лидеру соседнего государства. Российские самолеты бомбили территорию Грузии, российские сухопутные войска превосходили противника как в живой силе, так и в технике. Сначала они выбили грузинские войска из Цхинвали, а затем и с остальной территории Южной Осетии. Эти события названы «пятидневной войной», но в действительности бои продолжались менее двух суток.

Спрашивается, зачем сейчас копать во всех этих подробностях прошлого? Но, как сказал Уинстон Черчилль, «использование встречных обвинений в споре о прошлом способствует повышению эффективности мер, принимаемых в настоящем». Дело в том, что существуют две непосредственные причины августовской войны. Первая: Россия Владимира Путина решила поиграть неоколониальными мускулами в соседней стране (и жестокость русских в Грузии действительно выглядела ужасно). Но вторая причина, как раз объясняющая поведение Путина, состоит в том, что грузинское руководство само дало ему предлог для военных действий: оно накаляло атмосферу на границах обеих отколовшихся республик, наращивая там войска и заявляя, что воссоединение обоих регионов с Грузией уже не за горами. Импульсивные попытки Саакашвили подчинить силой мятежные республики ударили по нему самому. Уже в начале 2008 года напряженность вокруг Абхазии и Южной Осетии достигла такого накала, что дух войны просто витал в воздухе. И тем же летом грузинский президент сделал выбор в пользу силового решения, очевидно рассчитывая на быструю — в течение одних суток — победоносную

операцию в Южной Осетии, а также на благосклонное отношение к этому американцев — ведь победителя не судят.

Саакашвили стоял перед трудным выбором. В ту роковую ночь он принял свое скоропалительное решение под давлением весьма непростых обстоятельств, среди которых и вполне реальная русская угроза в Южной Осетии. На этом маленьком клочке земли поселения этнических осетин и этнических грузин расположены вперемешку, образуя сложную мозаику. Перекрытие дороги в одном месте, установка нового блокпоста в другом чреваты полной изоляцией и изгнанием как одной этнической общины, так и другой. И в этих условиях Саакашвили рискнул. Как ни странно, но в данном случае вина грузинского президента в каком-то смысле меньше, чем вина его западных друзей, прежде всего в Вашингтоне, у которых была полная возможность взглянуть на ситуацию и связанные с ней серьезные риски в более широкой перспективе; тем не менее они не удосужились удержать Саакашвили от авантюрных действий. Между тем локальный конфликт в Южной Осетии мог перерасти в глобальный. И Соединенные Штаты должны усвоить этот урок, если они вдруг опять пожелают столкнуться лоб в лоб с Москвой на территории ее ближайших соседей.

Лет пятнадцать назад главным пороком американской политики на Кавказе был не чрезмерный интерес к этому региону, как сейчас, а как раз его отсутствие. Рон Асмус, видимо, имел в виду именно это, когда писал: «Если бы международное сообщество проявило политическую волю, продемонстрировало свое стратегическое воображение, направило в этот регион ресурсы и наладило международный процесс для решения местных проблем национального самоопределения, как это было на Балканах, я... уверен, что [и в Абхазии] можно было бы добиться прогресса». Мне близка эта точка зрения.

В середине 1990-х годов, после распада Югославии и последовавших за ним кровавых конфликтов, западные страны направили на Балканы многотысячный воинский контингент, в то время как в Абхазию ООН послала чуть больше сотни невооруженных наблюдателей, а ОБСЕ в Южную Осетию — и того меньше. Столь скромная вовлеченность объясняется достойным сожаления мнением, что данный регион не входит в сферу жизненно важных интересов Запада. Тем самым время было упущено, и в 2008-м изменить положение было уже намного труднее, чем в 1993 году. Вместо этого России позволили контролировать ситуацию в Абхазии и Южной Осетии с помощью миротворческих войск, которые фактически проводили в жизнь Pax Russica.

И вот в этой стране, где столько неурегулированных конфликтов, где нашли свой конец так много вторгавшихся сюда в древности армий и где российское влияние исторически очень сильно, Асмус и подобные ему запустили проект принятия Грузии в НАТО. В противном случае — не получи они отмашку из Вашингтона — жаждущие присоединиться к западному союзу люди, такие как Саакашвили и его друзья, не вознеслись бы в своих мечтах и надеждах столь высоко. И если бы западные лидеры сказали грузинам, что их страна быстрее добьется процветания, взяв за образец Финляндию, что путь в Европу лежит через развитие экономических связей с нею, а не через вступление в ее военный альянс, то это, наверное, не понравилось бы грузинскому руководству, однако оно вынуждено было бы принять такое мнение к сведению и соответствующим образом пересмотреть свои планы.

Наибольших успехов Саакашвили добился как раз в сфере экономики. За первые два с половиной года его правления доходы правительства возросли почти в десять раз благодаря притоку инвестиций, масштаб-

ной реформе государственного сектора и принятию жестких мер против коррупции. Парадоксально, но чем больше аплодировали Грузии как «маяку демократии», тем дальше она отклонялась от пути демократического развития. Сам Асмус признает: «Вскоре Саакашвили стал олицетворять усилия администрации Буша по продвижению демократии и реализации Программы свободы (*Freedom agenda*)». Буш видел в Саакашвили естественного союзника и единомышленника: молодой энергичный руководитель, получивший образование в США, начисто лишенный настороженной осмотрительности, характерной для старой Европы, направил грузинский военный контингент в Ирак и вызывал восхищение американской аудитории своим беглым английским. По мере того как тускнел глянец других «цветных революций», грузинский эксперимент Саакашвили все больше превозносился, а на его минусы старались не обращать внимания.

Но вернемся в Тбилиси. У Саакашвили, как метко выразился грузинский аналитик Ивлиан Хаиндрава, есть «дневное правительство» и «ночное правительство». В Вашингтоне и студиях *CNN* лицецерели молодых реформаторов, четко выражающих свои мысли на хорошем английском, но не могли видеть других персонажей, таких как Вано Мерабишвили, министр внутренних дел и главный силовик Грузии, или Нико Руруа, бывший боец военизированных формирований, ныне занимающий пост министра культуры. Эти и подобные им люди сидят допоздна с президентом в его кабинете и принимают ключевые решения. Именно они распорядились подавить антиправительственные демонстрации в ноябре 2007-го; тогда полиция очистила улицы Тбилиси от демонстрантов и разгромила студию телевещания «Имеди» (в то время это был оппозиционный канал). Данный эпизод в книге Асмуса почти не освещен. Для людей

типа Мерабишвили и Руруа важна не демократия, а возможности контроля над ней. В ноябре 2009-го международная организация *Transparency International* сообщила, что «в Грузии средства массовой информации менее свободны и плюралистичны, чем до “революции роз” 2003 года и свержения президента Эдуарда Шеварднадзе».

Эти же теневые фигуры стояли и за массивным наращиванием грузинских войск перед войной 2008-го. Асмус признаёт, что план военной операции в Южной Осетии существовал еще в 2004 году (его реализации помешал Вашингтон), а план «упреждающей военной операции Грузии» в Абхазии был разработан весной 2008-го (в то время Россия усиливала свое военное присутствие в Абхазии). Между Бушем и Саакашвили состоялся разговор, превратившийся в обоим сторонами, в ходе которого у грузинского президента, по-видимому, сложилось убеждение, что американцы дают добро на военную операцию. Потребовались усилия дипломатии на самом высоком уровне, чтобы убедить Саакашвили в обратном. В частном порядке американские официальные лица не один раз подавали сигналы, что его военная кампания не получит их поддержки, однако на публичном уровне это внятно не прозвучало. Похоже, что перед Саакашвили мигал желтый свет светофора, позволяя ему думать, что если он нанесет молниеносный военный удар, ему удастся проскочить.

Асмус упрекает западных лидеров в том, что на саммите в Бухаресте весной 2008 года они не проявили должной твердости и не предложили Грузии План действий по подготовке к членству в НАТО. Но такой шаг Запада выглядел бы в глазах России еще более вызывающей провокацией. Асмус не аргументирует сколько-нибудь убедительно, почему главный западный военный союз должен принять в свои ряды страну с двумя неурегулированными конфликтами в провинциях, руководители которых

считают Россию гарантом своей безопасности. Такая политика явно проигрышна для Запада. Когда речь заходит о соперничестве за сферы влияния, Россия начинает действовать жестче, придерживаясь принципа «все средства хороши». Москва с успехом сыграла на страхе Абхазии и Южной Осетии перед Грузией и фактически установила свой контроль над этими территориями. И когда Саакашвили 7 августа развязал военные действия, россияне отыгрались на несчастной Грузии за все накопившиеся обиды — за Косово, Ирак, расширение НАТО на восток.

Впереди у Саакашвили еще почти три года президентства. Текущий год может стать для него самым трудным. К декабрю 2010-го почти завершится поступление помощи в размере одного миллиарда долларов, обещанной Соединенными Штатами в конце войны, и в последующие годы финансирование из США сократится до чуть более чем 60 млн долларов. Волна приватизационных аукционов, прокатившаяся после прихода Саакашвили к власти, спадает, и больших доходов из этого источника не предвидится. Все это может вызвать уже предстоящей осенью острый экономический кризис, который в последние два года Грузии удавалось амортизировать. Именно кризис, а не что-то другое, поставит под угрозу стабильность Грузии и дальнейшее пребывание Саакашвили на посту президента.

Как и всегда, Саакашвили пытается использовать все возможности сразу. Тимур Якобашвили, министр, ответственный за переговоры с Абхазией и Южной Осетией, разработал для отколовшихся регионов новую, более продвинутую стратегию, предполагающую отказ грузинского правительства от политики изоляции этих регионов и переход к налаживанию с ними экономических связей. Эта стратегия, как указывают аналитики, скорее всего, запоздала, но тем не менее имеет смысл попытаться ее реализовать. Другие грузинские официальные

лица планируют реформировать погрязшую в коррупции судебную систему и учредить суд присяжных. В то же самое время Саакашвили без стеснения и самым непристойным образом клеймит своих политических оппонентов и санкционирует своего рода тактику запугивания, чтобы жители Грузии поверили в фальшивую угрозу российского вторжения.

Саакашвили может праздновать победу: на выборах мэра Тбилиси, состоявшихся 30 мая, выиграл его кандидат Гиги Угулава. Но, возможно, это не столько заслуга президента, сколько результат раскола оппозиционных сил. Победа Угулавы может иметь неприятные последствия для Саакашвили. Команда грузинского президента раздроблена, отдельные группировки, входящие в ее состав, ревниво следят друг за другом. Согласно обычной для Грузии политической практике, Угулава, как мэр столицы, сможет позиционировать себя в качестве следующего президента, дистанцируясь от своего патрона. В таком случае в грузинских политических битвах откроется новый фронт.

Трудно сказать, что предпримет непредсказуемый президент, столкнувшись со столь многочисленными вызовами, и какие инстинкты — лучшие или худшие — в немобладают. Постоянные стенания Саакашвили о русской угрозе могут обернуться самосбывающимся пророчеством на уязвимых границах с Абхазией и Южной Осетией, где небольшая провокация с той или другой стороны может привести к весьма опасным последствиям. В настоящее время, больше чем несколько лет назад, Грузии требуется бескорыстная помощь. За последние шесть лет стало ясно, что многие западные лидеры, объявившие себя друзьями Грузии, не заслуживают того, чтобы так называться. Остается только надеяться, что, когда потребуется провести грузинский корабль через следующий шторм, они смогут найти правильное решение. ■

ТОМАС ДЕ ВААЛ

Gholam Reza Afkhami. The Life and Times of the Shah. Univ. of California Press, 2009. 740 p.

Иранская революция — одно из главных событий двадцатого века, которое бросает свою мрачную тень на сегодняшний день. И вряд ли от этой тени удастся избавиться, даже если нынешний тегеранский режим падет. Установление в Иране исламистского теократического правительства с мессианскими претензиями, да еще стремящегося обладать оружием массового уничтожения, вдохновляло, вдохновляет и еще долго будет вдохновлять мусульманских экстремистов всех мастей. Тем интереснее попытаться понять, что, собственно, привело к событиям 1978–1979 годов. Почему казавшийся могущественным и неуязвимым шах Мохаммед Реза Пехлеви потерял контроль над страной и был вынужден уехать в эмиграцию? Как могло случиться, что образованные классы Ирана сначала игнорировали темную массу, которая тем временем очаровывалась лозунгами аятоллы Хомейни, а потом оказались бессильными перед ней?

Книга Голяма Резы Афхами «Жизнь шаха и его эпоха» — одна из немногих биографий последнего иранского суверена и едва ли не первая столь подробная и глубокая. Существует довольно много воспоминаний его приближенных, родственников, дипломатов, журналистов и разведчиков. Достаточно упомянуть изданные посмертно дневники премьер-министра двора Асадоллы Алама «Шах и я: частные записки о жизни иранского двора, 1969–1977»¹ или книгу сестры-близнеца Мохаммеда Резы принцессы Ашраф «Лица в зеркале: воспоминания в изгнании»². Вдова шаха, императрица Фарах, несколько лет назад выпустила мемуары «Любовь навсегда», посвященные мужу³.

Да и сам Мохаммед Реза Пехлеви надиктовал в последний год жизни памфлет «Ответ истории»⁴. Однако такой обстоятельной биографии шах еще не удостаивался. Через тридцать лет после его кончины время пришло.

Голям Реза Афхами избрал эпиграфом к своей книге строчку из средневекового персидского поэта Джалалуддина Руми: «Они видели во мне самих себя, но не меня». Афхами не скрывает, что пишет о «Царе царей» и «Свете арийцев» (таковы были некоторые из официальных титулов иранского монарха) с симпатией, точнее, с желанием понять и объяснить мотивы его действий. И пожалуй, у него это получилось.

До революции автор был профессором Тегеранского университета, возглавлял патронировавшийся шахской семьей Национальный комитет Международной программы по борьбе с неграмотностью и даже успел побывать заместителем министра внутренних дел. Поэтому пишет Афхами как человек системы, знакомый с ней изнутри. В книге собраны свидетельства огромного числа людей: шахской семьи, одоббившей идею написания биографии, представителей ближайшего окружения монарха, оппозиции и иностранных наблюдателей. Афхами — не бездумный апологет, а умудренный жизнью изгнанник, который пытается честно разобраться в прошлом. В основном ему это удастся. «Жизнь шаха и его эпоха» — с одной стороны, академическая работа, автор которой пытается проанализировать правление последнего иранского монарха с учетом политического, экономического, мирового контекста. С другой стороны, книга написана так увлекательно, что забываешь — у тебя

в руках семьсот страниц довольно мелкого текста.

Афхами, который сегодня живет в США и работает в Фонде иранских исследований, пишет во введении к своему труду: «История жизни шаха балансирует на грани трагедии. Он <...> роковым образом шел от решения к решению, которые постепенно приближали его к краху. С другой стороны, каждое из этих решений само по себе необязательно вело к катастрофе, пока ситуация не вышла из-под контроля. А она, казалось, из-под контроля не выходила до самого последнего момента» (с. XI «Вступления»). Собственно, в этом парадоксе замкнутого круга и таится загадка падения персидской монархии, которую автор пытается разгадать.

Жизнь Мохаммеда Резы Пехлеви — еще одно доказательство той банальной истины, что семейное воспитание (или его отсутствие) — решающий фактор в становлении человека. Неслучайно первая глава книги называется «Отец». Именно под его влиянием прежде всего сформировался последний шах. Реза был офицером так называемой Казачьей бригады — личной гвардии шахов предыдущей династии Каджаров. Выходец из низов, пробившийся наверх благодаря практическому уму, хитрости, воле и беспощадности к врагам и конкурентам, Реза стал в середине двадцатых годов фактически диктатором Ирана при формально правившем, но ничего не решавшем каджарском шахе Ахмаде. В 1925 году Каджары были низложены решением иранского меджлиса (парламента). Реза задумался было об установлении республики, но прислушался к совету мусульманских религиозных авторитетов и части правящего класса, которые выдвигали знакомый многим в России аргумент: «Народ не поймет, ему нужен царь!» Хотя в тот период неграмотная масса иранцев готова была, наверное, принять любой режим, лишь бы сохранить относительные стабильность и

порядок, привнесенные в жизнь страны твердой рукой малограмотного казачьего генерала после многолетнего хаоса и разрухи.

Специально созданное Конституционное собрание предложило трон Резе. Он короновался 15 декабря 1925 года. Реза основал новую династию под именем «Пехлеви». Пехлеви — язык, на котором в Иране говорили до арабского завоевания страны в VII веке. Стремление путем авторитарных реформ вернуть современному Ирану имперскую славу эпохи легендарных Дария и Ксеркса было доминирующей идеей для отца, а затем и для сына.

Кстати, династическое имя Пехлеви стало первой символической «инновацией» нового монарха: до этого иранцы фамилий не имели. Теперь всем приказали завести фамилию и носить европейское платье. Молодежь тысячами стали отправлять учиться за рубеж, женщинам предоставили гражданские права и заставили их снять паранджу. Евреи также обрели равные со всеми права. Все это вызвало недовольство шиитского духовенства, которое традиционно пользовалось гигантским влиянием на народ и, соответственно, кормилось благодаря этому влиянию. То разгоравшийся, то затухавший конфликт между троном и Кумом (священным для иранских шиитов городом, средоточием духовных авторитетов) во многом определил трагедию иранской истории в прошлом веке.

Недовольства новый шах не терпел: его войска беспощадно расстреливали учеников медресе или не желавших становиться оседлыми кочевников. Эпоха первого шаха династии Пехлеви была полна противоречий. Жесткая цензура и строительство железных дорог; казни впавших в немилость приближенных и введение школьного образования для девочек; безудержное личное обогащение (Реза стал крупнейшим землевладельцем страны) и создание современной армии, полиции, судов; эмансипация евреев и культ личности.

В общем, отец родившегося в 1919 году Мохаммеда Резы был типичным авторитарным националистом-модернизатором, которых в избытке знает мировая история последних двух-трех столетий. Он верил в технический прогресс и образование как в универсальные методы, которые приведут Иран («земля арийцев» — это название, взамен привычного для Запада «Персия», тоже ввел шах Реза) к процветанию и величию. В понятие «величие» Реза вкладывал приблизительно то же, что и многие российские политики сегодня — «чтобы боялись и уважали». Люди интересовали Резу только как исполнители его грандиозного плана.

Принц Мохаммед Реза, отучившийся пять лет в частной школе в Швейцарии, был более мягким и гибким по натуре, чем отец, которого он очень любил и уважал, но, очевидно, и побаивался. Реза хотел сделать сына подобным себе, и молодой наследник очень старался угодить отцу. Книга Афхами в этом смысле приоткрывает завесу над историей патриархальной семьи, глава которой не особенно задумывался о том, что не все его дети способны и хотят действовать так же, как он.

По-настоящему взрослая жизнь для принца началась в 1941-м, когда СССР и Великобритания оккупировали Иран. Официальным предлогом стали прогерманские симпатии шаха Резы, который вынужден был отречься от престола и отправиться в ссылку в Южную Африку. В «Жизни шаха и его эпохе» приводится масса довольно убедительных свидетельств того, что немецкое влияние на Иран было преувеличено союзниками и Сталиным, которым на самом деле Иран нужен был в качестве перевалочной базы и транспортного коридора. Нейтралитет, официально провозглашенный шахом Резой, лишил всего этого Лондон и Москву. Для Резы, в свою очередь, это конечно же была попытка отсидеться в стороне и посмотреть, кто возьмет верх в мировом конфликте.

Вступивший на престол после высылки отца Мохаммед Реза вплоть до 1946 года оставался почти незаметной и мало-влияющей фигурой, на которую Сталин, Рузвельт и Черчилль не обращали внимания. Во время Тегеранской конференции осенью 1943-го, Сталин вызывал его к себе на переговоры в советское посольство. Этот факт хорошо запомнился юному монарху. Собственно, в первый раз шах заставил о себе говорить, когда не дал Москве отторгнуть северо-западные провинции Ирана, населенные преимущественно этническими азербайджанцами. Иран — многонациональная страна, в которой племенные восстания и этнический сепаратизм были неотъемлемой частью политического ландшафта и в определенной степени остаются до сих пор. Сталин поддерживал азербайджанцев и туркмен, а Саддам Хусейн спустя пару десятков лет — арабов юго-западной провинции Хузестан. Противостояние с просоветскими сепаратистами в Западном Азербайджане стало своего рода прелюдией к сталинской блокаде Западного Берлина 1948–1949 годов и оказалось едва ли не первым серьезным конфликтом холодной войны. Молодой шах его выиграл, и это позволило ему впервые почувствовать некоторую уверенность в собственных силах. Однако эта уверенность так и не стала абсолютной.

«Мохаммед Реза унаследовал многие из привычек отца, однако по темпераменту он был его полной противоположностью, — пишет Афхами. — Шах Реза был по характеру агрессивным, Мохаммед Реза... даже на пике своего правления оставался застенчивым и сдержанным» (с. 42). На протяжении всей своей жизни он был заложником двух факторов: стремления сохранить власть и держать ситуацию под контролем, с одной стороны, и нежелания прибегать к насилию для достижения этих целей — с другой. И хотя шах

использовал репрессии в борьбе со своими противниками, а политический департамент его спецслужбы САВАК обходился с оппонентами режима весьма жестоко, на фоне большинства диктатур «третьего мира» Иран выглядел далеко не худшим образом.

С первого дня правления шаху Мохаммеду Резе противостояли две силы: левые, пользовавшиеся поддержкой СССР, и значительная часть шиитского духовенства, которая была принципиально против любой модернизации, видя в ней угрозу своему положению в обществе. Шахский двор, спецслужбы и правящий класс сосредоточились в первую очередь на подавлении угрозы со стороны компартии «Туде», напрямую финансировавшейся из Москвы, и со стороны организаций «моджахедов» и «федаинов». Последние сочетали в своей идеологии как исламские, так и левые лозунги и активно использовали в борьбе с шахским правительством террор. Их жертвами стали премьер-министры и генералы, члены кабинета и простые жандармы. Сам шах несколько раз чудом избежал смерти. На протяжении всего правления Мохаммеда Резы обе эти силы периодически заключали тактические союзы. Так было, например, в 1951–1953 годах. Тогда премьер-националист Мохаммед Моссадык провел крайне популярную в народе национализацию Англо-иранской нефтяной компании (АИНК), а затем разорвал дипломатические отношения с Великобританией. На короткий период он стал одним из самых известных политиков в мире. Моссадык был иранским патриотом и демократом-идеалистом, однако он совершенно не разбирался в экономике. Кроме того, премьер совсем не понимал западных лидеров, для которых конфликт не сводился к противостоянию иранского правительства с АИНК. Вашингтон и Лондон рассматривали иранский кризис через призму холодной войны. И здесь у британцев и американцев были серьезные основания для

беспокойства. Коммунисты из «Туде» активно поддерживали Моссадыка и при этом постепенно проникали в госаппарат, армию, полицию. А ведь именно такими методами СССР сумел насадить в Центральной и Восточной Европе просоветские режимы. Со временем Моссадык стал уделять все меньше внимания конституционным нормам и все чаще использовать чрезвычайные полномочия. Он начал демонстрировать замашки авторитарного лидера типа египетского диктатора Гамалья Абдель Насера и фактически стал вести дело к ликвидации монархии. Он также рассорился с шиитским духовенством — не первый и не последний в истории Ирана конфликт между леволиберальной и клерикальной оппозицией. В августе 1953-го Моссадыка свергли иранские военные при помощи ЦРУ и при согласии шаха, который тогда допустил свою первую серьезную ошибку. Он покинул страну незадолго до свержения Моссадыка и вернулся, только когда генералы уже сделали свое дело, а строптивый премьер был под арестом. Оставаясь в Тегеране, шах физически рисковал собой и вынужден был бы нести ответственность за все негативные последствия, включая возможный провал восстания против Моссадыка. Однако, возглавив на месте борьбу со стремительно терявшим популярность правительством, он получил бы максимум легитимности в глазах иранцев. Уехав сначала в Багдад, а затем в Рим, он, с одной стороны, свел к минимуму физический риск, но с другой — всю жизнь вынужден был терпеть обвинения в том, что сидит на троне «милостью американцев».

Моссадыка судили открытым судом, дали три года, после чего он вплоть до кончины в 1967 году жил под надзором полиции в собственном имении. Для многих иранских патриотов, да и вообще для левых интеллектуалов во всем мире он до сих пор остается одним из символов антиимпериалистической борьбы, мучеником за интересы своего

народа. Однако есть и другие мнения. По словам критически относящегося к шаху американского историка Сандры Мэки, автора книги «Иранцы: Персия, ислам и душа народа»⁵, многие из тех, кто пережил ужасы исламской революции, косвенно винят в ней прежде всего Моссадыка. По их мнению, заключив союз с духовенством, он сделал радикальный ислам фактором политической жизни страны, а умышленно унижая шаха, превратил его из конституционного монарха в подозрительного автократа.

«Критический монархист» Голям Реза Афхами, как и большинство историков, считает лето 1953-го переломным в биографии Мохаммеда Резы. «Жизнь шаха и его эпоха» так описывает душевное состояние Мохаммеда Резы после возвращения в Иран в августе 1953 года: «Он решил больше никогда не забывать совет отца: “Любой человек, достойный того, чтобы просить его о помощи в неблагодарном труде по строительству государства, при первой же возможности попытается занять твоё место”. Он больше не позволит событиям выйти из-под контроля настолько, чтобы это могло угрожать ему. Не заботясь о мнении элиты, он обратится напрямую к народу, который... помог ему вернуть трон. И он сделает все, что сможет, чтобы его подданные зажили лучше и обеспеченнее. Его страна снова будет сильной под его водительством. Иран начнет жизнь с новой страницы» (с. 187).

Заключив стратегический союз с пришедшей на смену Великобритании сверхдержавой номер один — Соединёнными Штатами, шах занялся укреплением и модернизацией армии и спецслужб, которые стали опорой трона и не знали отказа ни в чём. Он привлек к решению экономических проблем технократов с западным образованием. В 1963-м Мохаммед Реза торжественно провозгласил начало «Белой революции шаха и народа» — кампании по модернизации жизни

в стране через расширение системы образования, массированную индустриализацию, внедрение новых технологий и земельную реформу. Первые десять лет «Белой революции» превратили Иран в региональную сверхдержаву. Уровень жизни, особенно в городах, рос невероятными темпами, тысячи иранских студентов учились в Европе и Соединённых Штатах, в Иране строились заводы и десятки тысяч квадратных метров нового жилья. Шах искусно поддерживал союз с США, умудряясь при этом не портить отношения с Советским Союзом. Когда после арабо-израильской войны 1973 года цены на «чёрное золото» взлетели в результате арабского нефтяного бойкота Запада, нефтедобывающая промышленность Ирана стала давать стране по 25 млрд дол. в год. В 1971-м Мохаммед Реза Пехлеви с помпой отметил 2500 лет персидской монархии и государственности. Он стал задумываться о строительстве атомных электростанций, чтобы сберечь надолго нефтегазовые богатства страны. Сторонним наблюдателям казалось, что в Иране наступает «золотой век», который будет длиться без конца.

Для шиитского духовенства реформы шаха виделись продолжением «безбожной» секуляризации его отца Резы и реально угрожали со временем окончательно подорвать влияние мулл. Стремление Мохаммеда Резы опереться на доисламскую историю Персидской империи Кира и Дария как на одну из основных составляющих нового иранского патриотизма, с точки зрения духовенства, было святотатством, отказом от исламской традиции. Для левых, включая коммунистов, нововведения препятствовали преобразованию Ирана по советским лекалам. Выросший до 20 проц. от всего населения средний класс мечтал не о братстве трудящихся, а о покупке нового дома или о поездке в Париж.

Наконец, и для левых, и для шиитского духовенства тысячи западных, прежде всего амери-

канских, специалистов и советников в Иране были символом зависимости от ненавистного и тем и другим Запада. Согласно отдельной договоренности между Вашингтоном и Тегераном американцы жили в особых районах и, не будучи дипломатами, фактически пользовались полным иммунитетом.

И если сначала «Белая революция», казалось, нанесла по позициям оппонентов шаха серьезный удар, то со временем ситуация стала меняться в их пользу. Во-первых, большинство населения страны продолжало жить в сельской местности, где успехи модернизации были намного скромнее, а влияние духовенства — значительно сильнее. Заданный шахом темп реформ для многих оказался слишком высоким. Во-вторых, экономический бум сопровождался сильным всплеском коррупции, затронувшей высшие эшелоны власти и шахскую семью. В-третьих, возможность критиковать политику властей была крайне ограничена. Средства массовой информации находились под полным контролем правительства. В парламенте заседали ручные политические партии, финансировавшиеся и управлявшиеся двором. В 1975 году шах распустил их и создал единственную легальную в стране «Партию возрождения народа Ирана». Членство в ней было обязательным для всех взрослых граждан. Это событие произошло одновременно со спадом на мировом нефтяном рынке, резким снижением темпов экономического роста и падением уровня жизни людей. Все это вкупе подтолкнуло к быстрой политизации даже тех иранцев, которые до того оставались аполитичными. Тысячи жителей страны, которые за государственный счет учились за рубежом, повидав мир, становились оппозиционерами. Кого-то привлекала западная демократия, кого-то — левые идеи, кто-то увидел за границей лишь безбожие, материализм и разврат и жаждал припасть к чистому источнику исламской традиции. Важно, что

и те, и другие, и третьи считали шаха врагом Ирана.

Сам Мохаммед Реза искренне не понимал, почему его начинания встречают все большее сопротивление. «Моя профессия — король» — мог бы он повторить вслед за ныне покойным иорданским монархом Хусейном, который так и назвал книгу своих воспоминаний⁶. Шах приходил на работу рано, уходил поздно, читал лично все бумаги, без конца принимал государственных деятелей, послов, журналистов, ездил по стране, открывал верфи и плотины, школы и заводы, памятники своему отцу и себе. Он исправно посещал мечеть, причем не по обязанности, а потому что был искренне верующим человеком. К насилию прибегал для борьбы с левыми и исламскими экстремистами, но делал это неохотно.

Бывший премьер-министр двора Асадолла Алам подробно описывал в своих дневниках, как шах отслеживал все отзывы о себе в мировой печати, как обижался на критику и нанимал консультантов по связям с общественностью. Они возили журналистов (прежде всего западных) по «новому Ирану», чтобы те описывали достижения страны на пути к прогрессу и процветанию. Многое из того, что пропагандировало шахское правительство, было не «потемкинскими деревнями», а реальными успехами той авторитарной модернизации, которую начал, но так и не успел завершить Мохаммед Реза Пехлеви. Он искренне верил в то, что правильная постановка пропаганды внутри и вне Ирана поможет переломить ситуацию в пользу династии. Но никакая демонстрация достижений не могла заглушить нараставший с середины шестидесятых годов поток критики, направленной против шаха и его методов управления. Международные правозащитные организации и западная пресса утверждали, что САВАК пытается оппозиционеров, граждане не имеют политических свобод, а в верхах

процветает коррупция. И это было такой же правдой, как и то, что реформы Мохаммеда Резы сделали Иран одной из ведущих держав Азии.

В какой-то степени шаху не повезло: последние пятнадцать лет его правления совпали со взлетом популярности левых идей и антиимпериалистической риторики по всему миру, а также с последней попыткой СССР закрепиться на позиции сверхдержавы путем активного финансирования агентуры и насаждения клиентских режимов в Азии и Африке.

Тем ценнее то, что Афхами посвящает теме САВАК и оппозиции объемистую главу. Он берется разобраться в одном из самых неприятных и болезненных для иранских монархистов вопросе: знал ли Мохаммед Реза о пытках, которые сотрудники САВАК применяли к оппонентам режима? Очень интересно читать приведенную в книге стенограмму интервью, которое, уже будучи в изгнании, шах дал знаменитому британскому журналисту Дэвиду Фросту.

Мохаммед Реза говорит, что «отдельные агенты САВАК» могли принять борьбу с подрывными элементами так близко к сердцу, что «в порыве гнева способны были ударить допрашиваемого... Но такого рода вещи невозможно предсказать». — «Однако, приняв титул “Царя царей”, вы должны нести ответственность за все происходящее в стране, не так ли?» — возражает Фрост, известный своим умением вежливо загонять собеседника в угол. «Я получал от САВАК только доклады по самым важным вопросам внутренней и внешней политики, они не разменивались на мелочи, ее сотрудники никогда не докладывали мне: “Мы пытали такого-то или такого-то человека”, — пытается объяснить шах. «Может, это и мелочи с глобальной точки зрения, но если учесть, что они нанесли большой моральный урон вашей стране и что оправдания пыткам просто нет,

то “мелочи” на самом деле оказались вовсе не мелочами», — отвечает шаху журналист (с. 387).

Голям Реза Афхами делает трудный для монархиста, но неизбежный для честного историка вывод: никакие ссылки на ненависть к оппонентам и на их, мягко говоря, далекие от идеалов Ганди методы «не оправдывают ни отдельных сотрудников САВАК, ни организацию в целом, ни самого шаха». Афхами резюмирует: «Шах был раздражен и растерян: он не мог защищать пытки, однако при этом пытки имели место. Он не мог связать руки своим людям и при этом ожидать, что они будут бороться с теми, кто в слепой ярости хотел уничтожить и его, и то, что он создал, и то, что он еще мог бы создать... В конце концов, шах решил просто не задавать лишних вопросов» (с. 400—401).

Однако, не желая задавать «лишние» вопросы, Мохаммед Реза не получил очень нужные ответы — и именно тогда, когда они могли спасти трон. «Большая часть политических убийств и покушений на убийство в Иране была делом рук исламских фундаменталистов... Однако работа САВАК была направлена прежде всего против левых, потому что левые были связаны с Западом», — пишет Голям Реза Афхами (с. 396). По мнению автора, шах придавал слишком большое значение своей репутации на Западе. Он до конца не мог поверить, что выпестованное им «поколение реформ» повернется против шахской власти именно потому, что в глазах этого поколения она перестает быть властью иранской, существующей во имя и для иранцев. Стараниями мулл, левых радикалов и Москвы она стала выглядеть как компрадорский, неоколониальный режим. Этот образ был во многом живым и преувеличенным. Но в политике мифы очень часто оказываются сильнее реальности. Более того, они ее подменяют. И Мохаммед Реза, и правящий класс Ирана, и многие искренние представи-

тели антишахской оппозиции осознали свои заблуждения слишком поздно, чтобы остановить неумолимый ход истории.

16 января 1979 года шах, его жена и ближайшее окружение поднялись на борт правительственного «Боинга-707» в тегеранском аэропорту Мехрабад. Незадолго до этого монарх утвердил кандидатуру премьер-министра Шахпура Бахтияра, конституционного монархиста и одновременно либерала-западника, который упразднил политическую полицию, восстановил свободу слова и собраний и надеялся укротить бушевавший почти год шквал народных демонстраций. Миллионы выходили на улицы, требуя смерти шаха, и шли под пули с криком: «Аллах Акбар! Хомейни Рахбар!» — «Аллах велик! Хомейни — наш вождь!». Бахтияр еще надеялся, что официальный повод для отъезда шаха — «лечение и отдых» — оправдает себя и, как и в 1953-м, Мохаммед Реза вернется домой править в соответствии с конституцией и мнением народных представителей. Однако сам монарх понял, что запас легитимности режима исчерпан и в этот раз он уезжает навсегда.

Это был, возможно, самый благородный поступок шаха. Он принципиально отказался отдавать армии приказ утопить народное восстание в крови и надеялся, что его отъезд успокоит страсти. Шах не был ангелом, но он, несомненно, был патриотом и по-своему любил свой народ. Он так и не понял, почему иранцы отказали ему во взаимности.

Спустя две недели, 1 февраля, другой «боинг» приземлился на ту же самую полосу Мехрабада. На трапе показался бородатый старик в черной чалме — аятолла Рухолла Хомейни. Так началась новая эпоха в истории Ирана, Ближнего Востока, да и всего мира. Парадоксально, но сегодня не только монархисты, но и многие левые винят Мохаммеда Резу за то, что он оставил своих сторонников на произвол судьбы, вместо того чтобы, пусть и ценой больших жертв,

предотвратить приход исламистов к власти. Ответ на вопрос «Что было бы, если...», как обычно в таких случаях, останется без ответа навсегда.

Ответственность за иранскую трагедию несут и США, слишком долго слепо доверявшие шаху, а потом бросившие его на произвол судьбы; и СССР, надеявшийся в разгар холодной войны с помощью своих агентов превратить Иран в еще одно государство-клиент; и иранская элита, поглощенная дележкой денег и борьбой за доступ ко двору.

Отдельная ответственность лежит и на самом шахе. Начав масштабную модернизацию, он надеялся облагодетельствовать народ с вершин власти. Мохаммед Реза не учел, что такая политика порождает не только благодарность, которая у любого народа проходяща, но прежде всего безответственность, грозящую обернуться ненавистью, стоит источнику благоденствия слегка обмелеть. Построенная шахом авторитарная система, с одной стороны, не учитывала неготовность значительной части традиционно настроенного иранского общества к резким изменениям, а с другой — изолировала ту умеренную оппозицию и интеллектуалов, которые в обмен на участие в политике готовы были бы помочь шаху добиться большей поддержки тех, кто действительно от его преобразований выиграл. Окружавшие монарха технократы с прекрасным западным образованием не спасли его режим, потому что не были в полном смысле этого слова политиками и целиком зависели от благорасположения шаха.

В прошлом году императрица (по-персидски «шахбану») Фарах Пехлеви принимала меня у себя дома в Париже. Ее Величество — вдумчивый и откровенный человек. Она не считает зазорным признавать ошибки и просчеты династии. Вдова Мохаммеда Резы Пехлеви охотно общается с самым широким кругом иранской оппозиции — от монархистов, которых возглавляет ее

сын, наследный принц и глава шахского дома Реза, до коммунистов из партии «Туде», которые долгое время считались главными врагами шахского трона. Я спросил императрицу, почему шах, обладавший разветвленным аппаратом политического сыска и немалыми средствами, так и не сумел разглядеть опасность, исходившую от аятоллы Хомейни и его сторонников. «Мы упустили из виду необходимость политических преобразований и свобод. Думали, что главное — экономика, социальная сфера. Это было главной ошибкой», — ответила Ее Величество. Впрочем, иранские коммунисты и левые либералы — из числа тех, кого не расстреляли исламские «революционеры» и кто успел бежать из Ирана — пишут сегодня письма императрице Фарах. Их смысл — также в осознании собственных просчетов: «Если бы мы только знали, что последует за свержением монархии, мы бы попытались найти компромисс с ней».

Вдова последнего шаха и принц Реза, с которым я встречался в Америке, утверждают, что борются за свободный выбор иранского народа, который должен сам решить, какую форму правления избрать. «Прежде всего, я хочу вернуться к себе на родину. А буду ли я там жить как монарх или как простой гражданин — решать иранскому народу. Я заранее принимаю любой его выбор», — сказал мне принц Реза. Семья последнего шаха на собственном трагическом опыте выучила урок истории: легитимность власти лучше всего обеспечивают институты политической свободы, они же помогают и властителям, и гражданам нести общую ответственность за жизнь страны. Книга Голяма Резы Афхами «Жизнь Шаха и его эпоха» — полный драматизма конспект этого урока, который для Ирана пока еще не завершен. ■

КОНСТАНТИН ФОН ЭГГЕРТ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Asadollah Alam. The Shah and I: The Confidential Diary of Iran's Royal Court, 1969–1977. I. B. Tauris, 2008.*

² *Ashraf Pahlavi. Faces in a Mirror: Memoirs from Exile. Prentice-Hall, 1980.*

³ *Farah Pahlavi. An Enduring Love: My Life with the Shah: A Memoir. Miramax, 2004.*

⁴ *Mohammad Reza Pahlavi. Answer to History. Stein & Day Pub., 1980.*

⁵ *Mackey S. The Iranians: Persia, Islam and the Soul of a Nation. Penguin Group, 1996.*

⁶ *Hussein de Jordanie. Mon Métier de Roi. Paris: R. Laffont, 1975. Русский перевод: Хусейн бен Талал. Моя профессия — король. М., 1995.*

БАЛЗЕР ХАРЛИ — профессор факультета политологии, факультета истории и Школы дипломатической службы (*School of Foreign Service*) Джорджтаунского университета (Вашингтон, США).

ДЕ ВААЛ ТОМАС — старший научный сотрудник Российско-Евразийской программы Фонда Карнеги за Международный Мир (Вашингтон, США).

ДУБИН БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ — руководитель отдела социально-политических исследований Левада-Центра.

ЗУБАРЕВИЧ НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА — директор региональной программы Независимого института социальной политики, профессор географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор географических наук.

О'КОННОР ТИМОТИ ЭДВАРД — проректор по образованию Национального исследовательского технологического университета «МИСиС».

ПОДВИНЦЕВ ОЛЕГ БОРИСОВИЧ — директор Пермского филиала Института философии и права УрО РАН, профессор Пермского государственного университета, доктор политических наук.

РАДАЕВ ВАДИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ — заведующий кафедрой экономической социологии и первый проректор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, профессор, доктор экономических наук.

ФЕДЮКИН ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ — директор по прикладным исследованиям Российской экономической школы.

ФОН ЭГГЕРТ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ — член Королевского института международных отношений (Лондон, Великобритания), член консультационного совета журнала *Pro et Contra*.

ФРУМИН ИСАК ДАВИДОВИЧ — научный руководитель Института развития образования Высшей школы экономики, координатор проектов по образованию Московского представительства Всемирного банка, доктор педагогических наук.

Vol. 14, No 3 (49)

COVER STORY

EDUCATION REFORM: PROJECTS AND PROSPECTS

The five pillars of a new university

BY VADIM RADAEV

Most of the educational community agrees (or has resigned itself to the conclusion) that the usual model of a university has run its course. This concerns not just the Soviet university model, but also the crisis of the previous, idealized notions of how a modern (read, 'Western') university should be structured. These notions, at least on the European Continent, were based on the principles of the Humboldt University as a center of universal knowledge. It is precisely these principles that today require a fundamental rethinking.

Russia's flagship universities

BY IGOR FEDIUKIN AND ISAK FROUMIN

The long overdue reform of Russia's system of higher education is blocked in large measure by the resistance of the academic community, which is interested in maintaining the status quo. Russia is not unique in this regard: attempts by the state, as the largest stakeholder, to 'shake up' insufficiently competitive universities always and everywhere faces resistance from those within the universities and the public opinion that they are able to mobilize. Russia's project of creating federal and national research universities may, to an extent, facilitate a change to the rules of the game in higher education, but it thus far does not include any contemporary development mechanisms.

Quality or a diploma?

BY BORIS DUBIN

A 'good' education in Russia's contemporary social system does not solve the issue of employment, with the result that the most qualified individuals often cannot find a reasonable place on the labor market and in the social structure of society. They accumulate dissatisfaction with

themselves and their social and cultural resources. It is indicative that it is precisely within this subgroup, more than in the population at large, that individuals most acutely feel not only their own insufficient ability to do what they want, but also their limited ability purposefully and effectively to influence the situation around them – in other words, the deficit of political, civic and other rights.

Learning to innovate in Russia and China

BY HARLEY BALZER

China and Russia face daunting problems in their efforts to compete in an increasingly crowded global innovation race. Their challenges are both similar and different. China must continue its uphill climb even as returns become harder to achieve. It must resist the temptation to revert to nationalist approaches. And it must permit greater intellectual and information freedom, which could threaten the CCP's political monopoly. Russia must do all of these things, but to even begin to confront the problem it must improve institutional performance by creating incentive structures that change the behavior of academic and bureaucratic elites.

Russian higher education: a comparison with the United States

BY TIMOTHY O'CONNOR

Today's Russia has set itself the goal of modernizing its system of higher education and bringing it into line with constantly changing international norms, first and foremost American standards. In this article, the author, who has years of experience in both American and Russian higher education, presents his view on the pluses and minuses of both, evaluates the ways and means of financing universities and attempts to discern the aims and goals of the national research institutions and universities that are means to play an increasingly major role in the development and modernization of education.

ARTICLES

Stabilization without modernization

BY NATALIA ZUBAREVICH

Many of the problems of the crisis have been ‘drowned’ in money from the budget, postponing their ultimate resolution. The result is a temporary stabilization without modernization. The crisis could not overcome the institutional barriers to increasing the quality of governance. However, this conclusion cannot be applied to all of Russia’s regions: some of them, though not many, began earlier and more quickly to adapt to harder constraints, creating the conditions for modernization.

The party of power’s feet of clay

BY OLEG PODVINTSEV

Regardless of the state of the economy and fluctuations in standards of living, United Russia has only limited capability to control municipal governance. No degree of institutional creativity will bring any significant change, unless they go so far as to eliminate even the appearance of political competition, making elections fully uncontested. The architects of Russia’s current system of power are unlikely to go that far.

Book Reviews**Our Authors**